

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Южно-Уральский государственный университет

Ю25
У76

В.Н. Усов

**РЕФЛЕКСИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Монография

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2010

ББК Ю251.3 + Ю251.54

У76

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор В.В. Ким
(заведующий кафедрой философии и культурологии ИППК УрГУ);
доктор философских наук, профессор К.М. Ольховиков
(кафедра социологии и СТУ УГТУ-УПИ)

Усов, В.Н.

У76 Рефлексивное управление: философско-методологический аспект:
монография / В.Н. Усов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ,
2010. – 220 с.

ISBN 978-5-696-04002-8

Монография доктора философских наук В.Н. Усова посвящена методологическому функционированию философской рефлексии в сфере рефлексивного управления. В обычных управленческих ситуациях, отличающихся относительной стабильностью, рефлексия выступает как основа методологии самоуправления. В плане внешнего управления критическими ситуациями среди социокультурных детерминант она представляется как его методологическая основа.

Адресована специалистам-философам, теоретикам и практикам рефлексивного управления, всем, кто интересуется его философскими проблемами.

ББК Ю251.3 + Ю251.54

Подписано в печать 15.02.2010. Формат 60×84 1/16.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,79. Уч.-изд. л. 14,53.
Тираж 300 экз. Заказ 37/159. Цена С.
Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.

ISBN 978-5-696-04002-8

© Усов В.Н., 2010

© Издательский центр ЮУрГУ, 2010

ВВЕДЕНИЕ

Осуществляемые в нашей стране реформы на фоне общей нестабильности человеческого бытия имеют неоднозначные последствия. Значительная часть населения ныне страдает. Беда проявляется в разных формах и сферах жизни. Ощущается и недостаточная востребованность философии со стороны власти имущих. Образовавшуюся идеологическую нишу государство пытается заполнить религиозным содержанием. Однако невостребованность философии не означает ее ненужности российскому обществу. В связи с этим резонно возникает вопрос: “Понимает ли наш народ, что судьба нашей цивилизации, государства, нашей роли в мире зависят прежде всего от его собственной роли в выработке государственной политики, избираемой властью?” [1, с. 109]. Отсутствие должного самосознания, бессубъектность свидетельствует о низком уровне его философской рефлексии.

Вместе с тем возникает другая жизненно важная для самой философии проблема – определение ее места и роли в общественной и личной жизни. В истории известны две крайние точки зрения на ее решение: 1) каждый мыслящий человек – философ (Ясперс); 2) философская деятельность требует специального образования (Фихте). Первая точка зрения ярко выражена, например, позитивизмом, заявившим, что наука есть сама по себе философия. То же можно нередко услышать от представителей бизнеса, политики, искусства, религии и др. Отсюда, как следствие, отрицание необходимости профессиональной философии. Вторая точка зрения выражается как раз ее профессионалами. Причем ее утверждают чаще всего не те, кто, так сказать, борется за хлеб насущный, а именно беззаветно и искренне служащие мудрости.

Проблема, рассматриваемая в монографии, относится не просто к философии, а к методологии ее прикладных исследований, точнее, к сравнительно молодой среди них области – философии управления, конкретно, к философии рефлексивного управления. В этой связи возникает целый ряд контекстов понятий “философия”, “рефлексия”, “управление”, многочисленные смежные аспекты, точки зрения, вопросы. Например, философию управления можно исследовать на глобальном, т.е. общественно-историческом

уровне, на уровне регионов и стран, отдельных философских школ, направлений и учений. В этом плане можно говорить и об управлении самой философией. Также особый интерес представляет изучение влияния философии на управленческую деятельность в истории человечества. На Востоке и Западе управление, как известно, различалось. Роль философии управления на всех уровнях социальной организации в Китае традиционно играло конфуцианство. В управлении телом и душой человека использовалась философия восточных единоборств и йоги. На Западе наиболее яркими историческими примерами реализации философии в управлении считаются клятва Гиппократова, влияние Аристотеля на А. Македонского, философии Платона и Аристотеля на формирование христианского мировоззрения, философии Просвещения – на Французскую революцию, марксистской философии – на Социалистическую революцию, философии Ницше – на формирование фашистской идеологии. Философия прагматизма изначально позиционирует себя в качестве руководства практической деятельностью. В монографии речь идет о философском осмыслении специализированного вида управленческой деятельности, появившегося сравнительно недавно в качестве продукта формирующейся постнеклассической науки.

Концепция рефлексивного управления возникла и развивалась преимущественно в нашей стране. Её идея зародилась в контексте прикладных исследований Московского методологического кружка, впоследствии названного школой Г.П. Щедровицкого, развивалась в тесном переплетении с ними, а с середины 1980-х – также в тесном переплетении с исследованиями отпочковавшейся от первой второй крупнейшей в стране методологической школы – Новосибирской школы “интеллектики” И.С. Ладенко. Автор этой идеи В.А. Лефевр в то время работал в закрытом военном институте и занимался автоматизацией принятия решений. В 1967 году после выхода в свет первого издания его книги “Конфликтующие структуры” ее термин закрепился, а сама идея стала развиваться в особом практико-прикладном психологическом направлении. Среди первых единомышленников В.А. Лефевра были В.П. Баранов, В.Е. Лепский, А.Ф. Трудолюбов.

С конца 1990-х годов исследования рефлексивного управления охватили весь спектр социальных наук. В них включились политологи, социологи, юристы, экономисты, теоретики менеджмента, теоретики административного управления и др. В настоящее время интерес к нему проявляется также со стороны представителей естественнонаучных, технических и математических дисциплин, синергетики, науковедения и даже лингвистики. Таким образом, сейчас можно говорить о междисциплинарном характере его исследований.

Распространение идей рефлексивного управления за рубежом связано в основном с деятельностью российских эмигрантов. Сам основатель этого научного направления В.А. Лефевр давно живет в США. Однако на Западе, также уже несколько десятилетий, ведутся и собственные аналогичные разработки. Это свидетельствует о наличии имманентной объективной логики в его исследова-

нии.

Западные аналоги рефлексивного управления стали появляться с 1970-х годов у создателей кибернетики второго порядка. Собственно техническое ее направление представили У. Матурано, Г. Паск, Ф. Варела, Р. Урибэ, Л. Лефгрэн, Г. Гюнтер, Г. Рот, Х. фон Ферстер и др.; гуманитарное – Э. фон Глазерсфельд, П. Ватцлавик, З. Шмидт, Н. Луман и др. – сравнительно небольшая группа известных ученых, которые обратили особое внимание на роль положительных обратных связей в управлении и связанных с ними процессов самоорганизации. Понятие рефлексии толковалось ими в смысле самоотнесенности и самореферентности систем.

Сравнивая работы отечественных и западных ученых в этой области, В.А. Лефевр отметил, что “западная кибернетика второго порядка разработала более развитую эпистемологию, в то время как советская превзошла Запад в ясных формулировках и способности решать специфические задачи” [2, с. 98]. Действительно, исследования западных кибернетиков привели к возникновению нового направления в эпистемологии – радикального конструктивизма. В отечественной науке подобных философских обобщений нет.

Философские обобщения идей кибернетики второго порядка осуществлялись почти всеми ее представителями, причем не только в эпистемологическом, но и в методологическом аспекте. Специально исследовал метод сложного синергетического мышления Э. Морен. Использование этого метода в прикладном аспекте показано, например, авторами теорий самообучающихся и интеллектуальных организаций. Практическую же реализацию такого образа мышления в менеджменте продемонстрировал известный американский предприниматель Дж. Сорос.

Поскольку центральным, реально “работающим” в рефлексивном управлении понятием является понятие “рефлексия”, во многих специальных исследованиях происходит дальнейшее его уточнение, конкретизация его смыслового содержания. При этом с различных позиций и точек зрения рефлексия представляется по-разному: как предмет исследования, как способность, как свойство, как объяснительный принцип, как регулятивный принцип, как принцип сознания, как принцип самосознания, как детерминанта, как процесс, как механизм и т.д. Отсюда возникает полисемантизм в ее определении, нередко приводящий к существенным методологическим расхождениям среди ученых.

В философском контексте разные стороны рефлексивного управления отражены в работах А.В. Авилова, О.С. Анисимова, А.С. Ахиезера, А.Н. Арлычева, В.С. Диева, Д.И. Дубровского, Л.Г. Ионина, С. Кара-Мурзы, А.В. Карпова, Ю.Д. Красовского, И.С. Ладенко, В.А. Лекторского, В.А. Лефевра, В.Г. Марачи, В.В. Никитаева, В.Е. Никифорова, В.М. Розина, М.А. Розова, Г.И. Рузавина, О. Савельзона, Г.В. Сориной, В.С. Степина, А.П. Хилькевича, В.П. Фофанова, Г.П. Щедровицкого, Ю.А. Шрейдера, И.П. Элентуха, других

отечественных ученых. Однако многими авторами оно толкуется неоднозначно. В.А. Лефевр изначально определил его как “процесс передачи оснований для принятия решения одним из персонажей другому”, как “передачу оснований, из которых выводится predetermined решение” [3, с. 43, 45]. В.В. Дружинин и Д.С. Конторов различили в нем внешнюю и внутреннюю (самоуправление) формы [4, с. 149, 171]. С учетом сказанного, рефлексивное управление мы будем понимать как управленческую деятельность, осуществляемую на основе рефлексии и посредством рефлексии. Рефлексивное управление – это управленческое воздействие обращающее назад – отражающее свое в иное, а иное в свое.

Типичные и массовые примеры рефлексивного самоуправления представлены обыденной жизнью, где каждый самостоятельный человек более или менее успешно управляет собственными делами и поступками. Они популярно описаны Д. Карнеги. Такие примеры являются образцами для создания самообучающихся и интеллектуальных систем управления. Внешнее рефлексивное управление критическими ситуациями имеет эпизодический характер. Оно встречается там, где используется (причем для любой цели) синергетический эффект: в случаях махинаций, афер и обманов; выигранных “малой кровью” сражений; в управлении “по слабым сигналам”, в “мягком” управлении, в “умном” управлении и т.д.

Предмет монографии – методологическое функционирование философской рефлексии в сфере рефлексивного управления. Его особенность обусловливается философской спецификой субъект-объектных отношений в данной области человеческой деятельности. Выделяя два основных способа существования человека – реактивный и рефлексивный, С.Л. Рубинштейн писал: “С появлением рефлексии связано философское осмысление жизни... С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни” [5, с. 352].

Субъект рефлексивного управления совпадает с объектом. Причем это совпадение реализуется в двух вариантах: 1. Путем включения объекта (в качестве средства) в деятельность субъекта. В этом случае осуществляется рефлексивное самоуправление. Сферу влияния философской рефлексии здесь определяет духовно свободный субъект, способный осознанно принимать самостоятельные и ответственные решения. 2. Путем включения субъекта в функциональную область объекта (в естественный ход событий). Это происходит тогда, когда управляемый субъект попадает в какую-либо критическую ситуацию. В этом случае оказывается возможным лишь внешнее рефлексивное управление. Мобилизующая роль философско-методологической рефлексии здесь требует особого профессионализма.

Цель монографии – выявить управленческие способности философской рефлексии в роли методологии человеческой деятельности, т.е. раскрыть ее

способности направлять, организовывать и регулировать человеческую деятельность, а также необходимость в самоуправлении и внешнем управлении критическими ситуациями.

В соответствии с указанной целью в работе ставятся следующие задачи:

- проанализировать развитие понятия рефлексии в истории философии и выявить ее методологическое значение;

- раскрыть философско-методологический смысл рефлексивного управления, на основе этого различить рефлексивное самоуправление и внешнее рефлексивное управление критическими ситуациями;

- истолковать философскую рефлексию как отражение иного в себе, т.е. представить рефлексивное управление в методологическом образе (понятиях) философской рефлексии;

- рассмотреть философскую рефлексию как отражение себя в ином, т.е. представить ее в смысловом образе (понятиях) управленческого механизма подготовки и принятия решений;

- проанализировать мировоззренческие предпосылки внешнего рефлексивного управления критическими ситуациями;

- отрефлексировать на философском уровне стратегии действия субъекта в типичных критических ситуациях.

Рефлексивное самоуправление рассматривается применительно к обычным, относительно стабильным управленческим ситуациям (гл. 1, 2), внешнее рефлексивное управление – применительно к критическим ситуациям, отличающимся нестабильностью и повышенной опасностью (гл. 3, 4). Эти ситуации сменяют друг друга во времени.

Работа носит методологический характер и поэтому имеет непосредственный выход на управленческую деятельность с любым объектом. Ее результаты могут использоваться, в частности, для обоснования подготовки и принятия различных решений; для разработки методологии различных стратегий, программ и планов, совершенствования организационной деятельности и повышения эффективности (само)контроля; в управленческом консультировании и преподавании различных управленческих дисциплин.

Глава 1. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ

1.1. Понятие рефлексии в истории философии и ее методологическое значение

В отечественной литературе имеются определенные представления об историческом развитии понятия рефлексии [6; 7; 8, с. 14–83]. Учитывая их, попытаемся понять этот процесс с методологической точки зрения.

Обычно, рассматривая проблему рефлексии, отмечают, что в европейской философии она впервые была поставлена Сократом, а ее исходной формой является самопознание. По-видимому, это верно, но главное заключается в том, что **рефлексия** изначально осмысливалась не как определенное понятие, а **как способ обоснования ценностей** – моральных, эстетических и др. Высшим благом в античности считалось знание, и, когда стало ясно значение умственной деятельности в их производстве (“деятельности души”), была выдвинута установка: “Познай самого себя”. Указывая на человека как на источник знаний, Сократ определял смысл человеческого бытия. В этой установке содержалось “требование к индивиду – перейти к самостоятельному поведению, выстроив соответствующие персональные представления о мире и себе” [9, с. 44]. Таким образом, им был задан курс на онтологическое толкование рефлексии, который выдерживался в европейской философии вплоть до Нового времени, сменившего его на гносеологический.

В диалогах Платона Сократ говорит прежде всего о рассудочной рефлексии. Так, в “Хармиде” рассудочность определяется как основная способность души, даются три разных ее понимания, затем из последнего выводится ее толкование как самопознания и знания добра и зла. При этом рассудочность как знание знаний явственно обнаруживает свою парадоксальность [10]. В “Федре” Платон рассматривает два диалектических способа ее преодоления: “способность, охватывая все общим взглядом, возводит к единой идее то, что повсюду разрозненно” и “способность разделять все на виды, на естественные составные части” [11, с. 176]. Для описания рефлексии им повсюду используются точные и выразительные термины, также обогатившие сокровищницу диалектической мысли: “самого себя” и “иное”, “свое” и “иное”, “в себе” и “для себя” и т.п.

Аристотель утверждал, что всегда следует проводить различие между мыслью и ее предметом, поскольку “и знание, и чувственное восприятие, и мнение, и рассудок всегда – как мы видим – направлены на другое, а сами на себя <лишь> побочным образом”. Но там, где предмет мысли свободен от материи, они друг с другом совпадают. Дело “в том, что в некоторых случаях знание есть <то же, что> предмет знания: в области знаний творческих это – сущность, взятая без материи, и суть бытия, в области знаний

теоретических логическая формулировка <предмета> и <постигающая его> мысль”. Божественный “разум мыслит сам себя, раз мы в нем имеем наилучшее, и мысль <его> есть мышление о мышлении” [12, с. 339]. Формальное тождество мышления и бытия он представил в “Аналитике”, основы которой до сих пор остаются “органом” правильного мышления.

Новые характеристики рефлексии обнаруживаются в неоплатонизме. В “Эннеадах” Плотина она описывается как процесс самоуглубления в недра собственной души и созерцания ее внутренней красоты как предмета. При этом субъект созерцания сливается со своим объектом. Таким образом, ему открывается глубинная творческая активность Духа, производящего и воспроизводящего весь умопостигаемый мир. “Творчество высочайшего Духа можно сравнить с умозаключением, но с таким, в котором заключение, вывод, дается сразу безо всяких посылок, показывающих его основания или предшествующие условия” [13, с. 201].

В европейской философии средних веков функциональное назначение рефлексии качественно изменяется. Здесь она выступает **как способ обоснования религиозных ценностей**, включавших в себя все другие. Причем сама философия здесь становится “служанкой богословия”. Виднейший представитель патристики Августин использовал с этой целью неоплатонизм; а главный схоласт средневековья Фома Аквинский – учение Аристотеля.

Августина в определенном смысле можно назвать антиподом Сократа. Форму сократического диалога в познании “души” он заменил своей “Исповедью”, критическую “иронию” – религиозной верой, а “майевтику” (т.е. помощь в “рождении истины”) – “откровением Бога”. Рефлексируя, Августин полагал, что наиболее достоверное знание – это знание человека о собственном бытии и сознании. Вместе с тем знание добра и зла он считал первородным грехом человечества. В отличие от Сократа Августин говорит о предопределенности жизни каждого человека, его ответственности перед Богом за нарушение им установленного порядка по своеволию. Смысл философствования в вере, по его мнению, в том, что надо не просто знать, а делать добро; делать добро – значит любить; в актах любви – творение [14].

Философская рефлексия Августина позволяет ему **познать (откровение) Бога в своей душе, а душу представить как творческий дар (творение) Бога**. Логика философской рефлексии Фомы Аквинского противоположная. У него: **Бог творит все, а все представляется (познается, открывается) человеком как сотворенное Богом**. Соответственно основные понятия его теологии также отличны. “Разум”, “познание” и “любовь” Августина он заменяет трансценденталиями: “единое”, “истинное” и “благое”. Исходное единство у него заключается в бытии, а сущность бытия – в Боге. Отсюда: все сущее есть одно; оно истинно и есть благо. Однако при этом возникает задача доказать существование самого Бога.

Продуктивную способность философской рефлексии Фома демонстрирует пятью способами решения. В первом доказательстве Бог – это непод-

вижное начало; во втором – **необусловленная** причина; в третьем – **необходимость** в себе; в четвертом – **не** требующее ничего для себя; в пятом – **не** управляемая, а управляющая всем сила. Во всех пяти случаях осуществляется **метафизическая** интерпретация эмпирической данности, выход за пределы естественного мира к его сверхъестественному источнику – Богу.

Назначение человека, по Фоме, – понимать и действовать с пониманием, т.е. сознанием дела. Разум ведет его к нравственному порядку, который выражает божественный закон. Он показывает, **как** следует себя вести, чтобы прийти к счастью. Разум знает добро и зло в действиях и вещах, и поэтому наша воля свободна. Человек свободен в том смысле, что, идя к цели, он ведет себя сам. Однако когда он забывает законы разума и откровение Бога, возникает зло. **Разум ведет человека к благу, а вера ведет разум** [15; 16; 17]. Рефлексия выступает здесь как “отраженная в логосе миротворческая активность божества, как самовыражение его умной энергии” (Сартр) [Цит. по: 8, с. 5].

Религиозные догмы Фомы Аквинского канонизированы церковью и до сих пор представляют основы официальной доктрины католицизма.

“Мыслители Возрождения, выдвигая идею человека как микрокосма, в котором в концентрированной форме выражаются все силы макрокосма, исходили из того, что познание природных сил есть вместе с тем и самопознание человека, и наоборот” [7, с. 446].

В Новое время **рефлексия** выступает **как способ обоснования научного знания**. В роли методологического принципа она позволяет решать гносеологические проблемы. Не случайно именно в этот период речь зашла и о ее собственном понимании. В его развитии отчетливо обнаруживаются два основных этапа: фиксирующий ее как способ обоснования научного знания в индивидуальном самосознании (Декарт – Локк – Лейбниц); определяющий ее как способ обоснования научного знания в общественном самосознании (Фихте – Шеллинг – Гегель). В критической философии Канта рефлексия играет двойственную роль.

Для преодоления сомнений, возникающих в познании, рефлексией впервые воспользовался Декарт. По его мнению, принцип индивидуального самосознания – “Я мыслю” – является единственным положением, которое может быть основанием достоверности не только собственного существования (“Я мыслю, следовательно, я существую”), но и для последующих заключений о существовании Бога, физических тел и т.д., а также различия между человеческой душой и телом [18, с. 3–417]. При этом он же впервые отличил рефлексю от рефлекса. Сравнивая их с отражениями луча света, он пишет: “... мы проводим различие между прямым и отраженным видением в том, что одно зависит от первого пересечения лучей, а другое – от второго, так первые и простые мысли младенцев (...) я называю *прямыми*, а не отраженными (non reflexas); когда же взрослый человек ощущает что-либо и одновременно воспринимает, что он не ощущал этого ранее, это второе восприятие я называю *рефлексией* (reflexionem) и отношу его лишь к

разуму, хотя оно настолько связано с ощущением, что оба происходят одновременно и кажутся неотличимыми друг от друга” [18, с. 564 – 565].

Отвергая концепцию врожденных идей Декарта, Дж. Локк утверждает мысль об опытном происхождении всех знаний. В этой связи он пишет: “Наше наблюдение, направленное или на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления” [19, с. 154]. Таким образом, он различает два его основных источника – ощущения и деятельность нашего ума. “Но, называя первый источник *ощущением*, – пишет далее Локк, – я называю второй *рефлексией*, потому что он доставляет только такие *идеи*, которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя. Итак, мне бы хотелось, чтобы поняли, что под *рефлексией* в последующем изложении я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность, и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают *идеи* этой деятельности” [19, с. 155]. Данное определение Локка стало исходным в теории интроспекции.

Лейбниц подверг критике эмпирический характер понимания рефлексии Локком. По его мнению, Локк не отличает человека от животных. Подчеркивая особую значимость всеобщих (врожденных) идей в человеческой жизни, Лейбниц замечает, что они происходят не из ощущения, а “берут свое начало в рефлексии. Но рефлексия есть не что иное, как внимание, направленное на то, что заключается в нас” [20, с. 51].

В таком понимании рефлексия дает **отчетливое** знание всеобщего, т.е. основы логически необходимых истин, обнаруживающих **несомненную** связь идей и **непреложные** выводы. Наличие отчетливых идей вместе со способностью размышлять и извлекать из них необходимые истины является разумением. Способность разуметь Лейбниц называет интеллектом, а деятельность этой способности – интеллектуальной деятельностью [20, с. 173].

В восприятиях животных существует *связь*, имеющая некоторое сходство с разумом, но она основана только на памяти о фактах или действиях, а не на познании *причин*. Настоящее рассуждение основывается на истинах необходимых или вечных, каковы истины логики, чисел, геометрии. Это-то и делает нас способными к наукам и доказательному знанию [21, с. 406–407].

К доказательству всеобщего знания для получения необходимой истины рефлексия прилагает логические принципы: тождества [20, с. 238], противоречия [20, с. 85] и достаточного основания [21, с. 408]. Например, как способ сознания и самосознания человека рефлексия доказывает его реальное, физическое и моральное, личное тождество. В этой связи Лейбниц употребляет такие выражения, как “я есть я” и “я не есть я” [20, с. 230–248].

По мнению Лейбница, рефлексия обладает самостоятельностью, но относительной. Многопорядковость рефлексии над рефлексией не может

быть бесконечной [20, с. 118]. В душе человека, в отличие от животных, есть и отчетливые и неотчетливые идеи, сознательное и бессознательное.

Важно также отметить его согласие с Локком в том, что рефлексия осуществляет управление разумом, в частности, руководство идеями добра и зла [20, с. 172–173].

В “Критике чистого разума” Кант говорит об *интеллектуализации* чувственных явлений Лейбницем и *сенсуализации* всех рассудочных понятий Локком. “Вместо того чтобы видеть в рассудке и чувственности два совершенно разных источника представлений, которые, однако, только в *сочетании* друг с другом могут давать объективно значимые суждения о вещах, каждый из этих великих философов ратовал лишь за один из источников познания, относящийся, по их мнению, непосредственно к вещам самим по себе, а другой источник считал или запутывающим, или приводящим в порядок представления первого” [22, с. 202]. В этой связи он различает формальную, **логическую** рефлексю, при которой представления просто сравниваются друг с другом, и содержательную, **трансцендентальную** рефлексю, при которой сравниваемые представления связываются с той или иной познавательной способностью, т.е. с чувственностью или рассудком. “Действие, которым я связываю сравнение представлений вообще с познавательной способностью, производящей его, и которым я распознаю, сравниваются ли представления друг с другом как принадлежащие к чистому рассудку или чувственному созерцанию, – пишет Кант, – я называю *трансцендентальной рефлексией*” [22, с. 197].

В этом понимании рефлексия “не имеет дела с самими предметами, чтобы получать понятия прямо от них; она есть такое состояние души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовывать понятия. Рефлексия есть осознание отношения данных представлений к различным нашим источникам познания, и только благодаря ей отношение их друг к другу может быть правильно определено” [22, с. 196–197]. При том или ином состоянии души отношения, в которых могут находиться определенные понятия друг к другу, это: **тождество и различие, согласие и противоречие, внутреннее и внешнее, определяемое и определение** (материя и форма). В каждой паре осуществляется взаимная рефлексия понятий.

В силу недостаточности трансцендентальной рефлексии субъективные основания ошибочно принимаются за объективные. “Поэтому, хотя мы и можем принимать некоторые познания, например, непосредственно достоверные положения, *без исследования*, т.е. не проверяя условий их истинности, однако мы не можем и не имеем права ни о чем судить *без рефлексии*” [23, с. 334]. Когда мы принимаем суждения без такой рефлексии, которая нужна и там, где нет никакого исследования, возникают *предрассудки*, порождаемые подражанием, привычками или склонностями.

Пример Лейбница также показывает, что “без этой рефлексии применение понятий слишком ненадежно и приводит к мнимым синтетическим основоположениям, которые критический разум не может признать и которые основываются исключительно на трансцендентальной амфиболии, т.е. смешении объекта чистого рассудка с явлением” [22, с. 201–202].

В “Критике способности суждения” Кант вновь возвращается к теме рефлексии. Он рассматривает ее как способность суждения. Причем сама эта способность толкуется им как **средство** связи чистого и практического разума в единое целое [24, с. 16–19].

Определяя способность суждения как “способность подведения особенно под общее”, Кант различает внутри нее **рефлектирующую** способность, заключающуюся в размышлении “согласно некоторому принципу о данном представлении ради понятия, возможного благодаря этому”, и **определяющую** способность, выражающуюся в том, чтобы “определять лежащее в основе понятие данным эмпирическим представлением” [24, с. 345].

Применяя рефлектирующую способность суждения по правилу (схеме) определяющей способности, мы размышляем над вопросом: для чего? Таким образом, на основе принципа субъективной целесообразности Кант выделяет рефлексию *эстетической способности суждения* о произведениях искусства, а на основе объективной целесообразности – рефлексию *телеологической способности суждения* “о природных вещах” [24, с. 331–385].

Начиная с “наукоучения” Фихте в немецкой классической философии, рефлексия понимается как способ обоснования научного знания в общественном самосознании. Таким образом, определяется ее культурно-исторический аспект, аспект саморазвития и свободы.

В работе “О понятии наукоучения, или так называемой философии” Фихте пишет: “Рефлексия, которая господствует во всем наукоучении, поскольку оно есть наука, есть *представление*” [25, с. 270]. В “Изложении наукоучения от 1801 года” он конкретизирует это понятие: наукоучение “представляет собой знание о знании”, “оно есть лишь общее знание, достигшее знания о самом себе, – самоотчетности и ясности по отношению к самому себе и власти над самим собою” и подчеркивает его методологическое значение: “Ни в каком смысле не является оно нашим предметом, а нашим орудием, нашей рукою, нашей ногою, нашим оком, и даже не нашим оком, а только ясностью взора” [26, с. 13–14].

Представленная в “наукоучении” Фихте рефлексия подчиняется диалектической закономерности, выражающейся в антитетическом методе: тезис – антитезис – синтез. Для формулировки его основных положений он переосмысливает логические принципы Лейбница в духе субъективного идеализма:

- первое основоположение: “Я полагает Я”;
- второе основоположение: “Я противопоставляет не-Я”;
- третье основоположение: “Я полагает «Я» и «не-Я»” [25, с. 262, 269–272].

Однако “Всеобщее Я” у Фихте фактически выступает как наиндивидуальный, сверхчеловеческий, мировой дух.

Диалектическое саморазвитие рефлексии знания в “наукоучении” выражается как способ разрешения противоречий между: его бытием и свободой, его материей и формой, его реальностью и идеальностью и т.д. Автор предпринимает попытку преодолеть дуализм кантовского учения, создав целостную систему теоретической и практической философии.

В философской системе Фихте исходным пунктом является “Я”. Оно выступает в двух основных ипостасях: 1) как субъект (S); 2) как объект (O). В схеме рефлексии это выглядит так: S – O – S' (где S' означает завершающий синтез, “Я и «не-Я»”). Усваивая фихтеанские идеи, Шеллинг критически переосмысливает их. Исходным началом его рефлексивной схемы оказывается объективный компонент, именуемый природой (естествознание). Она также выступает в двух основных ипостасях: 1) как *продукт* она называется *объектом* (O); 2) как *продуктивность* – *субъектом* (S) [27, с. 193]. Соответствующая этому формула может выглядеть так: O – S – O' (где O' означает возвращение природы к самой себе). “Мертвые и бессознательные продукты природы, – пишет Шеллинг, – суть лишь ее неудавшиеся попытки рефлексировать саму себя... Высшую свою цель – стать самой себе объектом – природа достигает только посредством высшей и последней рефлексии, которая есть не что иное, как человек, или – в более общей форме – то, что мы называем разумом, посредством которого природа впервые полностью возвращается в саму себя, вследствие чего обнаруживается с очевидностью, что она изначально тождественна тому, что постигается в нас как разумное и сознательное” [27, с. 233–234]¹.

“Что в самосознании субъект и объект мышления едины, может стать ясным каждому только посредством акта самосознания. Для этого надо, осуществляя этот акт, одновременно подвергнуть себя в нем рефлексии”. “Когда я посредством самосознания становлюсь для себя объектом, у меня возникает понятие Я, и, наоборот, понятие Я есть только понятие самообъективации” [27, с. 254, 255]. В самосознании *представляемое* есть одновременно и *представляющее*, а *созерцаемое* – *созерцающее*.

Вследствие такого воззрения на природу Шеллинг лишает рефлексии продуктивной способности, оставляет последнюю созерцанию. По его мнению, рефлексия имеет дело только с продуктами. Вместе с тем она является условием дальнейшего продуцирования [27, с. 194–213, 374].

В этой связи переосмысливается и понятие свободы. У Фихте она представлялась идеалом творческой самодеятельности Я. “Реальное же и живое понятие свободы, – пишет Шеллинг, – заключается в том, что она есть спо-

¹ Эта рефлексивная схема соответствует и эволюции взглядов самого Шеллинга: от “натурфилософии” к “трансцендентальной философии” и, далее, к “философии тождества” (пантеизму).

способность к добру и злу” [28, с. 102]. Рассматривая многопорядковость рефлексии, он говорит о возникновении свободы только во втором ее акте, который “определяет вменяемость и вообще свободу как выбор между противоположными или произвол” [28, с. 21]. При этом Шеллинг впервые обращает внимание на место и роль философской рефлексии: “Над первой и второй рефлексией существует еще более высокая рефлексия, объединяющая обе первые. Это – *философская рефлексия*. И в ней есть своя система, ибо истина может быть только одна” [28].

Наиболее развитую концепцию рефлексии, можно сказать во всей классической философии, представил Гегель. В “Феноменологии духа” она выражается как способ самосознания духа, стремящегося к свободе и переходящего на этом пути от одной исторической формы к другой [29, с. 92–120]. В логически обобщенном виде сущность рефлексии он изложил в большой и малой “Науке логики”.

В малой “Науке логики” Гегель, в частности, пишет: “Мы употребляем выражение *рефлексия* прежде всего по отношению к свету, когда он в своем прямолинейном движении встречает зеркальную поверхность и отбрасывается ею назад. Мы, таким образом, имеем здесь нечто удвоенное: во-первых, некое непосредственное, некое сущее и, во-вторых, то же самое, как опосредствованное, или положенное. Но то же самое происходит, когда мы рефлектируем о предмете, или (как обыкновенно говорят) размышляем о нем, поскольку именно здесь предмет не признается нами в его непосредственности, мы хотим познать его как опосредствованный. Задачу и цель философии обыкновенно также видят в познании сущности вещей и понимают под этим лишь то, что философия не должна оставлять вещи в их непосредственности, а должна показать, что они опосредствованы или обоснованы чем-то другим. Непосредственное бытие вещей здесь представляют себе как бы корой или завесой, за которой скрывается сущность” [30, с. 265]. Сам же он рефлексиию везде толкует как движение от непосредственного знания к опосредствованному, предполагающему возвращение назад, т.е. вновь к непосредственному, но уже обогащенному предшествующим содержанием.

Так, по Гегелю, в сущности абсолютная рефлексия определяет себя трояким образом:

“Она, *во-первых, полагающая рефлексия*;

она, *во-вторых, начинает с предположенного непосредственного* и есть, таким образом, *внешняя рефлексия*.

В-третьих, однако, она снимает это предположение, и, будучи *в то же время* в этом снятии предположения предполагающей, она есть *определяющая рефлексия*” [31, с. 360].

Гегель замечает, что рефлексивная способность суждения, о которой писал Кант, характеризует не рефлексиию вообще, а только внешнюю рефлексиию. Поскольку она всецело исходит и получает свое содержание извне, она

действует формально как и рассудок. Рассудок же фиксирует абстрактные определения и не в состоянии выявить их единство. *Рефлектированные определения* – другого рода. Здесь обнаруживается важное отличие рефлексивных определений и от диалектических. В сравнении с последними, указывающими на *имманентный переход* определений в свою противоположность, рефлексия выявляет лишь их отражение друг в друге, взаимное свечение друг в друге. “Поэтому они упорно противятся своему движению” [31, с. 364–365; 30, с. 206]. Другими словами, движение (диалектика) рефлексии не есть рефлексия движения (диалектики).

Рефлексивное движение мысли Гегель показывает в трех логических формах:

- 1) рефлексивных определениях (положениях);
- 2) рефлексивных суждениях (суждениях рефлексии);
- 3) рефлексивных умозаклечениях (умозаклечениях рефлексии).

Рефлексивные определения характеризуют диалектическую сущность любого движения. С этой целью используются такие понятия, как *тождество* (абстрактное и конкретное), *различие* (включающее разность и противоположность), *противоречие*, в котором противоположность рефлектуется в самое себя и возвращается в свое *основание* (абсолютное и определенное). Речь, как видим, идет о возникновении, развитии и разрешении противоречия, впоследствии названного диалектическим. В этой связи Гегель указывает на ограниченность в его отражении трех законов формальной логики [31, с. 368–434].

Рефлексивные суждения и умозаклечения он рассматривает в третьей части “Науки логики” – в “Учении о понятии”. Здесь “тождество” обращается в понятие “*всеобщность*”, “различие” – в “*особенность*”, “противоположность” – в “*единичность*”. Суждения рефлексии выражают относительность мысли. Субъект в них определяется предикатом. Таким образом, в них подводятся: единичное под особенное (сингулярное суждение), особенное под всеобщее (партикулярное суждение), единичное под всеобщее (универсальное суждение) [32, с. 82–90].

В умозаклечениях, отличающихся от суждений, по Гегелю, наличием *среднего члена*, рефлексия обретает наиболее развитые логические формы. Как следствие, их оказывается также три: умозаклечение общности (попадающее под схему фигуры: $E - O - B$), индуктивное умозаклечение (схема его фигуры: $B - E - O$) и умозаклечение аналогии (имеющее своей абстрактной схемой фигуру: $E - B - O$). “Первое умозаклечение для своего опосредствования отсылает нас ко второму умозаклечению, а второе – к третьему” [32, с. 131–142; 30, с. 375].

Рефлексивная диалектика логических форм, представленная Гегелем, фактически сводится к систематическому разрешению противоречий, обнаруживаемых в отношении субъекта к объекту. Однако в роли того и другого у него выступал абсолютный Дух. Противоречия разрешаются в основани-

ях, утверждал он. Но его идеализм уводил в сторону от реалий. Дальнейшее развитие учения о рефлексии было непосредственно связано с этой проблемой.

Объективности ради нужно также отметить, что “философии немецкого идеализма, делавшей акцент на рефлексивные механизмы деятельности мышления и отношения мысли к действительности, противостояла другая линия, подчеркивавшая значимость нерефлексивных процессов (философия чувства и веры Ф.Г. Якоби, антропология Л. Фейербаха, философия воли А. Шопенгауэра, философия бессознательного Э. фон Гартмана и др.)” [7, с. 448]. Значение рефлексии недооценивалось и марксизмом. Она им “трактовалась как способ обоснования метафизической, рассудочной философии” [7].

В неклассической философии XIX–XX вв. рефлексия определялась **как философский метод обоснования самих оснований духовной и практической деятельности**. Основополагающая функция философской рефлексии исследовалась как на индивидуальном, так и на социально-коммуникативном уровне. Наиболее зримо ее роль в индивидуальной человеческой деятельности была выявлена *феноменологией* (Гуссерль, Вебер, Шюц), *экзистенциализмом* (Хайдеггер, Сартр, Камю, Ясперс) и *прагматизмом* (Пирс, Джемс, Дьюи); в социально-коммуникативной деятельности – *герменевтикой* (Дильтей, Хайдеггер, Рикер, Гадамер).

Проблему обоснования оснований Гуссерль описывает так: “Повседневная практическая жизнь наивна, и происходящее в ней опытное познание, мышление, оценивание и действие погружено в заранее данный мир. При этом вся интенциональная работа опытного познания, в котором только и даны нам вещи, совершается анонимно... Не иначе дело обстоит и в позитивных науках. Им свойственна наивность более высокого уровня... Поэтому даже на высоком уровне развития современных позитивных наук мы сталкиваемся с проблемами оснований, парадоксами и неясностями” [33, с. 517– 518]. В качестве универсального метода решения этой проблемы он предлагает “феноменологический метод самоосмысления”. Причем сама возможность феноменологии обосновывается продуктивной способностью философской рефлексии.

Аподиктические (несомненные) основания теоретической и практической деятельности, по Гуссерлю, находятся в трансцендентальном опыте каждого индивидуального субъекта и раскрываются путем философского самопознания. На этом пути “мы должны отличать *прямые* (...) акты схватывания в восприятии, в воспоминании, в высказывании, в оценке, в целеполагании и т.д. от рефлексивных, посредством которых как охватывающих актов новой ступени нам только и раскрываются прямые акты. В прямом восприятии мы схватываем, к примеру, дом, но не само восприятие. Только в рефлексии мы *направляемся* к нему и к его воспринимающей направленности на дом” [33, с. 363].

Рефлексия, в свою очередь, им подразделяется на *естественную* и *трансцендентальную*. “В повседневной **естественной рефлексии**, а также в рефлексии, осуществляемой в психологической науке (и, следовательно, в психологическом опыте наших собственных переживаний), мы стоим на почве мира, преданного в качестве сущего; так, в повседневной жизни мы говорим: «Я вижу там дом» или «Я вспоминаю, что слышал эту мелодию» и т.д.” [33]. В этой естественной установке Я погруженное в мир и *заинтересовано* в мире. “Я нахожу себя как человека в мире, и притом как познающего этот мир, включающий и меня самого, в опыте и в науке” [33, с. 424]. **Трансцендентальная рефлексия** существенно изменяет установку сознания и утверждает позицию *незаинтересованного* наблюдателя. “Теперь я говорю себе: все, что есть для меня, есть, как таковое, благодаря моему познающему сознанию, есть для меня познанное в моем опыте, помысленное в моем мышлении, теоретически развитое в моей теории, усмотренное в моем усмотрении” [33]. “Это «бытие-в-сознании» есть... интенциональное, являющееся, и в этом смысле идеальное «бытие-в», как имманентный сознанию предметный смысл” [33, с. 374]. Причем каждое протекающее в сознании переживание полагает некий предмет по-своему. В восприятии дома полагается дом в модусе восприятия, в воспоминании дома он полагается в модусе воспоминания, в воображении дома – в модусе воображения; предикативное суждение о доме – соответственно в модусе суждения и т.д.

Переход от обычной, естественной установки сознания к трансцендентально-феноменологической осуществляется с помощью феноменологической редукции. На этом этапе рефлексия выполняет критическую функцию, сходную с методическим сомнением Декарта. Найденное в ее результате несомненное основание “Я есть” оказывается исходным пунктом дальнейшего действительного и возможного трансцендентального опыта самопознания. В его данностях проступает имманентная внутреннему времени универсальная аподиктическая структура, определяемая как разумность, горизонты которой охватывают все возможные миры феноменологической онтологии [33, с. 390–515].

Весь феноменологический путь Гуссерля можно представить уже знакомой схемой $O - S - O'$, где переход от объекта (O) к субъекту (S) толкуется как выявление естественной рефлексией субъективного в объективном, а переход от субъекта (S) к новому объекту (O') – как конституирование трансцендентальной рефлексией в сознании субъекта (S) интенционального объекта. Сам субъект (S) здесь, как видно, играет двойственную роль. Эта схема выражает механизм постижения сущности бытия. В “Основных понятиях метафизики” Хайдеггер назвал его первый этап просто “рефлексией”, второй же – “рефлексией рефлексии” [34, с. 379].

В свете своих рефлексивных идей Гуссерль рассматривает и некоторые вопросы управления. Он говорит о принятии рассудочных, оценочных и

волевых решений, об ответственности за их выполнение [33, с. 404–405]; о сущностных законах, управляющих совместимостью переживаний как протекающих одновременно и последовательно [33, с. 413–415]; об опыте “собственного” управления своим живым телом и конституировании миров, ориентированных к личности [33, с. 470–473, 492–493]; о познании других субъектов, управляющих посредством психики подчиненными им природными телами [33, с. 436], и др. Гуссерлевская “интенциональность”, по Хайдеггеру, “само-направленность на ...”, также включает в себе управленческий смысл [35].

Преодоление трансцендентального солипсизма Гуссерль видит в интерсубъективности. Таким образом, он открывает путь к экзистенциальному и социально-коммуникативному аспектам рефлексии.

Зародившаяся в недрах феноменологии экзистенциальная трактовка рефлексии от предшествующей отличается качественно. Ее общие характеристики достаточно ясно описал Сартр. Отмечая своеобразие экзистенциалистских учений, он указал на объединяющее их “убеждение в том, что существование предшествует сущности, или, если хотите, что нужно исходить из субъекта” [36, с. 321]. Данное положение имело своей подоплекой естественную феноменологическую установку, рефлексивно выражающуюся как “бытие человека-в-мире”.

На основе данного положения Сартром разворачивается альтернативный феноменологическому пути рефлексии “круговорот самости”. “Таким образом, своим появлением сознание посредством чистого ничтожайшего движения рефлексии делается *личным*... Но кроме того, это первое рефлексивное движение влечет за собой второе, или самость. В самости мое возможное отражается в моем сознании и определяет его как то, что оно есть”. “Без мира нет самости, нет личности; без самости, без личности нет мира. Но эта принадлежность мира к личности никогда не *полагается* в плоскости дорефлексивного cogito” [37, с. 135, 136]. Последнее является первым условием всякой рефлексивности [37, с. 107].

Онтологическую структуру дорефлексивного cogito Сартр выражает двойственностью: “отражение-отражающего”. В ней “каждый член, полагаясь для другого, *становится* другим”. Но в случае рефлексии дело обстоит несколько по-другому. “Это – внутрискруктурное преобразование, которое реализует для-себя в себе; словом, для-себя, которое делает себя существующим в форме рефлексивно-отражающего, вместо того чтобы быть просто в форме отражение-отражающее; это новый способ бытия, оставляющий, впрочем, существовать форму отражение-отражающее в виде внутренней первичной структуры. Кто мыслит обо мне, не есть какой-то чистый вневременной взгляд, – это я сам, который длится, будучи включенным в круговорот моей самости, находясь под угрозой в мире, со своей историчностью. Просто эта историчность, и это бытие-в-мире, и круговорот самости, это для-себя, которыми я являюсь, живут в форме рефлексивного раздвоения (*dédoublement*)” [37, с. 180, 181].

В этой связи: “рефлексивное завоевание Декарта, *cogito*, не должно быть ограничено бесконечно малым мгновением. Отсюда можно, впрочем, заключить, что *мышление* является актом, включающим прошлое и предначертывающим себя посредством будущего” [37, с. 184]. Таким образом, историчность снимает парадоксы рефлексии. Вместе с тем **в отношении с временностью** она подразделяется на **чистую и нечистую**.

Чистая рефлексия есть простое присутствие для-себя в отношении к отражающему для-себя. Другими словами, – это **отражающее** (как субъект) отражение (как объективность) или самосознание. Она является первоначальной формой рефлексии и ее идеальной формой, возникает в результате своего рода катарсиса (типа, феноменологической редукции) и предполагает объективную точку зрения. Эта рефлексия делает существующим для себя раскрытие в раскрываемом бытии, причем делает его аподиктическим. Но чистая рефлексия открывает временность только в ее первоначальной несубстанциональности, в ее отрицании бытия-в-себе [37, с. 183–190].

Нечистая рефлексия “полагает себя как *не являющейся* отражающим и определяющей *то, как оно есть*”. Она осуществляет появление в-себе, определяемое как присутствие в отношении к миру. “И акт, посредством которого рефлексия определяется, чтобы брать отражающее как объект, является сам по себе: 1) позицией рефлексивного как *не являющегося* отражающим; 2) принятием точки зрения по отношению к отражающему” [37, с. 189]. Другими словами, – это **отражение**, сознание (как субъективность) отражающего (как объект).

Нечистая рефлексия включает в себя чистую как свою первоначальную структуру, но в повседневной жизни сама дается первично. Она является конституцией и раскрытием психической временности. Нечистая рефлексия конституирующая, поскольку в ней раскрывается сама субстанциональность организованных форм течения *психической жизни*. “Чистая рефлексия всегда лишь квазипознание; но только о Психическом можно иметь рефлексивное знание” [37, с. 188–198].

Рефлексия как способ бытия человека в-мире экзистенциалистами представляется в разных формах. Это: самопроектирование, самоотрансцендирование, самоосуществление, самопостижение, самодеятельность... индивидуального субъекта в конкретной ситуации. Механизм этого процесса – выбор. Экзистенциальный выбор определяется как выбор себя, своей собственной позиции, как следствие, своего отношения к миру. Отношение человека к миру бывает положительным (утвердительным) и отрицательным. Таким образом, экзистенциальная рефлексия выявляет **ценности**. Причем высшей ценностью здесь оказывается **свобода** человека, определяемая как способность делать собственный выбор. Она сопрягается с **ответственностью** за все возможные действия.

В плане исследуемой темы обращает на себя внимание повышение значимости философской рефлексии для человека, попадающего в какую-либо пограничную ситуацию, о чем специально говорил Ясперс [38, с. 21–28, 53–63; 39, с. 379–380].

В прагматизме рефлексия истолковывается как способ мышления. В отличие от феноменологии и экзистенциализма, определявших, соответственно, **предметные** и **ценностные** основания человеческой деятельности, здесь речь идет о выявлении ее **операциональных оснований**. Инструментально развитую трактовку философской рефлексии с такой точки зрения представил Дьюи¹.

Выделяя особенности рефлексивного мышления, Дьюи констатирует его логичность, стремление к уверенности и выявление ее оснований. Гарантирующую уверенность функцию он считает центральным фактором рефлексивного мышления.

Существенные элементы всякой рефлексивной деятельности, по Дьюи: а) состояние нерешимости, колебания, сомнения и б) процесс искания, или исследования. Потребность в разрешении сомнения в ней является постоянным и руководящим фактором. “Где нет вопроса, или проблемы для разрешения, или где нет затруднения, которое нужно преодолеть, поток мыслей идет наобум... Но вопрос, на который надо ответить, затруднение, из которого надо выйти, ставит определенную цель и направляет течение мыслей по определенному каналу. Каждое возникающее заключение оценивается по отношению к регулирующей цели, по его соответствию данной проблеме. Эта потребность распутать затруднение контролирует предпринимаемое исследование” [41, с. 14]. Таким образом, важно поддерживать состояние сомнения и вести систематическое и медленное исследование.

Необходимость рефлексии обуславливается ее регулятивной функцией. Мысль доставляет единственный метод избежать чисто импульсивной или чисто рутинной деятельности. Способности мысли резюмируются в заключениях. Однако процесс вывода заключений может идти неправильно или правильно. Самые обычные условия жизни требуют регулировать этот процесс, предостерегать его от различных ошибок, обманов и заблуждений. Регулирование превращает вывод заключений в логическое доказательство.

Наиболее определенно регулятивная сила рефлексии раскрывается в полном акте мышления. В нем Дьюи выделяет пять логических ступеней: 1) чувство затруднения, предполагающее постановку проблемы; 2) определение затруднения или выявление природы проблемы; 3) предположение или предположения о возможном решении; 4) развитие рассуждения об отношениях предположения, т.е. о его следствиях; 5) дальнейшие наблюдения, приводящие к признанию или отклонению, т.е. заключению, к уверен-

¹ Не случайно книга, в которой представлено понимание Дьюи рефлексии, называется “Как мы мыслим”. К сожалению, на русский язык с 1922 г. она переводится как “Психология и педагогика мышления” [40, с. 180].

ности или неуверенности. На этой последней стадии речь фактически идет о принятии (или непринятии) решения. Таким образом, полный акт мышления включает в себя двойное движение рефлексии: *индукцию* и *дедукцию*. И это движение может происходить случайно, не критическим путем или правильно. “Разница заключается в большей сознательной осторожности, с которой преодолевается каждая фаза процесса” [41, с. 67]. Сила рефлексии здесь выражается в систематическом выводе умозаключения. Оно устанавливается в посылках (основаниях), последние содержат в себе заключение.

Руководство процессами индукции и дедукции рефлексия осуществляет с помощью соответствующих методов.

Умозаключение состоит из суждений. В свете рефлексии суждения представляются как толкования фактов. Руководство этими процессами она осуществляет посредством *методов анализа и синтеза*.

В свою очередь, суждение образуется понятиями. Понятие истолковывается Дьюи как результат процесса понимания. Таким образом, осуществляется возврат к центральной функции всякой рефлексии.

Рефлексия понятийного мышления определяет его конкретный и абстрактный, эмпирический и научный уровень и их методы.

В онтогенезе и развитии человека рефлексия уравнивает такие фундаментальные характеристики его деятельности, как бессознательное и сознательное, процесс и результат, дальнее и ближнее. В умственном плане она определяет единство психологического и логического, дисциплины и свободы [41].

В герменевтике философская рефлексия обретает новую специфику. Ее методологическое значение в этой области было установлено Гадамером в книге, имеющей полемическое и двусмысленное название – “Истина и метод” [42, с. 616]. “Герменевтическая рефлексия – вершина всего моего исследования”, – отметил ее автор [42, с. 638].

Гадамер различает саморефлексию и взаимную рефлексию. Саморефлексия монологична. Ее субъектом изначально является индивид. Взаимная рефлексия диалогична. Она осуществляется в социальных коммуникациях, в общении людей друг с другом. Но здесь имеется диалектика: монолог диалогичен, а диалог монологичен. Диалогичность индивидуальной рефлексии устанавливается между “Я” и “Ты”. Монологичность коммуникативной рефлексии представляется самосознанием общества. Образцом философского рефлексивного монолога, по его мнению, является учение Гегеля. Философские образцы рефлексивного диалога представляют беседы Сократа в учении Платона. Герменевтическая рефлексия, по Гадамеру, выступает как методология общественного самосознания [42, с. 317–444; 532–643].

Отмечая диалектический характер любой рефлексии, Гадамер видит ее природу все же в отражении. Для разъяснения этого он также обращается к метафоре света. “В самом деле, – пишет Гадамер, – всеобщий способ бытия света заключается в подобной рефлектированности в себя самого. Свет –

это ведь не только освещенность того, что он освещает, но, делая видимым другое, он сам становится видимым, и он не может быть видимым как-то иначе, но лишь делая видимым другое... Эта рефлектированность, составляющая бытие света, лежит, очевидным образом, в основе того, что свет связывает воедино зрение и зримое, так что без света нет и не может быть ни того, ни другого. Из этого тривиального утверждения вытекает весьма многое...” [42, с. 557]. Так, например, возникает видимость, что “именно эта структура мышления является основанием возможности его рефлексивного обращения к себе самому – обращения, в котором оно делается своим собственным предметом” [42, с. 494]. Однако спекулятивное отражение как рефлексия не есть в точном смысле диалектика.

Слово “спекулятивное” Гадамер употребляет в гегелевском рефлексивном смысле – как отношение отражения. “Отражаться друг в друге, – пишет он, – значит все время меняться местами. Если что-то одно отражается в чем-то другом, например замок в озере, то это значит, что озеро отбрасывает образ замка... Подлинная мистерия отражения заключается именно в неустойчивости образа, в неуловимости чистой передачи” [42, с. 538].

Как отношение отражения, мысль также рефлексивна. Причем **диалектика** этой рефлексии есть **движение** отражения, **деятельность** отражения, т.е. **деятельность** мышления. В этом смысле вся философия Гегеля есть выражение спекулятивного, изложение того, что, собственно, заложено в спекулятивном и постольку “действительно” спекулятивное. Однако рефлексивное движение нельзя ограничить мыслью человека. Рефлексия есть в любой человеческой деятельности. В этом плане следует вести речь о **рефлексии** движения (диалектике), об **отражении** диалектики деятельности, т.е. об **отражении** “деяния самого дела” [42, с. 548]. Рефлексия как отражение деяния самого дела есть деятельностная форма рефлексии. Она отражает бытие человека в мире и выражается в отношении человека к миру, которое универсально представляется языком. “*Бытие, которое может быть понято, есть язык*”, – заявляет Гадамер [42]. В этом положении, очевидно, сформулирована и задача философской герменевтики.

Герменевтическая рефлексия “вырастает повсюду из конкретной практики науки и существует, само собой разумеется, для методологических убеждений, то есть контролируемого опыта и фальсифицируемости” [42, с. 616]. Это отражено в структуре самой работы Гадамера “Истина и метод”. По смыслу она включает три главных раздела:

1. История.
2. Основные черты теории.
3. Прикладной аспект, определенный как онтологический поворот герменевтики.

Герменевтическая рефлексия как **отражение** “деяния самого дела” представлена здесь во втором разделе, ее “специфическая” **реализация** – в третьем.

Категориальный аппарат герменевтической рефлексии здесь выражается такими понятиями, как “историзм”, “герменевтический круг”, “предрассудки понимания”, “применение”, “действенно-историческое сознание” и др. Ее смысловое “ядро” заключается в “герменевтическом опыте”. Он разворачивается в диалектике вопросов и ответов, понимания и истолкования, воспроизведении предания и произведения как свершения смысла [42, с. 317–445; 546–547].

При обращении герменевтической рефлексии к онтологическим импликациям в центре ее внимания оказывается язык. Весь герменевтический процесс обретает языковой характер. А в реальной истории европейской мысли он дифференцируется по отраслям. Причем в античности язык выступает как (средство) *логос*, в средневековье – как (продукт) *verbum* (Божье Слово), в Новое время – как *источник понятий*. Мировоззренческое значение герменевтической рефлексии, по Гадамеру, двойственно. Во-первых, она открывает человеку **условия истины**; во-вторых, она выполняет критико-эмансипирующую функцию, т.е. **освобождает его от заблуждений и лжи** [42, с. 616–640].

В современной западной философии отношение к понятию рефлексии неоднозначное. Постмодернисты относятся к ней в общем негативно. Неотомисты, наоборот, сохраняют интерес к ее проблемам. В неопозитивизме понятие рефлексии фактически используется при различении вещного языка и метаязыка [7, с. 449]. А в постпозитивизме это понятие реально используется при исследовании разных форм предпосылочного знания. Однако и неопозитивисты, и постпозитивисты стараются обходиться без употребления термина «рефлексия».

В отечественной философии, как было сказано во введении, проблема рефлексии после длительного перерыва стала интересовать исследователей со второй половины XX века. Наибольший вклад в ее разработку внесли представители Московской методологической школы Г.П. Щедровицкого и ее ответвления – Новосибирской школы “интеллектики” И.С. Ладенко. Обе школы исходили из марксистских традиций и претендовали на обобщение всего исторического опыта. В действительности их представители при исследовании рефлексии сталкивались с теми же самыми проблемами, что и представители неклассической философии XIX–XX веков. Анализ этих проблем посредством диалектико-материалистической методологии дал свои результаты.

Участниками Московской методологической школы (первоначально кружка ММК), возглавляемой с конца 1950-х годов Г.П. Щедровицким, в разные исторические периоды были Н.Г. Алексеев, О.С. Анисимов, О.И. Генисаретский, Ю.В. Громыко, В.В. Давыдов, В.Я. Дубровский, А.П. Зинченко, В.А. Костеловский, И.С. Ладенко, В.А. Лефевр, Н.И. Непомнящая, Н.С. Пантина, А.А. Пископфель, С.Б. Поливанова, С.В. Попов, А.Г. Раппопорт, В.М. Розин, В.Н. Садовский, Б.В. Сазонов, И.Н. Семенов,

В.С. Швырев, Л.П. Щедровицкий, П.Г. Щедровицкий, Э.Г. Юдин, С.Г. Якобсон и др. В разрабатываемой ими системомыследеятельностной методологии рефлексия явно или не явно, но почти всегда занимала центральное место. Интенция их исследований изначально распространялась на организацию и управление деятельностью профессионалов в разных областях [43–46].

В методологической школе рефлексивной “интеллектики” И.С. Ладенко участвовали С.А. Григорьев, В.З. Коган, С.С. Розова, В.П. Тыщенко, А.А. Акципетров, О.А. Донских, Л.П. Дедерер, Н.С. Розов, В.Г. Поляков, А.М. Адаменко, Е.Н. Смирнов, С.А. Кутолин, И.В. Городинский, В.И. Разумов, С.А. Смирнов, Г.П. Волкова и др. Их исследования в общем ориентировались на развитие умственных способностей человека в разных областях деятельности, в том числе управленческой [47–53].

Принципиальное расхождение указанных школ в методологических ориентациях, как свидетельствуют источники, обусловлено различным истолкованием фундаментальных и прикладных аспектов рефлексии, ее функций в сознании и деятельности, теоретических и практических оснований..., в конечном счете, единства отражения и действия. Взаимосвязь последних возможна в двух вариантах: по формуле “отражение–действие–отражение²” и по формуле “действие–отражение–действие²”. В первом случае рефлексия определяется как “отражение отражения”, во втором – деятельностью образом, как “действие действия”, т.е. путем удвоения действия (по Гадамеру: “деяния самого дела”). Реализацию первого варианта мы видим в концепции интеллектуальных систем И.С. Ладенко, реализацию второго – в системомыследеятельностной концепции Г.П. Щедровицкого. Хронологически, правда, концепция Г.П. Щедровицкого была первой.

Излагая свое понимание рефлексии, Г.П. Щедровицкий писал: “Для меня рефлексия, в ее изначальном и сущностном существовании, есть всегда особая кооперативная связь двух актов деятельности, особая структура кооперации, объединяющая кооператов или кооперантов. Вполне возможно, что в этой связи будет участвовать три, четыре или даже большее число кооператов, но наименьшим образованием будет связь двух. Вводя этот принцип, я противопоставляю его идее расщепления сознания и вообще всей “сознательной” методологии анализа рефлексии... Этим я не хочу сказать, что сознание не участвует в процессах и механизмах рефлексии, что в принципе нельзя рассмотреть рефлексию как определенный механизм сознания. Я лишь утверждаю... природа и механизм рефлексии определяется в первую очередь связью кооперации нескольких актов деятельности; и лишь затем эта связь “отображается” особым образом в сознании” [6]. В дальнейшем он конкретизировал понятие рефлексивной кооперации между двумя деятельностными позициями посредством понятия рефлексивного выхода и его статического эквивалента рефлексивного поглощения [54].

Изображая рефлексию как процесс и особую структуру в деятельности, Г.П. Щедровицкий представляет ее как механизм и закономерность “естественного развития самой деятельности” [54, с. 487]. С другой сторо-

ны, он подчеркивает, что “это процесс и механизм воспроизводства деятельности” [6]. Таким образом, можно заключить, что им ведется речь о **рефлексивном воспроизведении производящих основ** деятельности, о рефлексивном воспроизведении производящих ее механизмов, которые представляются и в соответствующих схемах.

Рефлексия как способ связи двух (или более) актов деятельности есть способ организации любых видов деятельности. Это показывает теория и практика организации деятельностных игр (ОДИ), значительно превосходящих по своим масштабам языковые игры.

По мнению И.С. Ладенко, рефлексия осуществляется только в интеллектуальных системах, что далеко не всегда осознается специалистами-практиками и исследователями [55, с. 6]. Истоки ее современного представления он обнаруживает в толковании Кантом “трансцендентального единства апперцепции”. Таким образом, рефлексия “соотносит понятия с опытом, представляя их в качестве результатов осознания последнего, и структурирует опыт в соответствии с конструированием концептуального представления” [56, с. 11].

Противоречивость опыта и мышления И.С. Ладенко раскрывает в разных аспектах: интуитивное – дискурсивное, эвристическое – формальное, эмпирическое – теоретическое, предметное – операциональное (методологическое) и др. В каждом из них рефлексия определяет обратную связь, снимающую данное противоречие. Например, в последовательности интуитивное – дискурсивное – интуитивное возникает второе значение интуитивного [57, с. 145]. Если обратная связь является положительной, рефлексия оказывается механизмом самоорганизации. “Рефлексия, понимаемая как конструктивный выбор программы решения данной задачи, – пишет Ладенко, – по существу, процесс организации. Она осуществляется в самой интеллектуальной системе и является механизмом ее самоорганизации” [57, с. 149]. Таким образом, происходит выход на новый уровень познавательной деятельности, связанный с моделированием интеллектуальных систем. Ладенко обращает внимание прежде всего на репродуктивные и структурные модели мышления. Понимая интеллект как “способность успешно реагировать на любую, особенно новую, ситуацию путем надлежащих корректировок поведения” [58, с. 14], он фактически ведет речь о **рефлексивном воспроизведении производящих основ** человеческой деятельности. Они им представляются как модели интеллектуальных систем.

Определенное понимание рефлексии позволяет “говорить о редукции любых систем деятельности к интеллектуальным системам... С этой точки зрения теория интеллектуальных систем выступает единой методологической основой организации различных форм деятельности, создания и применения связанных с ними имитационных деловых игр” [56, с. 18–19].

Итак, расхождения в методологических ориентациях исследования рефлексии лидеров названных школ изначально являлись существенными. В рамках общей теории деятельности Г.П. Щедровицкого речь идет о по-

строении рефлексивных схем, моделирующих любые ее виды. При этом рефлексия толкуется как система любых человеческих действий. В концепции И.С. Ладенко рефлексия понимается как способ познания, как способ мышления, как способ отражения (отображения), т.е. сама выступает как интеллектуальная система. В контексте этих идейных разногласий, возникших еще среди участников Московского методологического кружка (предшественника школы Г.П. Щедровицкого), сформировалось новое толкование рефлексии, автором которого был В.А. Лефевр. Причем именно его идеи стимулировали и дискуссии по этому поводу.

Как отмечал сам Лефевр, интерес к рефлексии у него возник в связи с проблемами автоматизации процессов принятия решений [2, с. 96]. Таким образом, она была средством моделирования систем управленческой деятельности. Существующие толкования рефлексии для этой цели не подходили. Потребовалось ее переосмысление. Вот как им это осуществлялось:

“Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании, – писал он, – это способность встать в позицию “наблюдателя”, “исследователя” или “контролера” по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям.

Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия – это также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому “персонажу”, его действиям и мыслям.

Такое более широкое понимание рефлексии позволяет построить целостный предмет исследования и выявить рефлексивные процессы как обособленный феномен, определяющий специфику взаимоотношений объектов-исследователей” [3, с. 10].

Дальнейшее развитие этой мысли пошло у него, как известно, специализированно в психолого-математическом направлении.

В свете рассмотренных представлений развития понятия рефлексии в истории философии претензия Лефевра на ее расширительную трактовку вызывает сомнение. В философии она определялась и по отношению к “себе”, и по отношению к “другому” уже в средневековье. Но в XX веке это, естественно, обрело новый смысл.

Методологические исследования рефлексии пробудили к ней интерес и других областей отечественной философии [59]. В гносеологическом аспекте ее исследований значимой стала работа В.А. Лекторского [60], в онтологическом – работы М.К. Мамардашвили [61; 62; 63]. Общефилософский смысл стала обретать взаимосвязь рефлексии с диалектическим методом [64, с. 170–176; 65, с. 92–101]. Однако управленческий потенциал философской рефлексии до сих пор остается неизученным.

Осуществленный в параграфе анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

1. В отличие от рефлекса рефлексия есть **опосредствованное** отражение субъектом объекта.

2. Способом этого опосредствования является **самосознание** субъекта, причем как на индивидуальном, так и на общественном уровне.

3. Исходя из первого и второго, в самом общем плане рефлексия можно определить как **отражение себя в ином, а иного в себе** (производящая рефлексия) или как **иного в себе, а себя в ином** (воспроизводящая рефлексия).

4. Рефлексия играет **основополагающую** роль в разрешении противоречий между субъектом и объектом.

5. **В методологическом смысле** она (рефлексия) предстает как способ творческого разрешения противоречий между субъектом и объектом, определяющий **воспроизведение и произведение оснований** человеческой деятельности.

6. **Философская рефлексия** (и в этом ее специфика) полагает (выявляет и формирует) **предельные**, т.е. мировоззренческие основания человеческой деятельности.

7. Предельными мировоззренческими основаниями являются **предметные, операциональные и ценностные**. Отсюда происходит соответствующее подразделение философской рефлексии.

8. В опосредствовании отражения и действия между субъектом и объектом существует рефлексивное оборачивание: отражающее (рефлексивное) действие оборачивается действием отражения (рефлексии). В последнем случае рефлексия обретает **управленческий смысл**.

1.2. Философско-методологический смысл рефлексивного управления

Как было сказано выше, в начале 60-х гг. прошлого века в специальных методологических исследованиях (Г.П. Щедровицкий и др.) была выявлена, среди прочих, управленческая способность рефлексии. Возникла концепция “рефлексивного управления”, естественной, внутренней потребностью которого стало моделирование механизма принятия решений. Наибольших успехов в этой области добился сам основоположник данной концепции Владимир Лефевр. Он формализовал рефлексивный механизм принятия решений с помощью булевой алгебры (таким образом, внес серьезный вклад и в математическую психологию). При этом Лефевр постоянно подчеркивал, что его интересует объективное (инвариантное) содержание субъективной человеческой деятельности, т.е. человеческой психики. О чем говорят даже названия его работ: “Конфликтующие структуры”, “Формула человека”, “Алгебра совести”, “Космический субъект” и др. Отмечая твор-

ческий характер рефлексивного механизма принятия решений, он назвал его механизмом свободного выбора.

Успехи в теории и практике рефлексивного управления вскоре привели к тому, что философское понятие рефлексии стало терять свое универсальное значение, считаться чем-то второстепенным и непрактичным. Главное же внимание было обращено на его специализированный смысл – кибернетический, психологический, педагогический, технологический и т.д. До сих пор это нередко оценивается как положительное явление. Однако также быстро здесь наметились существенные разногласия. В настоящее время в области исследований рефлексивного управления на концептуальном уровне противостоят друг с другом три основных методологических подхода – гуманитарный (В.А. Лефевр, В.Е. Лепский, Ю.А. Шрейдер и др.)¹, системомыследеятельностный (Г.П. Щедровицкий, О.С. Анисимов, Г.Г. Копылов, В.Г. Марача, В.М. Розин и др.) и натуралистический (В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, А.В. Карпов, Ю.Д. Красовский и др.) [66; 67; 68; 69]. С позиции первого из них фундаментальная роль рефлексии в рефлексивном управлении заключается в “механизме выбора” [70–72], с позиции второго – в “механизме ликвидации разрывов деятельности”, т.е. в “механизме связи”, “организации деятельности” [54; 73–76], с позиции третьего – в “механизме обратной связи” [4, с. 169–175; 77, с. 302–356; 8, с. 240]. Ясно, что такая противоречивость не способствует пониманию не только самого рефлексивного управления, но и его эффективности. Преодолеть столь существенные методологические расхождения, по нашему мнению, можно лишь, вернувшись к философским истокам понятия “рефлексия” в специальном методологическом исследовании ее творческой функции. Задача настоящего параграфа заключается в философском осмыслении мировоззренческой природы, сущности и специфики рефлексивного управления в обычных ситуациях и относительно критических ситуаций.

В формировании системной целостности философского мировоззрения философская рефлексия играет разную роль и занимает разное место. С одной стороны, она определяет его предметную область, его специфическую проблематику и оказывается **составляющей** его онтологического, гносеологического и др. аспектов. С другой стороны, определяет его концептуальный аппарат, средства решения мировоззренческих проблем, т.е. является **методом самой философии** как специфического, теоретического мировоззрения. С третьей стороны, выступает как способ самоопределения философии в культуре конкретной исторической эпохи, как участница культурно-исторического процесса. В этом отношении философская рефлексия оказывается **философским методом**. Таким образом, с точки зрения цели настоящего исследования важно учесть ее многозначность.

Наличие разных подходов в системном представлении философского мировоззрения свидетельствует, кроме прочего, о возможности осмыслить его предмет с разных точек зрения. При этом обнаруживается зависи-

¹ В.Е. Лепский называет его субъектным.

мость формы философского мировоззрения от степени развитости философской рефлексии, и наоборот. Такая зависимость отчетливо прослеживается в истории общества.

Общий взгляд на всемирную историю философии показывает, что внимание философской рефлексии последовательно смещалось с природы на различные искусственные предметы, а затем на самого человека. Тем самым она расширяла свое предметное поле и увеличивала его глубину. В.С. Степин показывает, что такая последовательность характерна и для научной рефлексии при переходе науки от ее классической формы, где в центре внимания находился объект познания, к неклассической, в которой учитывается также роль средств и операций познавательной деятельности, и, далее, к постнеклассической, которая “учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и ценностно-целевыми структурами” субъекта познания [78, с. 619–640]. Таким образом, современное философское мировоззрение получает и научное обоснование. Его смысловую структуру Л. Лаудан изобразил схемой треугольника (рис. 1).

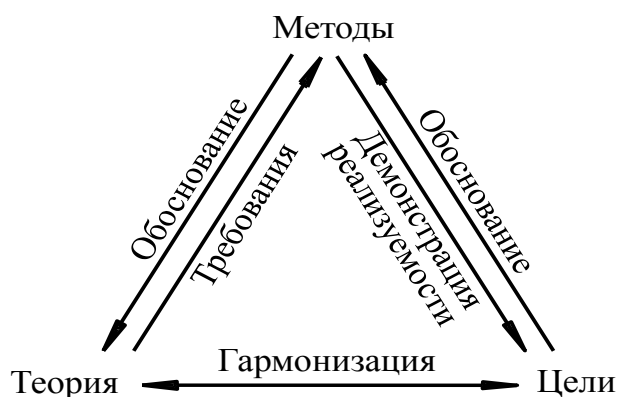

Рис. 1. Триадная сеть обоснования Л. Лаудана [79, с. 227]

Как способ самоутверждения человека в мире, философская рефлексия предполагает выявление реальных предпосылок, являющихся основаниями для синтеза всех парных философских категорий. При этом в предметно-структурном отношении субъекта к объекту выделяются три основных компонента: “субъект”, “объект” и “способ действия”. Способ взаимодействия субъекта с объектом определяется как средство. В их взаимодействии по формуле $S - O - S'$ им является объект, по формуле $O - S - O'$ – субъект. Исходные и конечные пункты в этих формулах соответственно могут обозначаться как “цели” и “результаты”.

В роли “средства” может выступать и сам способ действия. Например, игра нередко оказывается средством обучения. Причем способ действия определяется в отношении субъекта к объекту. Самостоятельно в отношении к субъекту он выступает как “цель”, в отношении к объекту – как “результат”. С другой стороны, и средство может быть в роли “способа действия”,

поскольку оно опосредствует, т.е. связывает (и одновременно разделяет). Противоположным является непосредственный способ действия. Именно в роли способа действия средство становится элементом культуры. По мнению К. Леви-Строса, она начинается с правила.

Система элементарных действий образует деятельность, которая также имеет три основные ипостаси. В отношении к объекту она определяется объективно, т.е. в онтологическом аспекте, и предстает как предметно-практическая деятельность, практика. В отношении к субъекту она определяется субъективно, в гносеологическом аспекте, и предстает как познавательная. В отношении субъекта к объекту деятельность определяется в аксиологическом аспекте, и предстает как оценочная. Таким образом, практическая, познавательная и оценочная деятельность образуют функционально-деятельностную структуру субъект-объектного отношения.

Известно, что генетически исходной является трудовая деятельность. В ней разные аспекты не дифференцируются. Вместе с тем ее специфическая структура оказывается основополагающей для всех других типов деятельности. Она обычно представляется категориями “цель”, “средство”, “результат” [80]. Генетическую связь базовых категорий философского мировоззрения с категориальной структурой, лежащей в его основании, в трехмерном виде можно представить так (рис. 2).

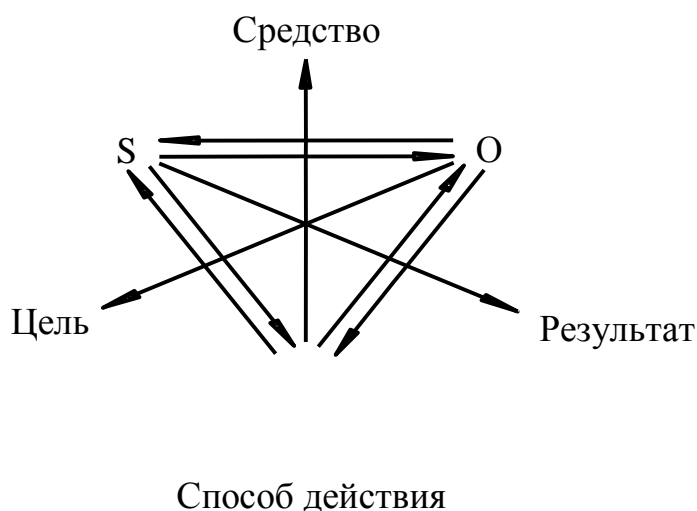

Рис. 2. Связь категориальных структур философского мировоззрения, где S – субъект; O – объект

Структура “цель – средство – результат” является инвариантой для всех форм и видов практической, познавательной и оценочной деятельности. Однако функции элементов этой структуры в них различны. Так, целью практической деятельности является материальное преобразование объекта. Достижение ее цели осуществляется с помощью таких средств, как орудия, техника и т.д. Результатом практической деятельности является материальный продукт, определяемый целью. Целью познавательной деятельности

оказывается идеальное приспособление к объекту, т.е. его адекватное отражение, или истина; ее средством – разные методы, а результатом – знание. Целью оценочной деятельности является определение ценности объекта; средством – установленные критерии, результатом – положительные и отрицательные оценки.

Далее, философская рефлексия позволяет определить функциональные характеристики каждого элемента этой деятельностной структуры. Их функционирование в разных формах и видах практической, познавательной и оценочной деятельности также инвариантно. Таким образом, выявляется новая глубинная мировоззренческая структура. Например, метод познания обретает особые функциональные характеристики, определяясь: в практической деятельности – как технология, в познавательной деятельности – как способ решения проблем, в оценочной деятельности – как норма. Система технология – способ решения проблем – норма является особой методологической структурой деятельности. Функции ее элементов также имеют особенности в разных формах и видах деятельности. Рефлексивный процесс выявления глубинных мировоззренческих структур бесконечен. В силу мировоззренческой специфики эти структуры являются предельными основаниями человеческой деятельности. В настоящее время их выявлено немало, и называются они по-разному: “априорные схемы”, “методологические схемы”, “неявное знание”, “предпосылочное знание”, “парадигма”, “картина мира”, “стиль мышления”, “эпистема”, “матрица”, “категориальные структуры”, “универсалии культуры” и т.д. В.С. Швырев удачно называет их “порождающими механизмами” [81, с. 134–136].

Выявление этих глубинных структур, порождающих механизмов сопровождается специализацией философской рефлексии. Однако как родовое начало, в своих формах, видах и разновидностях она сохраняет свою специфику.

Как и любой иной, генетический анализ человеческой деятельности, осуществляемый философской рефлексией, представляет собой ее расчленение на срезы или аспекты. Причем в разных функциональных отношениях деятельность рассекается с точки зрения самого субъекта, “изнутри” – “по вертикали”. В структурных отношениях она рассекается с точки зрения объекта, “извне” – “по горизонтали”. Переход этих аспектов друг в друга, осуществляемый разными способами, можно представить с культурно-исторической точки зрения или с точки зрения средств.

Общая картина такого генетического анализа представляется иерархической трехгранной пирамидой с расширяющимся основанием. На ее вершине оказывается философская рефлексия, а ее стороны означают субъектные, объектные и культурные характеристики саморазвивающейся системы человеческой деятельности.

Среди компонентов культуры, как сказано, находится и такой ее элемент, как метод. Метод тоже обретает специфические функции в различных типах и видах деятельности. Философская рефлексия над его основаниями

обычно называется философско-методологической рефлексией. В этом плане она определяется как методология – в смысле учения о методах. Философская методология как учение (теория) **строит** свою, аналогичную пирамиду методов. В ней выделяются три основных уровня: философский, общенаучный и частнонаучный. Последний конкретизируется вплоть до методик и операций [64, с. 41–45, 312–314]. На вершине этой пирамиды философская рефлексия определяется рационально – в форме диалектического метода [64, с. 86–88, 171–175]. В философско-методологической рефлексии Гегеля он как раз и расширяется в систему [32, с. 304].

Таким образом, мы видим существенное различие между рефлексией как методом (способом) философии и рефлексией как философским методом в его научной, рациональной форме. Причем их различие также относительно, поскольку диалектический метод рефлексивен, а философская рефлексия диалектична [82, с. 37; 72]. Однако философская рефлексия как метод не только диалектична, но и прагматична, указывает К. Льюис [83].

Действительно, выявляя предшествующие всякому опыту его исходные мировоззренческие основания (в виде порождающих механизмов, категориальных структур, универсалий), философская рефлексия использует их как принципы и критерии в культуротворческом процессе. В этом отношении она реально является участницей культурно-исторического процесса – определяет его параметры, основные направления и ориентиры [64, с. 83–93; 81, с. 132; 74]. Воспроизводящая функция философской рефлексии здесь реально оборачивается [59, с. 206–229] ее производящей функцией. С другой стороны, производящая рефлексия в новых формах культуры воспроизводит свои предпосылки.

Воспроизводящая и производящая рефлексия, очевидно, имеют разную временную направленность. Но само их взаимное оборачивание осуществляется всегда актуально.

И как мировоззренческая теория, и как теоретическое мировоззрение, философия подразделяется на фундаментальную (метафизика) и прикладную. В этом плане обнаруживается ее родство с фундаментальной и прикладной наукой. В фундаментальной философии с очевидностью господствует воспроизводящая рефлексия, в прикладной – производящая. Родовая идентичность прикладной философии с прикладной наукой позволяет конкретизировать характер производящей функции философской рефлексии.

Проводя различие между фундаментальными исследованиями и всеми остальными видами научной (и инженерной) деятельности, Е.А. Мамчур пишет: “Для прикладных исследований и технологий полученное в чистых исследованиях знание служит **средством** для достижения их основной цели, суть которой в изменении природных процессов и объектов в нужном для человека направлении”. “Прикладные исследования – это теоретическое знание. Их отличие от фундаментальных исследований состоит в том, что это **теория**, нацеленная на практику. Задача прикладных исследований –

решить некую конкретную проблему. Технология же – это действие, оперирование с помощью теории, полученной в сфере фундаментальной науки, материалами и процессами” [84, с. 434–435]. “В этом, – по мнению Э.Г. Юдина, – проявляется общая диалектика взаимодействия цели и средства деятельности: то, что было целью в одной системе деятельности, становится средством в другой системе” [64, с. 35–36]. Причем “фактически любая научная теория... научное знание в целом играет роль методологии по отношению к совокупной практической деятельности человека”, а философия выступает “в качестве универсальной, всеобщей методологии” [64, с. 35, 34].

Однако фундаментальное, теоретическое знание, обращаясь в средство и выступая как метод, оказывается не просто методом, а методом как мерой должного, другими словами, нормативным методом. В этом отношении все методологическое знание Э.Г. Юдиным разделяется на дескриптивное и нормативное. Дескриптивная функция методологии имеет дело с ретроспективным описанием уже осуществленной деятельности, ее нормативная функция конструктивная и нацелена в будущее [64, с. 39–40, 140, 142]. Как таковая, философская рефлексия в своей производящей функции формирует конечные основания человеческой деятельности – идеалы и нормы культуры. Выражая свое восхищение по аналогичному поводу замечанию Лепишона, И. Пригожин цитирует следующее его высказывание: “А человек обладает способностью проектировать себя, выбрасывать себя вперед во времени, и эта способность является, вне всякого сомнения, источником его экзистенциальной тревоги. Именно этот рефлексивный взгляд и эта способность проектирования во времени характеризуют, как мне представляется, подлинную самобытность, уникальность человека. Быть может, в этом состоит единственная подлинная уникальность человека” [85, с. 456]. Именно в этой проекции, в рамках ее идеалов и норм, рефлексия как философский метод, подобно методу прикладной науки, выполняет свои конкретные прагматические функции. “Ибо будущее конструируется нами самими **здесь и сейчас**” [86, с. 5].

Специально рассматривая этот вопрос, И.В. Блауберг и Э.Г. Юдин пишут: “Со времени своего возникновения наука функционально всегда была и остается главным средством рационализации деятельности общественного человека, улучшения “выходных” характеристик этой деятельности”. “Специфической чертой социальной роли науки в современных условиях является направленность научного познания в целом на создание эффективных средств **управления** – как природными, так и социальными процессами” [65, с. 7]. Тот же Э.Г. Юдин, отдельно, утверждал: “Основной функцией методологического знания является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта” [64, с. 31]. Кроме этого, он указывал также и на направляющую функцию метода, правда, не называя ее основной [64, с. 61]. Между

тем уже сама этимология термина “управлять” говорит о том, что она так же относится к числу таковых [87, с. 836].

Из сказанного Э.Г. Юдиным и И.В. Блаубергом следует: прикладная методология в плане реализации своей нормативной функции является управленческой деятельностью. В этом смысле три основные функции научного метода – направление, организация и регулирование – в совокупности образуют объективную основу любой управленческой деятельности и являются объективно тремя основными функциями любой управленческой деятельности. Поскольку же прикладная философия в своей теоретичности и научности оказывается тождественной прикладной науке, управленческие функции свойственны и философской рефлексии. Это значит, что философская рефлексия в своей рациональной диалектической форме, т.е. в форме диалектического метода, также направляет, организует и регулирует человеческую деятельность. Можно предположить, что диалектический метод, являясь способом сознательного (рефлексивного) разрешения противоречий, возникающих во взаимодействии субъекта с объектом, осуществляет эти функции в категориях “цель”, “средство”, “результат”. Известно, что любая деятельность целенаправленна, организуется с помощью средств, а регулируется на основе результатов.

Здесь философская рефлексия выступает как способ самоутверждения человека в мире и обретает возможность оказывать определенные воздействия на человеческую деятельность. На совпадение ее методологической функции с управленческой в этом плане обратили особое внимание и представители так называемой “кибернетики второго порядка”, о которых было сказано во введении. Исходя из собственно научных соображений, вдохновленные идеями современной теории самоорганизации они пришли к выводу о необходимости радикального переосмысления роли философской рефлексии в познании и всей человеческой деятельности. Развернувшийся с 1970-х годов в западной литературе междисциплинарный дискурс по этому поводу Эрнст фон Глазерсфельд обозначил термином “радикальный конструктивизм”. Фактически такое развитие мысли стало претендовать на полноценное направление в современной философии [по: 88].

Радикальность “радикального конструктивизма” состоит, по словам Глазерсфельда, в его радикальном отмежевании от всех форм эпистемологии, допускающей в той или иной мере соответствие знания объективной реальности. Его философские истоки обнаруживаются уже в скептицизме Древней Греции, а в настоящее время он представляет собой научный вариант критического мышления. Конструктивизм “радикального конструктивизма” заключается во всемерном подчеркивании творческой функции человеческого разума, который “организует мир, организуя самого себя”.

В отличие от представителей “радикального конструктивизма”, которые в “философии управления” критически переосмысливают “философию”, мы полагаем необходимым творчески переосмысливать само “управ-

ление”, саму “управленческую деятельность”. Методологические возможности философской рефлексии раскрываются в полной мере на этом пути. Как способ самоутверждения человека в мире, философская рефлексия изначально является творческой и включает в себя как моменты и воспроизведение объективной реальности, и ее произведение в человеческой деятельности [89]. Ее **главная функция** в области управления заключается, следовательно, в порождении управления самой управленческой деятельностью. Выявляя (направляясь на) мировоззренческие основания культуры, она формирует (организует) универсальный рефлексивный механизм как способ реализации (и регуляции) всех рефлексивных процессов в человеческой деятельности. Рефлексируя “изнутри” этих процессов и “над” ними, философия, таким образом, управляет ими. Управленческая деятельность, осуществляемая на основе рефлексии и посредством рефлексии, определяется в настоящее время в разных формах как рефлексивное управление. Его управленческое воздействие обращает назад: отражает свое в иное, а иное в свое.

Для сохранения возможности рефлексивного управления философская рефлексия, очевидно, должна осуществляться непрерывно. Вместе с тем появляется возможность и специализации рефлексивного управления. Практическая польза, которая считается К.И. Льюисом критерием нашего разума, здесь несомненна. В результате рефлексии над рефлексией возникают синергетические эффекты, многократно усиливающие управленческие действия. Значимость философской рефлексии в такой перспективе существенно возрастает. Следствием чего оказывается и осознание важности ее всесторонних и глубоких исследований.

Однако специализация рефлексивного управления сталкивается с естественной трудностью. Дело в том, что наиболее адекватной формой его реализации является внутреннее управление, т.е. самоуправление. В этом плане профессионально специализированная внешняя управленческая деятельность оказывается менее эффективной. С другой стороны, самоуправление реализуется лишь в относительно стабильных, обычных ситуациях. В критических ситуациях, отличающихся нестабильностью, оно оказывается невозможным. Собственно говоря, по этому признаку внешняя управленческая деятельность и самоуправление и отличаются друг от друга. Превращение критической ситуации в обычную естественно связывается с необходимостью восстановления самоуправления. Философская рефлексия в них поэтому играет чрезвычайно важную роль. Закономерная специализация рефлексивного управления должна осуществляться, как видно, сразу в двух направлениях: применительно к обычным ситуациям и применительно к критическим ситуациям. Разделение функций философской рефлексии по предметному основанию одновременно снимает и проблему ее парадоксов, преодолеть которые по-своему пытаются радикальные конструктивисты.

Итак, развитие специализированных направлений рефлексивного управления философская рефлексия обеспечивает, решая две **основополагаю-**

щие задачи: воспроизведение его исходных мировоззренческих оснований и производство их в виде конечных ориентиров. Вместе с тем она **опосредствует** предельные мировоззренческие основания. В их рефлексивной взаимосвязи воспроизводятся и производятся также универсальные методологические основания управленческой деятельности.

Философское осмысление управленческой деятельности изначально является внешней рефлексией. Стремясь выделить главное, основное в предмете, она отвлекается от его специфики. Таким образом, возникает система фундаментальных, базовых понятий теории управления. Однако всеобщность этих понятий зависит, в свою очередь, от уровня самого рефлексивного освоения действительности. Выделяется оптимальное число таких уровней – три: нерефлексивный (или арефлексивный), рефлексивный (где речь идет о рефлексии первого порядка) и саморефлексивный (где речь идет о рефлексии рефлексии, т.е. о рефлексии второго и следующих порядков) [90, с. 44–45; 91, с. 23–24, 44, 167–168]. Собственно философским является последний уровень.

Применительно к управлению эти уровни представляются: уровнем “неуправленческой” (недифференцированной, трудовой) деятельности, уровнем специализированной управленческой деятельности и уровнем самоуправления. Предпосылки методологии рефлексивного самоуправления формируются на каждом из них. В предельно общем, мировоззренческом контексте философская рефлексия ставит и решает проблему управления, т.е. отвечает на вопрос: что это такое? В управленческом контексте она осмысливает проблему методологии управленческой деятельности, определяет концептуальные подходы к управлению. А в методологическом контексте управленческой деятельности философская рефлексия ставит и решает проблему методологических оснований принятия решений – методологического ядра и сути любой управленческой деятельности.

В мировоззренческом контексте современной культуры управление представляется как компонент любой человеческой деятельности. Для преодоления естественно возникающего здесь многообразия толкований его специфической сущности требуется определенная унификация. Плодотворность философской рефлексии в этом плане обнаруживается в выделении основных точек зрения по данному вопросу. Таковыми являются: точка зрения объекта, точка зрения субъекта и точка зрения средств.

С точки зрения объекта, представленной, например, научным познанием, управление определяется либо как “направление”, либо как “организация”, либо как “регуляция” (регулирование) чего-либо. В этом смысл всех высказываний ученых о том, что законы управляют миром. Оно является кибернетическим смыслом. Как компонент человеческой деятельности, управление, таким образом, представляется системой способов (методов) управленческих воздействий субъекта на объект, т.е. системой направления, организации и регуляции. В этом отношении управление совпадает по смыслу с тем, что ранее определялось как методология в действии или как прикладная методология. С другой стороны, сами элементы такой системы

обретают структурные характеристики, инвариантные для человеческой деятельности.

Точка зрения субъекта на управленческую деятельность обуславливается специализацией этой деятельности и относительным противопоставлением другим формам. В отличие от неспециализированного в деятельности управления, которое осуществляется бессознательно, специализированное является сознательным. Оно предполагает осознание собственных оснований. Особую роль в этом деле играет творческая активность субъекта.

С точки зрения субъекта, управленческая деятельность рассматривается как процесс, как серия взаимосвязанных действий. Процесс управленческой деятельности складывается из трех основных управленческих функций: планирования, исполнения и контроля [92, с. 65]. Из них образуется относительно замкнутый цикл управления, свидетельствующий о некоторой его завершенности, на практике – об относительной надежности. В нем каждая функция опосредствует другие и в этом смысле выступает методологическим основанием (средством) разрешения противоречий между ними. Планирование является основанием исполнения, исполнение – основанием контроля, а контроль – основанием планирования. Сохранение этого замкнутого цикла (замкнутой системы управления) возможно лишь в стабильных ситуациях. Поэтому стабильные ситуации и управляемы субъектом, поэтому же в них возможно и самоуправление.

Однако в любом звене функционального управленческого цикла возможно и размыкание. Как показывает И. Ансофф, таким образом образуются относительно самостоятельные модели управления [93, с. 304–319]. Есть основания утверждать, что точно таким же образом возникают и базовые концептуальные подходы к управлению. Известно, что целевое управление делает главный упор на планировании [94; 95], управление по отклонениям – на исполнении [96], а управление по результатам – на контроле [92; 97]. Эти концепции также являются относительно самостоятельными и различаются качественно. Из них возникает множество производных. Использование всех этих концепций должно быть адекватно ситуации.

С точки зрения средств раскрывается генетический аспект управленческой деятельности, который в данном случае является наиболее существенным. Исходным пунктом здесь выступает сама человеческая деятельность. С древнейших времен в нее вовлекались новые, все более сложные процессы и вещи. Сначала естественные, а потом и искусственные. Применение огня и приручение животных, использование силы ветра и пара и т.д., вплоть до вовлечения в этот круг внутриядерных сил, наращивали не только практический эффект, но и противоречия, требующие управления. “Ведь чем эффективнее средство, тем тоньше грань, отделяющая его полезное действие от вредного или опасного. В определенном смысле управление возникло как искусство “на лезвии бритвы” разрешать противоречия, заложенные во все более эффективных средствах деятельности” [98, с. 66]. Да-

лее оно “выступает как средство разрешения противоречия между безграничной способностью человека своей прошлой деятельностью создавать все более сложные объекты и его актуальной способностью сохранять их и господствовать над ними” [98]. Таким образом, управленческая деятельность изначально определяется как способ освоения субъектом объекта, как способ их опосредствования, как способ разрешения противоречий между субъектом и объектом.

Способ включения объективного содержания управления (направление, организация и регуляция) в субъективную человеческую деятельность (в формах планирования, исполнения и контроля) является способом превращения бессознательного в сознательное, реализующегося посредством механизма принятия решений [8, с. 335–337, 340]. Этот механизм оказывается исходным методологическим основанием любой управленческой деятельности. Его осмысление представляет собой важнейшую и постоянно актуальную проблему.

Проблема методологических оснований принятия управленческих решений многоаспектна. Я.Р. Рейльян, например, выделяет следующий ряд альтернативных представлений этого процесса:

- дескриптивные и нормативные модели;
- индуктивные и дедуктивные модели;
- проблемно-ориентированные модели и модели решения;
- одноцелевые и многоцелевые модели;
- однопериодные и многопериодные модели;
- детерминированные и стохастические модели [99, с. 51].

Основополагающее значение в этом ряду имеют различия между нормативными и дескриптивными моделями [100].

Нормативные модели – это, как правило, математические формализмы, указывающие, “как должно быть”, а дескриптивные являются качественными описаниями реальной человеческой деятельности. Применение их также различно. “Нормативные модели применяются для управления процессом принятия решений, для формирования его сущностных элементов и изменения его развития”. “Дескриптивные модели применяются для описания свойств и параметров процесса принятия решений (поведения руководителей) в целях прогнозирования его хода в будущем. Это означает, что процесс рассматривается относительно пассивно как один из неуправляемых параметров внешней среды. В основном подобные модели составляются не для практических целей, а для научного познания управленческих процессов. Правда, на этой основе можно разработать руководителям некоторые “правила практического поведения” [99, с. 51]. Можно отметить также, что в отличие от дескриптивных нормативные модели применяются в основном в управлении техническими объектами [101, с. 12].

Нужно обратить внимание и на тот факт, что наряду с тенденцией к специализации в современной науке важнейшее значение имеет и

противоположная ей тенденция к интеграции. Эта тенденция коснулась и прикладных исследований, в том числе и в области управленческой деятельности. Такой поворот событий внес ряд дополнительных точек зрения на процесс принятия решений. Основные из них представлены в системном, функциональном, ситуационном и синергетическом подходе.

То, что впоследствии было названо “рефлексивным управлением”, зародилось в русле синергетического подхода. Необходимость постоянно, в каждой конкретной ситуации решать проблему методологических оснований (механизма) принятия управленческих решений (проблема автоматизации принятия решений) как раз и стала причиной его возникновения.

Синергетическая природа методологии рефлексивного управления выявляется также в разных аспектах. В настоящее время философско-мировоззренческий смысл обретают, в частности, следующие.

Опираясь на обратную связь – положительные результаты человеческой деятельности, синергетический подход дифференцирует ситуативные факторы на управляемые и неуправляемые. Главным условием управляемости ситуации оказывается тождество ее субъекта и объекта, которое является относительным и выражается в разных формах. Ситуации, где это тождество доминирует, оказываются стабильными; противоположные – нестабильными. Для находящегося в них субъекта первые являются обычными, повседневными, вторые – необычными или критическими.

Повседневные ситуации характеризуются регулярностью, повторяемостью, однообразием, стереотипностью и т.д. Их устойчивые структуры обычно называют рутинной. Рутинная играет фундаментальную роль в процессе выделения человека из природы и его последующей социализации. Ее роль существенна и в функциональных процессах социума, где она выступает в форме навыков, стратегий, организационных структур и технологий [102]. **“Многократно повторяемые действия, приводящие к искомому результату, постоянно закрепляются в сознании и становятся рутинной”** во всякой управленческой деятельности [103, с. 64]. Однако ее эффективность по разным причинам со временем теряется. Преодоление отживших стереотипов поведения можно рассматривать как смену “реактивного” способа существования человека на “рефлексивный” [5, с. 340–366].

Критические ситуации по существенным параметрам отличаются от обычных. Они неожиданны, динамичны, неопределенны. Как правило, они являются опасными для человека. Критичность ситуации пропорциональна неуправляемости ею “изнутри”. Поскольку самоуправление в таких ситуациях теряется, постольку же обостряется потребность в его восстановлении. Последнее реализуется субъектами в активной адаптации к внешней среде. Примерами такого рода самоуправляемых субъектов являются “самообучающиеся”, “интеллектуальные” и “рефлексивные” организации [104; 105–107; 108].

Как было сказано выше, главным условием управляемости ситуации оказывается тождество ее субъекта и объекта. Однако это тождество воз-

можно как на основе объекта, так и на основе субъекта. В первом случае речь идет о внешнем (специализированном) управлении, во втором – о самоуправлении [109, с. 114; 110, с. 22–23]. В обычных ситуациях сознательно осуществляется самоуправление; критические ситуации управляются “извне”.

Самоуправление – понятие двойственное. В широком смысле оно означает управление собственной деятельностью [110, с. 22]. Его конкретизируют понятия “самоконтроль”, “саморегуляция”, “самоорганизация” и т.п. [111; 112; 113, с. 38–47, 128–152, 198–223]. Под деятельностью в таком случае подразумевается любая. Самоуправление в узком смысле означает управление управленческой деятельностью. Оно изначально является рефлексивным. Заметим, что “кибернетика второго порядка” также рефлексивна [114].

Различие между “широким” и “узким” смыслом понятия “самоуправление” дает основание полагать, что рефлексивное управление осуществляется не только по отношению к “себе”, но и по отношению к “другому”. Внешнее рефлексивное управление может осуществляться по отношению к любому другому субъекту, по отношению к человекоразмерным объектам, включающим в себя человеческий фактор, по отношению к объектам, сравнимым с человеком по совершенству (В. Лефевр).

Рефлексивное управление представляется, по существу, как управление процессом подготовки и принятия решений. В самоуправлении эту функцию берет на себя самосознание [115–117], являющееся в то же время центром предметного сознания. Выявление объективного в субъективном в самосознании – бесконечный процесс. Оно дает начало самостоятельности и ответственности в принятии решений. Очевидно, их рефлексивные механизмы являются в высшей степени личностными смысловыми структурами¹.

Синергетический подход преобразует современное мышление и человеческую деятельность. На его основе в науке возникают представления о замкнутых, открытых и самоорганизующихся системах. Самоорганизация открытых систем толкуется как механизм их развития. Все это относится и к управленческому мышлению, и к управленческой деятельности. В свете идей самоорганизации замкнутая система деятельности представляется как воспроизводящая, открытая – как производящая. А рефлексивный механизм подготовки и принятия решений, представляя собой наиболее совершенную форму саморазвития, определяется как механизм творчества [118].

В определенном смысле любая человеческая деятельность бессознательно включает в себя управленческий компонент. Система управленческой деятельности здесь оказывается также замкнутой. Возникновение специализированной сознательной управленческой деятельности существенно

¹ По В. Лефевру, это дает право отказаться в рефлексивном управлении от обратной связи [По: 71].

обогащает ее потенциал и достигает развитых профессиональных форм. Такая система является открытой. Однако по своей природе она противопоставляется другим формам человеческой деятельности. Этот своеобразный дуализм воспроизводится в разных сферах и на разном уровне: обыденный мир и теоретический мир, практика и теория управления, целевое управление и управление по отклонениям, дескриптивные модели принятия решений и нормативные модели принятия решений и т.д. Самоуправление показывает относительный характер внешнего управления и такой дуализм снимает, как бы возвращая к исходной точке зрения. Самоуправление определяется как профессиональное управление своей собственной деятельностью изнутри. Рефлексивно этот факт осознается как формирующийся полицентризм власти (М. Фуко) [119; по: 120, с. 58–204].

Изменение смысла управленческой деятельности посредством синергетического подхода соответственно изменяет и понятийный аппарат. Новое значение обретают такие ее категории, как само “управление”, “управленческая проблема”, “управленческое решение”, “принятие решений”. Процесс принятия решений является существенным элементом в системе психической деятельности человека. Как таковой, он направляет, организует и регулирует ее “изнутри”. А это требует выхода при его изучении не только за пределы классической, но и неклассической рациональности. В связи с возникновением и утверждением полицентризма власти переосмысливаются также понятия “самостоятельность” и “ответственность”.

Однако главные новшества в ментальной сфере касаются самой парадигмы или образа управленческого мышления. Преодоление узкоспециализированного смысла управленческой деятельности невозможно без рефлексивной работы в этом направлении. Развитие управленческой рефлексии здесь предполагает выход из собственной, внутренней ее области во внешний социокультурный контекст. В разных областях культуры управленческая рефлексия формирует универсальное отношение человека к миру и становится философской рефлексией. Управление управленческой деятельностью становится ее частным случаем или формой. С другой стороны, вместе с конкретной универсальностью философская рефлексия обретает и реальную власть.

Системогенез универсального рефлексивного механизма управленческих решений неизбежно сталкивается с определенной ограниченностью синергетического подхода. Не меньшим препятствием на этом пути оказывается и профессиональная специализация теоретиков рефлексивного управления. Но затруднения лишь стимулируют дальнейшую философскую рефлексивность в указанном направлении.

1.3. Системогенез категориальной модели рефлексивного механизма управленческих решений

“Успех рефлексивного управления, – писал В. Лефевр, – в значительной мере зависит от качества той модели субъекта, которая используется при его проведении. Психологические модели, основанные на традиционных бихевиористских и даже психоаналитических понятиях, оказались малоэффективными. Дело в том, что модель субъекта должна отражать не только область его поведения, но также и его способность осознавать самого себя и других субъектов, включая и тех, которые пытаются установить контроль над его поведением, т.е. модель должна быть рефлексивной” [91, с. 454]. Цель данного параграфа – показать, как реализуется основополагающая функция философской рефлексии в процессе выявления универсального рефлексивного механизма управленческих решений. Формирование его категориальной модели здесь называется системогенезом.

Системогенез рефлексивного механизма управленческих решений осуществляется в **прикладном аспекте** рефлексивного взаимодействия субъекта с объектом, в процессе творческого воспроизведения **фундаментальных предпосылок** управленческой деятельности. Чтобы раскрыть содержательный смысл этого сложного процесса, необходимо ответить на такие вопросы, как: что такое рефлексивный механизм вообще, какова его особенность, т.е. человеческая форма? и как он действует конкретно – в процессе принятия решений? Философское осмысление ответов на них осуществляется в онтологическом, гносеологическом и собственно методологическом аспекте указанного системогенеза.

Вместе с тем в процессе системогенеза рефлексивного механизма осуществляется и процесс имманентного самоопределения самой рефлексии, являющейся его исходным пунктом. Причем наибольшая полнота ее смысла достигается именно в результатах генезиса в каждом из выделенных аспектов, а также в их взаимосвязи. Этимологически первоначальное значение этого термина, как известно, произошло от позднелатинского *reflexio*, что переводится как “обращение назад”.

Формально рефлексия производна от рефлекса – “рефлекс-и-Я” [121, с. 91]. Если “рефлекс” означает отражение иного, то рефлексия – отражение своего иного, в пределе – отражение своей собственной противоположности. В этом смысле она включает в себя самоотнесенность, т.е. обращение к своему основанию. Все “вещи” возникают из своего иного и исчезают в своем ином. Свое иное как раз и является их основанием, причем как исходным, так и конечным. Отражение иного своего иного есть возвращение основания к самому к себе (Хайдеггер). Содержательные определения понятия “рефлексия”, как видно, возможны с разных точек зрения. Однако они не исключают основополагающего значения формального.

Поскольку процесс рефлексии также имеет свое начало и завершение, системогенез ее механизма в предельном случае имеет тройственный ритм: нерефлексивная (дорефлексивная) стадия – рефлексивная стадия (именуемая рефлексией первого порядка) – саморефлексивная (надрефлексивная) стадия (где речь идет о рефлексии второго и следующих порядков). Рефлексивный механизм является результатом этого процесса. В своей наиболее развитой форме, аккумулирующей в снятом виде все предыдущие, он выступает просто как рефлексия рефлексии. Но эта абстракция предполагает бесконечное многообразие его конкретных форм: понятие понятия, мышление мышления, память памяти, сознание сознания, наука о науке, кибернетика кибернетики, коммуникация коммуникаций, управление управлением и т.д. Отсюда естественно возникает необходимость представлять его и на конкретно-всеобщем, т.е. мировоззренческом уровне.

В онтологическом аспекте рефлексия и ее механизм изучены сравнительно слабо. Наиболее перспективным здесь считается синергетический подход. Так, утверждая, что подлинное понимание существа рефлексии лежит в онтологии – том универсальном основании, на базе которого возникает и развивается психика, С.А. Шаров толкует ее как основополагающий механизм самоорганизации человека. Причем он пишет: **“...рефлексивный механизм – это самоорганизация интенциональной психической активности, которая осуществляется на разных уровнях психики (сознания, бессознательного) для достижения в процессе взаимодействия человека с миром синергизма, она проявляется в *простраивании и связывании границ, их организации* в ходе движения к основаниям собственной деятельности”** [122, с. 88]. Однако системогенез рефлексивного механизма, фактически отождествляемый с самой рефлексией, им не представлен. Вместо него он говорит об этапах развертывания этого механизма, о реализации его функций. Не находится он и у других авторов, исследующих проблему [8, с. 61–66].

Акцент на производящей активности рефлексивного механизма усматривается и в “онтологических” представлениях радикальных конструктивистов. Все самоорганизующиеся системы наделяются ими креативностью, проявляющуюся в их способности создавать свою собственную окружающую среду. Рефлексивные свойства этих систем у них выражаются понятиями “самоотнесенность”, “самореферентность”, “рекурсивность” и т.п., а действие рефлексивного механизма толкуется как проявление “автологик”, как “аутопоэзис” [88; 123–126].

Воспроизведение фундаментальных предпосылок рефлексивного механизма, безусловно, есть творческий процесс. Однако речь здесь все-таки идет о творческом воспроизведении объективных закономерностей его системогенеза. Поскольку в онтологическом аспекте рефлексия является способностью систем отражать свои собственные действия, ее механизм должен объяснять, каким образом это осуществляется. Вполне очевидно, что такая способность присуща не всем, а лишь наиболее развитым из них. Связывая рефлекссию с формированием самоорганизующихся систем, следует

иметь в виду и то, что их генетическими предпосылками являются системы замкнутые и открытые. Среди множества такого рода объектов самым развитым, из известных, оказывается человек. Его привилегированное место в мире научно выражает антропный принцип. Системогенез рефлексивного механизма в его универсальном смысле, таким образом, совмещается с антропосоциогенезом. На этот факт впервые обратил внимание, по-видимому, П. Тейяр де Шарден [127, с. 136–150]. В этом процессе действительно обнаруживаются реальные содержательные предпосылки представленной выше его (системогенеза) формальной схемы. Способом выявления онтологических оснований универсального (всеобщего) рефлексивного механизма в таком случае становится именно философская рефлексия.

Соответственно основным формам человеческой активности представленным антропосоциогенезом, таким образом, можно выделить три материальные системы отражения: поведенческую, деятельностьную и автокоммуникативную. Первая из них стала онтологическим основанием широко распространенной в науке натуралистической методологии бихевиоризма [128], вторая – также довольно распространенного деятельностьного подхода [129].

Поведенческая система отражения является **непосредственно замкнутой**. Схематично она выражается так: $S \rightleftharpoons O$, где O – объективные условия окружающей среды, “объект”; S – субъект как биологическое существо. В классической науке механизм (способ) отражения в такой системе представлялся образом “рефлекторной дуги” (Р. Декарт, И.П. Павлов), в современной науке (физиологии, психологии) он представляется образом “**рефлекторного кольца**” (Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин). Причем функциональная замкнутость рефлекторного кольца считается относительной. Оно “замкнуто только в морфофизиологическом смысле; с точки же зрения детерминации отражения оно, наоборот, разомкнуто – оно разомкнуто в “точках встречи” с объектом” [132, с. 23]. Таким образом в поведенческой системе отражения возникают два цикла: прямой ($O \rightarrow S \rightarrow O'$) и обратной ($S \rightarrow O \rightarrow S'$) связи. Эта бифуркация постоянно ставит ее субъекта перед предметным выбором ($S \rightleftharpoons O$).¹ Формы его существования разнообразны, но принцип один: или – или. Осуществление второго сценария, где исходным пунктом является активный субъект, со временем порождает деятельностьную систему отражения.

Деятельностная система отражения является **открытой и опосредствованной** [129, с. 58; 132, с. 111–112, 140–144; 133, с. 173]. Ее онтологическая схема такова: $S \rightleftharpoons cp \rightleftharpoons O$, где S – субъект деятельности; cp – средство или способ деятельности; O – объект деятельности. В развернутом виде то же: $S \rightarrow cp \rightarrow O \rightarrow cp' \rightarrow S'$. Механизм отражения субъектом объекта в этой системе является **рефлексивным**. Рефлексия выступает здесь как способ

¹ О рефлекторном выборе говорили И.П. Павлов, Э. Торндайк, Н.А. Бернштейн, П.К. Анохин и др. П.К. Анохин определял его как форму принятия решений [133, с. 92–95, 107–124, 336–391, 392–399].

(форма) деятельности, т.е. как способ воспроизведения исходного единства субъекта с объектом, как способ их опосредствования, как способ их взаимной – прямой и обратной – **связи**.

Существенный недостаток деятельностной системы отражения заключается в том, что его объективное, предметное содержание всегда оказывается под вопросом. Оно всегда ограничено мыследеятельностью, рефлексией. Эта ограниченность выражается как ограниченность интроспекционизма, ментализма, философского идеализма. Преодоление ограниченности требует надрефлексивной позиции, рефлексии над самой рефлексией. Такая позиция и рефлексия обнаруживаются в автокоммуникативной системе отражения – наиболее совершенной форме самоорганизующихся систем. Здесь важно заметить, что “открытость системы – необходимое, но не достаточное условие для ее самоорганизации: т.е. всякая самоорганизующаяся система открыта, но не всякая открытая система самоорганизуется, строит структуры” [134, с. 8].

В процессе автокоммуникации, очевидно, происходит **замыкание открытой системы** человеческой деятельности и **опосредствование непосредственного**¹. Но авторефлексия и есть **саморефлексия**, т.е. рефлексия над рефлексией, и поэтому возвращающая назад – в нерефлексию, в рефлекторное отражение. Способом (механизмом) этого возвращения является **обратная связь**, причем как положительная, так и отрицательная. Отсюда саморефлексия подразделяется на **производящую** и **воспроизводящую**. Схема автокоммуникативной системы отражения такова (рис. 3).

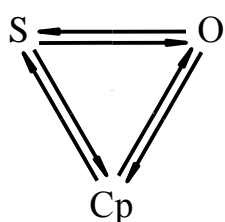

Рис. 3. Схема автокоммуникативной системы отражения:

S – субъект; O – объект;

Cp – средство

Здесь стрелками указаны направления производящей и воспроизводящей саморефлексии.

Функция обратной связи в автокоммуникативной системе отражения неоднозначна. Конечно, объективно представленная в положительных и отрицательных результатах действий субъекта, она является способом его самодетерминации. Но она выступает и как средство самоорганизации, формирования самой этой системы, и как способ самореализации ее субъекта, что выражается в его саморазвитии, творчестве, в полагании идеальных целей. Соответственно **саморефлексия выступает не только как механизм самой обратной связи, но и как механизм взаимной связи, и как меха-**

¹ Такое единство опосредствованного и непосредственного Х. Плеснер определяет как закон [135, с. 137–146].

низм выбора. В последнем случае она действительно обнаруживает (раскрывает) свои всеобщие природные основания. В.А. Лефевр, формулируя закон саморефлексии, пишет: “Субъект стремится создавать такие образцы поведения, чтобы установить и сохранять подобие между самим субъектом и его моделью себя” [136, с. 67]. Эта “рефлексивная метафора” представляет собой общий принцип регуляции и у человека и у животных [136, с. 64]. Механизм генерации (моделирования) образов себя универсален и не зависит от культуры, к которой принадлежит субъект [137, с. 36]. Как таковой, он является “автоматом” выбора [137, с. 34, 37, 39–40; 138, с. 49–50].

Однако субъект автокоммуникации, таким образом, выбирает: 1) предметный результат своих действий; 2) сам способ действия; 3) источник действия, т.е. самого себя. Следовательно, выбирает и свою собственную **позицию в данной конкретной ситуации**. В зависимости от исходного (соответственно и конечного) пункта рефлексия подразделяется на:

- 1) предметную рефлексия (O...O');
- 2) операциональную рефлексия (ср...ср');
- 3) ценностную рефлексия (S...S').

Внутри каждой из них также выделяются основания самой рефлексии над рефлексией.

В **гносеологическом аспекте** указанного системогенеза философская рефлексия выступает как способ **выявления** уникальных (специфических) познавательных оснований рефлексивного механизма принятия человеком решений. Такими основаниями являются **знания**. Соответственно в человеческой психике выделяются три уровня формирования этого механизма: бессознательный, сознательный и самосознания. Поскольку “психика представляет собою особый аппарат управления поведением, управления действиями во внешней предметной среде” [139, с. 321–322], постольку данное подразделение обуславливает его совершенствование и развитие.

Емкость понятия бессознательного у человека существенно отличается от понятий и форм бессознательного отражения эволюционно предшествующих живых существ. Хотя оно в снятом виде включает и их в себя. Соответственно психоаналитической традиции различаются два его типа: 1) досознательное или подсознательное и 2) надсознательное или сверхсознательное. Именно второй тип является специфически человеческим. Существенно расширяются и формы бессознательного механизма принятия решений человеком. Среди них: безусловные и условные рефлексии, инстинкты, установки, автоматизмы, архетипы, стереотипы, привычки, навыки, обычаи, традиции и т.д. – все то, что в широком смысле называется рутинной. Сюда же относятся и такие социальные явления, как подражание авторитетам и интуиция. Различие досознательного и надсознательного среди них заключается в том, что первые выражают объективные законы и зако-

номерности в естественно необходимых способах действия, а вторые – в искусственно созданных схемах, алгоритмах, программах и др., т.е. в правилах действия.

Роль лежащего в их основании рефлекторного механизма принятия решений в жизнедеятельности человека также двойственная. З. Фрейд говорил о ней как о борьбе двух начал – “**инстинкта смерти**” и “**инстинкта жизни**”. В определенном смысле этот механизм выражает зависимость человека от природы, его **подчиненность** естественной необходимости. С другой стороны, он же определяет путь **освобождения** от этой зависимости в направлении слияния с природой в культуре, очеловечивании природы в культуре.

Уникальность бессознательного в человеческой психике заключается в **отсутствии знаний** [140, с. 201]. Бессознательное всегда является в формах **непосредственного отражения бытия, а знания (включая и так называемое непосредственное знание) всегда опосредствованы сознанием**. Последнее возникает благодаря рефлексии как **способу** осознания или **сознания**. Без сознания невозможно знание, и, наоборот, без знания невозможно сознание [60, с. 251–255]. Возникновение того и другого обусловлено превращением непосредственного отражения в опосредствованное. Само же выделение сознательного из бессознательного обуславливается переходом от рефлекторного к рефлексивному механизму принятия решений.

Сознательное принятие решений осуществляется всегда на основе рефлексивного механизма. Сознание рефлексивно по существу [140]. Рефлексия как со-знание – это процесс непрерывного различения субъективного и объективного с помощью знания [140, с. 199]. Знание здесь – способ (средство) этого различения. “Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это – *знание*. Знание есть его единственный акт... его единственное предметное отношение”, – писал К. Маркс [141]. Ясность сознания – ясность этого различения. Итак, знание в осознании выполняет роль способа, метода, средства рефлексии. Но ее предметом может быть все. По мнению А.Н. Леонтьева, “*сознание* – рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя” [130, с. 150].

Сознательное рефлексивное различение субъективного и объективного достигается в деятельности – путем **их отождествления в деятельности** или **деятельностного отождествления** [140, с. 39]. Причем деятельностное опосредствование субъектом объекта выступает как акт **выявления** объективного в субъективном [133, с. 188], предметного в операциональном [142, с. 150–151; 143; 144, с. 246–252], т.е. как акт **рефлексивного обращения** объективного в субъективное, предметного отражения в операциональное знание, **выражающего интенциональную природу со-знательного отношения** субъекта к объекту. Каждый акт такой “рефлексивной абстракции” [142, с. 150–151; 144, с. 246–252], т.е. каждый акт осознания, расширяет границы еще не осознанного, открывает его новые горизонты [145, с. 86]. Таким образом, рефлексия включает в себя не только отражение и преобразование объекта, о чем пишет В.А. Лекторский [60, с. 266–272], но и его

оценку, которая проявляется в интерпретации действительности сквозь призму операциональной схемы знаний.

Вместе с тем сама эта операциональная схема оказывается неосознаваемой [60, с. 251–255; 146, с. 252–254].

Рефлексивный механизм предметного осознания и сознания в своей сущности является формальным [147, с. 344–349]. Такая “рефлексия может остаться лишь формальной, лишь противопоставляющей непосредственное и опосредствованное, не связывая их через рассмотрение процесса развития вещи” [147, с. 345–346]. Сознательное принятие решений предполагает нахождение **способов** этих решений, т.е. способов решения проблем (задач) и нередко сводится к ним [148; 139, с. 323–324; 149, с. 360; 150, с. 565, 567–570]. Поэтому и его **рефлексивный механизм** в определенном смысле **предстает как формальный**. Однако роль этого механизма в жизнедеятельности человека неформальная: он позволяет человеку **использовать познаваемые законы и закономерности**, дает **власть** над природой и другими людьми, **освобождает** от естественной и общественной необходимости.

Принятие решений человеком на уровне самосознания осуществляется также с помощью рефлексивного механизма. Однако здесь он обретает **творческий характер**. В самосознании, т.е. сознании сознания, реализуется саморефлексия. Как способ самосознания, она представляет собой процесс непрерывного отождествления субъективного с объективным. Р. Декарт выразил его принципом: “*Я мыслю, следовательно, я существую*” [151, с. 44]. Таким путем человек осознает свою свободу [152, с. 44]. Можно сказать – получает для себя “фантастическую” свободу, поскольку в духовном внутреннем мире возможно все. В этом смысле саморефлексия является источником творчества. Синергетический эффект ее наложения сознания на сознание приводит к образованию субстанционального знания, способного к самодвижению и саморазвитию по собственной логике. Следуя этой логике, можно обрести свободу в духовном мире, но в реальном ее потерять.

Утверждая себя как сознательное существо в реальном мире, человек **выделяет** свое место в нем. В таком случае его самосознание выполняет функцию целеполагания, механизмом которого является та же саморефлексия. Как сказано выше, в сознании осуществляется рефлексивное обращение непосредственного предметного отражения в операциональное знание. Последнее вновь подвергается предметному отражению и т.д. В самосознании осуществляется **рефлексивное обращение самого операционального знания в цель**. Причем это происходит не путем выделения объективного в субъективном, а путем субъективного **выбора** из объективно представленных операциональных возможностей. Но цель является в образе предметного результата действия, что нередко дает повод для ее отождествления с предметным знанием. В действительности выбранная цель направляет отражательную деятельность не только на предмет, но и на ее способ и на ее источник, заключающийся в потребностях субъекта. В данном случае оказывается также существенным фактическое совпадение акта **выбора цели с**

принятием решения как способа действия [153, с. 82; 154 с. 144–146, 752–753, 761–766]. Таким образом, принятие решения, очевидно, является творческим актом самосознания, в котором непосредственно выражается переход от бессознательного к сознательному (С.Л. Рубинштейн), от незнания к знанию (Л. Витгенштейн), от неявного знания к явному знанию (В.А. Лекторский), от неопределенности к определенности (Дж. Нейман, О. Моргенштерн).

Образ цели, естественно, имеет свою специфику. В отличие от того, что есть, он фиксирует то, что должно быть. Специфика знания внутри **самосознания** этим образом представляется **идеальностью**.

Как цель саморефлексии, **рефлексивный механизм** принятия решений тоже является должным образом. Его знание **представляется в самосознании идеально**. И именно **поэтому он обретает реальную нормативную способность управлять**. Саморефлексия позволяет уточнить высказанный Ф. Бэконом тезис “знание – сила”. В определенном смысле знание становится, во-первых, направляющей силой; во-вторых, организующей силой; в-третьих, регулирующей (побуждающей) силой. Что и реализуется в управленческой деятельности.

В аспекте самодетерминации (саморегулировании, самомотивации) человеческой деятельности свобода представляется самостоятельностью. В принятии решений ее обеспечивает саморефлексия. Как механизм принятия решений, она раскрывает творческие способности человека. Человек выражает свою самостоятельность творчески. **Принятие решений на уровне самосознания становится творческим актом**.

Если сознательное принятие решений лежит в основе управления всей предметно-практической деятельностью человека, то принятие решений на уровне самосознания является основанием управления всей его духовной (умственной) деятельностью, включая и управление **самим процессом подготовки и принятия решений**. Последнее является необходимым условием обретения им самостоятельности.

Философско-методологическая рефлексия над процессом принятия решений **выявляет** их предельные методологические основания [155, с. 4–29]. Ее творческий характер, как было сказано, наиболее ярко выражается в самосознании. Здесь она определяет предпосылки и степень самостоятельности субъекта принятия решений, т.е. формирует структуру рефлексивного механизма принятия решений и выделяет уровни его развертывания в человеческой деятельности.

Логику осознания оснований принятия решений в истории философии можно представить последовательностью категорий “цель”, “средство”, “результат”. Аристотель, заложивший в “Никомаховой этике” основы современной теории принятия решений, утверждал в качестве их фундаментального принципа целесообразность. Критерием целесообразности он считал “середину” между противоположными действиями. У Канта в качестве

методологических оснований принятия решений определяются практические принципы, выступающие в роли средств регулирования поведения людей. Кант подразделяет их на субъективные максимы и объективные императивы. Среди последних важнейшую роль играет “категорический императив”, имеющий своим условием и основанием свободу. Следующий шаг в осознании оснований принятия решений сделали представители шотландской школы морали (середина XVIII – начало XIX в.). Они “отказались рассматривать поведение людей на основе разного рода априорных идей и предвзятых мнений. В противовес этому они стали объяснять их поступки и поведение исключительно теми результатами, к которым они приводят” [156, с. 57]. Основатель школы утилитаризма И. Бентам выдвинул в качестве критерия принятия решений баланс удовольствий и страданий. Логический синтез трех выделенных оснований принятия решений был осуществлен в 1944 году математиком Джоном фон Нейманом и экономистом Оскаром Моргенштерном [157], создавшими классическую теорию рационального выбора в экономике в условиях неопределенности и риска. Критерием такого выбора является принцип ожидаемой полезности, определяющий значение целевой функции.

Г. Саймон, проводивший в научных исследованиях демаркацию естественного и искусственного, в области принятия решений предложил разделять все задачи (проблемы) на закрытые и открытые. Классическая теория, по его мнению, имеет дело лишь с задачами закрытого типа. Данная им классификация нашла признание среди ученых. Одним из первых ее поддержал Ю. Козелецкий. В своей психологической теории принятия решений он, так же как и Г. Саймон, уделил главное внимание задачам открытого типа [158, с. 288–289]. Различие между открытыми и закрытыми задачами принятия решений, по мнению авторов, принципиальное. “Первые предполагали развитие процессов гипотезостроения и других проявлений, характеризующих мышление в условиях “решения проблем” (problem solving). Вторые предположительно актуализировали процессы “принятия решений” (decision making) как **выбор** субъекта при заданной системе альтернатив в условиях неопределенности критериев или отсутствия “правильного” решения” [159, с. 9]. К закрытому типу задач Ю. Козелецкий относит многие формальные, конвенциональные и алгоритмические, решаемые на низших уровнях административного управления или в ходе управления технологическими процессами. Задачи открытого типа, утверждает он, как правило, новые и неконвенциональные. Они представляют второй, высший уровень управления.

Подразделение задач (проблем) принятия решений на закрытые и открытые в работах Г. Саймона, Ю. Козелецкого, других авторов вполне согласуется с двумя основными способами человеческого существования (реактивным и рефлексивным), о которых писал С.Л. Рубинштейн, что вполне согласуется также с представленными выше онтологическими и гносеологическими характеристиками рефлексивного и рефлексивного механизма принятия решений. Все это дает основания предположительно выделить еще

один тип (и уровень) задач принятия решений – синергетический. В них, очевидно, решается проблема целеполагания, т.е. осуществляется сама постановка задач открытого типа. Синергетические задачи присущи различным критическим ситуациям и требуют подлинно творческого подхода.

Три указанных типа задач (проблем) принятия решений – закрытые, открытые и синергетические – являются реальными предпосылками структурообразования рефлексивного механизма в аспекте развития самостоятельности субъекта. Показательными в этом плане могут быть работы психологов и педагогов, которыми выделяются копирующий, воспроизводящий и творческий уровень самостоятельности. Копирующий уровень соотносится только с результатами деятельности, готовыми образцами; воспроизводящий дополняется средствами решения определенных задач (проблем); а творческий, кроме всего этого, характеризуется целеполаганием, т.е. самой постановкой задач (проблем). Конкретизируя критерии только подразделения, Л.В. Жарова называет их низким, средним и высоким уровнем развития самостоятельности [160, с. 28–30].

Развертывание рефлексивного механизма принятия решений в процессе осознания (специальной) управленческой деятельности схематично можно представить так:

На уровне **оснований**:

1. Даны (заданы) цель и средство. Задача принятия решения заключается в том, чтобы определить конкретный результат действия. Эта задача относится к закрытому типу.

2. Дана (задана) цель. Задача заключается в нахождении средств (путей) ее достижения. Относится к открытому типу. После ее решения необходимо определить конкретный результат действия, т.е. решить задачу закрытого типа.

3. Данные отсутствуют. Изначально необходимо поставить цель. Затем требуется найти пути достижения цели (задача открытого типа) и, далее, определить конкретный результат (задача закрытого типа). Такой тип задач принятия решений является синергетическим.

Логический синтез всех трех оснований (ц + ср + рез-т), как было сказано, осуществляется в рациональной теории принятия решений.

На уровне **теории** три определенных этапа конкретизируются:

1. Рациональная теория принятия решений, представленная в категориях “цель”, “средство”, “результат”, является образцом одномерного управленческого мышления.

2. Двухмерное управленческое мышление представляется производящей (ц – ср – рез-т) и воспроизводящей (рез-т – ср – ц) рефлексией. В первом случае возникает нормативная теория принятия решений, во втором – дескриптивная.

3. Трехмерное управленческое мышление в категориях “цель”, “средство”, “результат” дает три концептуальных подхода:

а) исходным и конечным пунктом рефлексии является цель (ц – ср – рез-т – ц'). Этот подход лежит в основе “целевого управления”;

б) исходным и конечным пунктом рефлексии является средство (ср – рез-т – ц – ср'). Такой подход оказывается основой “управления по отклонениям”;

в) исходным и конечным пунктом рефлексии является результат (рез-т – ц – ср – рез-т'). Данный подход образует основу “управления по результатам”.

Они, соответственно, конкретизируются в функционально-деятельностном, системном и ситуационном подходе. Их концептуальный синтез выражается в синергетическом подходе.

На **концептуальном** уровне вырабатываются разные управленческие подходы. Все они находятся в русле синергетического. Концепция рефлексивного управления формируется также на этом уровне.

В культурно-историческом контексте системогенез рефлексивного механизма предстает как аспект культурирования. В этом плане философская рефлексия выступает как универсальный способ осознания процессов подготовки и принятия решений в разных областях человеческой деятельности. Соответственно обыденному, теоретическому и метатеоретическому уровню отражения бытия можно выделить три основные формы философской рефлексии: 1) единичную, 2) особенную и 3) всеобщую.

Единичная форма философской рефлексии присуща обыденному сознанию. Принятие решений здесь осуществляется на основе эмоций, рассудка и воли. “Эмоциональное решение, – пишет О.К. Тихомиров, – это всякое предпочтение, выбор, которое строится прежде всего на основе эмоциональных механизмов. Брак по любви может служить примером того случая, когда “выбор” строится на основе эмоциональных процессов (в отличие от брака “по расчету”)” [153, с. 81]. Брак по расчету, очевидно, является примером рассудочного принятия решения. Волевые решения, по мнению О.К. Тихомирова, имеют место в ситуациях конфликта противоположных тенденций. Развивая мысль автора, волевое решение можно проиллюстрировать решением А. Македонского “разрубить гордиев узел”. Своеобразный сплав эмоций, рассудка и воли выражается понятием “мудрость”. Мудрое решение в определенном смысле есть результат философской рефлексии, образцом которого стало описанное в Ветхом Завете Библии решение царя Соломона. Мудрое решение противопоставляется глупому.

Особенная форма философской рефлексии над процессами подготовки и принятия решений представлена прагматизмом. Он определяется как метод решения проблем, возникающих в различных жизненных ситуациях. Наиболее четкое выделение и характеристики отдельных этапов такой рефлексии находятся в работе Дж. Дьюи. Анализируя акт рефлексивного мышления, он различает “пять отдельных логических ступеней: (I) чувство затруднения, (II) его определение и определение его границ, (III) представление о возможном решении, (IV) развитие путем рассуждения об отношениях представления, (V) дальнейшие наблюдения, приводящие к признанию

или отклонению, т.е. заключение уверенности или неуверенности” [41, с. 60]. Автор пишет, что и началом, и концом этого процесса является наблюдение. Между ними осуществляется: “(1) вывод, представление или предположение объяснения или разрешения; (2) рассуждение, развитие отношений или открытых связей, на почве следствий представления или предположения” [41, с. 64]. Таким образом, весь процесс подготовки и принятия решений предстает как бы в двух измерениях: 1) как решение проблем и 2) как процесс выбора из этих решений. Уверенность, возникающая в результате принятия решения, в прагматизме означает готовность действовать, т.е. определенную установку.

Всеобщая форма философской рефлексии над процессами подготовки и принятия решений представляется в таких направлениях, как философия жизни, феноменология и экзистенциализм. Здесь мы видим профессиональное осмысление собственно философских проблем принятия решений. Причем в философии жизни это осуществляется с точки зрения бессознательных переживаний, в феноменологии – с точки зрения индивидуального сознания, а в экзистенциализме – с точки зрения самосознания индивида. Так, А. Бергсон рассматривает процесс принятия решения как свободный выбор из проблематичных возможностей в аспекте переживания внутреннего времени. В этом плане его критерием становится весь жизненный путь человека. Э. Гуссерль уделяет особое внимание источнику сомнительных ситуаций, сознательному конституированию проблематичных возможностей как предпосылке всякого выбора. Ж.П. Сартр исследует сам акт принятия решения, выявляет специфику экзистенциального выбора как выбора человеком себя, своего отношения к миру, определяет его свободу и ответственность. А. Шюц, проанализировавший все эти позиции философской рефлексии над процессом принятия решений, представил его механизм в наиболее целостном виде. На его размышлениях по данному вопросу следует остановиться подробнее.

“В любое время жизни, – пишет А. Шюц, – мы считаем само собой разумеющимся, что частью нашего жизненного мира мы *можем манипулировать*, изменять и преобразовывать нашими действиями”. Но это возможно, только если эти действия действительно *выполнимы*, имеются *доступные средства*, которые, будучи управляемы, приведут к определенным *целям*. “И теперь может потребоваться исчерпывающая взаимосвязь тематических, интерпретативных и мотивационных релевантностей, чтобы установить цели, которые необходимо достигнуть, найти возможный способ действий, необходимый для осуществления данного состояния дел, выбрать из всех возможных способов действия выполнимые, поскольку цели доступны нам, и, наконец, из всех выполнимых действий выбрать наиболее соответствующие данным обстоятельствам” [154, с. 346]. Взаимосвязь трех систем релевантности он представляет следующим образом (рис. 4).

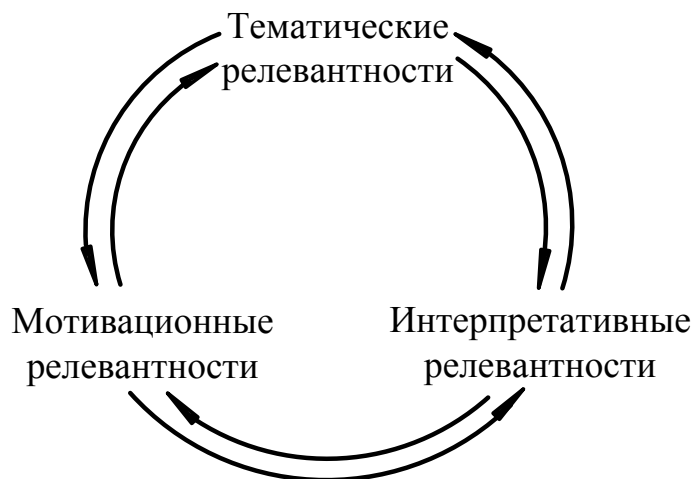

Рис. 4. Взаимосвязь трех систем релевантности по А. Шюцу [154, с. 292]

Тематическая релевантность, по А. Шюцу, конституирует предмет (объект) как проблематичный. Она дает ответ на вопрос: что? Интерпретативная релевантность позволяет ответить на вопрос: каким образом действовать? Она имеет значение и в функции методологии. Мотивационная релевантность представляется мотивами “для” (для того, чтобы) и “потому, что”. Каждая из них может стать отправным пунктом изменений в двух остальных. Между релевантностями устанавливается двусторонняя рефлексивная связь [154, с. 255–292], которая, очевидно, представляет рефлексивный механизм подготовки и принятия решений.

Итак, в процессе выявления универсального рефлексивного механизма управленческих решений мы приходим к достаточно простой модели. Она может быть представлена философскими категориями “цель”, “средство”, “результат”, двусторонне связанными в треугольник.

Переориентация внимания философии с фундаментальных проблем на прикладные при ее историческом переходе от классического к неклассическому этапу привела к рефлексивному оборачиванию и в понимании механизма принятия решений. На первом плане оказалось не осознание его сути, а осознание его роли в управленческой деятельности. Переосмысливание философской рефлексии в этом плане привело к возникновению рефлексивного управления. Однако методологический потенциал философской рефлексии не был исчерпан. Наоборот, для нее открылись новые перспективы. Творческому вкладу философской рефлексии в подготовку и принятие самостоятельных управленческих решений посвящается следующий параграф.

1.4. Философская рефлексия как принцип самостоятельных управленческих решений

Любое самоуправление является рефлексивным. Самоуправление, имеющее дело непосредственно с принятием решений, рефлексивно вдвойне, точнее, саморефлексивно. Его важно выделять специально¹. На этом уровне возникает необходимость осознавать объективные основания собственной деятельности, стремление к их универсальности. Рефлексия здесь становится способом философского обоснования принятия решений.

Как способ самоопределения человека в мире, воспроизводящая философская рефлексия в методологическом аспекте управленческой деятельности выражается принципом самодетерминации. Самодетерминация в этом плане оказывается не только условием производящей активности и свободы философской рефлексии, но и, что главное, источником многочисленных разновидностей “самости” (К. Юнг). Понятие самоопределения (или самодетерминации), пишет В.Н. Самченко, “является родовым для таких важнейших понятий современного знания, как автономия, самостоятельность, самодеятельность, самовыражение, самоосуществление, самоуправление, самосовершенствование и других “само...”, без которых невозможно исследовать спонтанные процессы в природе и в обществе” [161, с. 47]. Это значит, что философская рефлексия является также принципом самостоятельных управленческих решений. Таким образом, она полагает (выявляет) исходные основания своей собственной управленческой деятельности (самоуправления), основания этих оснований в разных формах рефлексивного механизма самостоятельных управленческих решений, конечные, мировоззренческие основания последнего. Рефлексивный механизм здесь играет роль ее средства.

Цель настоящего параграфа заключается в том, чтобы выявить методологический смысл философской рефлексии как принципа самодетерминации в решении субъектом проблем рефлексивного самоуправления.

Логика самоопределения человека в мире есть логика формирования мировоззрения. Стремясь к полноте и всеобщности оснований собственной деятельности, человек создает для себя целостную картину мира, определяет посредством нее свое место в мире и выявляет свое отношение к миру. Взаимная обусловленность субъективных и объективных моментов при этом им представляется философской рефлексией [162, с. 7–8], которая как принцип самодетерминации включает в себя не только самопознание, но и самореализацию (понимаемую иногда как трансцендирование) и самооценку (самоутверждение или самоотрицание). Так, человек осознает себя в качестве природного существа, социального существа и в качестве духовного

¹ Термин “рефлексивное самоуправление” используется пока крайне редко; см., например: [163, с. 25].

существа культуры. Отношение человека к миру на этом всеобщем уровне осмысливается в философских категориях “субъект” и “объект”.

Однако в прикладной философии понятие “самоопределение” отличается от его фундаментального толкования. Именно в этом аспекте акцентируется внимание на “самоутверждении человека как сознательного – родового существа” (К. Маркс), на видении мира сквозь призму “знания” (А. Шюц), на осмыслении человеческого бытия (А. Швейцер), на способе понимания человеком мира (Г. Гадамер), на истолковании конфликтных ситуаций (П. Рикер) и т.д., т.е. на самом способе рефлексивного существования человека (С.Л. Рубинштейн).

Как следствие, здесь существенно изменяется и понятие “мир”. В философии сознания Э. Гуссерля это понятие обретает характер и смысл “жизненного мира”. Такой мир дается человеку ситуативно, образуя фон актуальной ситуации.

По мнению Ю. Хабермаса, жизненный мир представлен передаваемыми через культуру и языково организованными толкованиями мира. В этом смысле язык и культурная традиция выступают как трансцендентальная инстанция по отношению к той или иной ситуации. В повседневной практике нет совершенно незнакомых ситуаций. Они всплывают из жизненного мира, образуемого уже известным в культуре знанием. Это фоновое знание позволяет включать в жизненный мир и проблематичные ситуации, т.е. ситуации, в которых требуется достичь единства. Но это знание, тематизируясь в рамках той или иной ситуации, не образует ее составной части, как и вообще язык и культура не являются составными частями ситуации действия [164, с. 84–85].

В аспекте прикладной философии на первый план выходит человеческая индивидуальность и уникальность. Не случайно субъект, принимающий решения, в литературе часто фигурирует под аббревиатурой обобщенного лица, принимающего решения, или ЛПР. Понятия “самостоятельность” и “ответственность” в таком случае относятся прежде всего к отдельному конкретному человеку.

Попытку конкретизации способа самоопределения личности в прикладном аспекте методологии предприняли В. Зарецкий и Р. Каменский. По их мнению, “практически любая проблемная ситуация содержит в себе возможность в процессе рефлексии анализа причин ее возникновения пройти в самоопределении “на всю глубину”, т.е. не только оценить ситуацию и свои действия в ней с точки зрения предпочтительности и достижимости тех или иных целей, но и осмыслить отдаленные последствия своих действий в этой ситуации, осознанно установить или снять ограничения на свои действия, определиться в ценностях как конечном пункте самоопределения, не подлежащем рефлексии”. Поиск оснований решения может разворачиваться на разном уровне. Последние могут рассматриваться как своеобразные едини-

цы творческого процесса развития личности [165]. Концептуальная схема самоопределения личности ими представлена следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Смысловые пространства и способы возможного самоопределения личности по В. Зарецкому и Р. Каменскому [165]

Смысловое пространство самоопределения	Тип жизненной активности	Схема описания жизненной активности	Способы самоопределения
Экзистенциальное	Деяние	Ценность – путь – ответственность	Рефлексия бытия
Установление ограничений			
Культурное	Дело	Замысел – реализация – рефлексия	Рефлексия деятельности
Анализ последствий			
Социальное	Деятельность	Цель – средство – результат	Рефлексия действий
Оценка результатов			
Ситуативное	Действие	Ориентировка – исполнение – контроль	

В концептуальной схеме самоопределения В. Зарецкого и Р. Каменского не все вызывает безоговорочное согласие. Однако идея ее многоуровневости в контексте настоящего исследования находит свое реальное воплощение. Наиболее фундаментальная, философская интерпретация способа самоопределения в управленческой ситуации здесь представляется, во-первых, как соответствующее истолкование этой ситуации; во-вторых, как определение в ней собственной позиции субъекта и, в-третьих, как определение управленческого отношения ее субъекта к объекту. В последнем выражается сам способ самоопределения субъекта самоуправления.

Термин “управленческая ситуация” используется в разном смысле и толкуется далеко неоднозначно. Прежде всего, нуждается в уточнении его **родовое понятие**. В различных определениях ситуации, имеющих в литературе, указывается на ее событийный и пространственно-временной характер; отмечается, что она фиксирует определенное состояние или положение дел; раскрывается ее содержание, представляющее собой соотношение и / или взаимодействие разнообразных субъектных и объектных, внутренних и внешних факторов (сил), имеющих различные постоянные (параметры) и переменные характеристики. Их называют случаями, событиями, локусами, фрагментами бытия [166, с. 264–266; 167, с. 76–77; 168; 169, с. 83–

84; 170; 171; 172]. Обобщая данные определения, можно сказать, что ситуация – это фрагмент бытия, состоящий из субъектных (т.е. относящихся к субъекту) и объектных (т.е. относящихся к объекту) факторов, находящихся в определенном соотношении друг с другом, взаимодействии и развитии.

Взаимосвязь субъектных и объектных факторов ситуации выражает конкретное отношение субъекта к объекту. Однако это отношение, как правило, является опосредствованным¹. В отечественной философской литературе данный факт обоснован [60]. Опосредствующим звеном между субъектом и объектом является, например, техника. Это значит, что среди факторов, представляющих обычную конкретную ситуацию, следует всегда выделять особый тип опосредствующих факторов. Способом их организации в средство является способ действий, т.е. деятельности субъекта.

Учитывая диалектику непосредственного и опосредствованного, предполагающую наличие непосредственной взаимосвязи субъекта с объектом даже в случае их опосредствования, категориальную модель обычной конкретной ситуации можно представить таким образом (рис. 5).

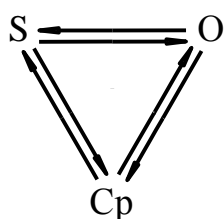

Рис. 5. Категориальная модель обычной ситуации:
S – субъект; O – объект;
Cp – средство

Как видно, категориальная модель обычной ситуации совпадает со схемой автокоммуникативной системы отражения.

Взаимодействие субъекта с объектом всегда диалектически противоречиво. Разные стадии развития этого противоречия (несущественное различие, существенное различие и противоположность) осознаются в форме вопросов, задач и проблем. Последовательность вопрос – задача – проблема в определенном смысле характеризует генезис проблемы, ее формирование. Ситуация, содержащая проблему, квалифицируется как проблемная ситуация. С точки зрения средств ее разрешения любая проблемная ситуация является управленческой². В этом смысле управление есть способ постановки и решения проблем.

В обычной управленческой ситуации субъект имеет знание и опыт разрешения определенных противоречий. Именно поэтому противоречия оказываются для него обычными и управляемыми. Однако спецификой таких ситуаций является не только возможность, но и необходимость постоянно решать их противоречия. В этом постоянстве заключена и определенная

¹ По-видимому, лишь в исключительных, критических ситуациях их отношение является непосредственным.

² На этом основании во многих работах по управлению между ними не делается различия.

стабильность. Вместе со знанием и опытом субъекта степень опосредствования отношения субъекта к объекту здесь устойчиво возрастает.

Рассматривая **управленческую позицию** руководителя как системное образование, Ю.Д. Красовский использует три блока диалектически взаимосвязанных понятий. Причем первый блок фиксирует ее статику, второй – промежуточное состояние, третий – динамику. В целом структура этого образования им представляется так (рис. 6).

Рис. 6. Структура управленческой позиции по Ю.Д. Красовскому [173, с. 15]

Ядром всей системы понятий у него является ответственность. Ответственность управленческой позиции руководителя состоит в том, “что он оказывается посредником в разрешении возникающих противоречий между различными интересами”. “Поэтому под управленческой позицией руководителя имеется в виду проявление его интегральных способностей совмещать различные интересы, осуществляя *посредническую функцию*... Управленческая позиция руководителя в субъективном смысле означает возложение на себя ответственности за успешное решение проблем коллективного делового сотрудничества на взаимокompенсаторной основе” [173, с. 14, 15].

Системное осознание своей управленческой позиции, по мнению Ю.Д. Красовского, является исходным в формировании управленческого самосознания руководителя. Это понимание может иметь для него прежде всего субъектно-объектный смысл. Поскольку же природа этой позиции противоречива, она может осознаваться им искаженно – как объективистская, перестраховочная или как субъективистская, волюнтаристская [173, с. 16].

Осмысление управленческой позиции в субъект-объектных категориях свидетельствует о выходе его автора на всеобщий уровень ее истолкования. Самоопределение субъекта на этом уровне, соответственно, требует более углубленного рассмотрения.

Действительно, определение управленческой позиции в точке средств разрешения проблемной ситуации, т.е. в точке опосредствования субъектных (внутренних) и объектных (внешних) факторов ситуации, оказывается верным отчасти. Категориальная модель управленческой ситуации, с по-

мощью которой осуществляется этот процесс, представлена в сознании ее субъекта и является автокоммуникативной системой. Посредствующим звеном в такой системе оказывается каждый ее элемент. Причем в каждом элементе рефлексивно отражается структура целой системы [174, с. 32]. Определение управленческой позиции, таким образом, является **рефлексивным процессом самоопределения субъекта в конкретной управленческой ситуации**. А ответственность в самоуправлении в сущности сводится к ответственности его субъекта за самостоятельные решения управленческих проблем.

Управленческая позиция – это своеобразная точка опоры. Она определяет местонахождение субъекта управления в реальной или воображаемой ситуации и в последнем случае называется точкой зрения. Наличие конкретной позиции или точки зрения определяет понимание и видение всего остального мира. Управленческая позиция действительно может изменяться. Многостороннее видение определяет степень развития духовной свободы человека.

В диалектическом смысле управленческая позиция определяет конкретное **тождество** различных противоположностей, их **границу**, **основание** разрешения (и запрещения) противоречий между ними. Поскольку противоречие является источником движения и деятельности, управленческая позиция “открывает и закрывает поток его властной энергии”. В специализированном рефлексивном управлении речь идет о сознательном определении этой позиции. Рефлексия как способность сознательного **отражения** устанавливает и определяет сам факт управляемости в форме разрешения (или запрещения) проблем (противоречий). **Границей** разрешения / запрещения противоречий (проблем) является здесь само **отражение**, сама его **форма**, сам субъективный образ человека, образ субъекта управления, т.е. результат его самосознания.

Определение субъектом своей позиции в конкретной управленческой ситуации есть **определение своего отношения** ко всей окружающей среде как к объекту. Это особое, **управленческое отношение**. Посредством таких отношений самоопределение в управленческой деятельности выражается специфическим образом.

Управленческие отношения в объективном, всеобщем смысле, по видимому, совпадают с законами и закономерностями, поскольку именно они (т. е. законы и закономерности) направляют, организуют и регулируют все процессы природы, общества и духовной жизни людей. Однако в социальной сфере управленческие отношения обретают наиболее развитую (из известных) и специфическую форму – форму **властных отношений**. Властные отношения, т.е. отношения господства и подчинения, проявляются в многообразных разновидностях. Саму власть можно определить как “способность воздействовать на ситуацию или поведение других людей” [169, с. 682]. Именно наличие этой способности является отличительным признаком любого субъекта как субъекта. Выделение человека из мира природы, как заметил Ф. Ницше, определяется этой способностью.

Самоопределение в управленческой деятельности предполагает **непосредственное различие управленческого отношения к себе и к другому**. Однако между ними нет абсолютной противоположности – **и отношение к себе, и отношение к другому всегда опосредствованы друг другом**. Таким образом, самоопределение в самоуправлении означает, что оно осуществляется по отношению к себе, к своей собственной деятельности вообще и, в частности, по отношению к своей управленческой деятельности. Но самоопределение всегда опосредствовано отношением к другому. Опосредствование также подразделяется в рефлексивном самоуправлении, где речь идет об управлении своей собственной управленческой деятельностью. Воспроизводящая рефлексия порождает опосредствование объекта и субъекта управленческой деятельности самим субъектом. Выступая в роли посредника в разрешении противоречий между объектом и субъектом, субъект осознает себя объектом своей управленческой деятельности. И наоборот, производящая рефлексия порождает объективное опосредствование субъекта и объекта. Субъект осознает себя субъектом самоуправления тогда, когда он, решая свои собственные проблемы, опосредствует свою деятельность объективными факторами и закономерностями.

Управленческие отношения в самоуправлении выражаются в особых управленческих действиях. Таковыми являются самонаправленность, самоорганизация и саморегуляция. Рефлексивное воздействие на сознательную часть человеческой психики смысловое. Применительно к самоуправлению оно реализуется как смысловая самонаправленность (интенциональность “извне” и “изнутри”), как смысловая самоорганизация (рефлексивный круг понимания)¹ и как смысловая саморегуляция (осуществляющая собственную мотивацию).

В изложенной интерпретации самоопределения субъекта в обычной управленческой ситуации философская рефлексия выступает **как понятие**, чего недостаточно для выявления ее методологического смысла в рефлексивном самоуправлении. С этой целью необходимо представить философскую рефлексия **как принцип** самодетерминации внутри самого самоуправления, – в таком плане ее основополагающая, творческая функция раскрывается в полной мере².

Философская рефлексия как принцип представляет методологическую точку зрения. В управленческой ситуации ей соответствует позиция средств. Как уже сказано, в этом смысле понятие “управленческая ситуация” совпадает с понятием “проблемная ситуация”, а управленческая деятельность выступает как сознательное разрешение противоречий во взаимодействии ее субъекта с объектом. В этой посреднической роли субъект

¹ Хайнц фон Ферстер обращает особое внимание на то, что принципом самоорганизации является круг, круговая причинность, кругообразность.

² Наиболее близкий по смыслу рефлексивный научно-практический подход к проблеме интенсивного развития творческого потенциала человека и организаций в психологии разрабатывает С.Ю. Степанов [175].

самоуправления осознает себя также объектом. Однако как принцип самодетерминации, философская рефлексия позволяет различить в самоуправлении два основных уровня:

- 1) уровень управления любой своей деятельностью;
- 2) уровень управления своей управленческой деятельностью.

Второй уровень представляет собой рефлексивное управление. Далее, внутри рефлексивного управления философская рефлексия также различает:

- 1) управление внешней управленческой деятельностью (внешнее рефлексивное управление);
- 2) управление внутренней управленческой деятельностью (рефлексивное самоуправление).

Процесс философской рефлексии непрерывен. Внутри рефлексивного самоуправления она выявляет различие между самостоятельными и ответственными управленческими решениями. Хотя и самостоятельность и ответственность – атрибуты любого самоуправления.

Как принцип самодетерминации, философская рефлексия выявляет существенное различие и на уровне управленческих решений. **Управление управленческой деятельностью** ставит вопрос: каким образом это осуществляется? Философская рефлексия дает ответ: путем постановки и решения **управленческих проблем**. Возникает новый вопрос: что это такое? Рефлексивное управление требует уточнения понятия “проблема”, понимания именно “управленческих проблем”¹. Соответственно осуществляется уточнение и механизма подготовки и принятия управленческих решений. Его схема «целеполагание – решение поставленных целью проблем – принятие решения» предстает как рефлексивный механизм самостоятельных управленческих решений. Философская рефлексия как принцип самодетерминации позволяет осуществить переход от простого управленческого опосредствования к сложному рефлексивному опосредствованию внутри управленческой деятельности.

Действительно, процесс рефлексивного опосредствования субъекта и объекта, т.е. процесс разрешения диалектических противоречий между ними, предполагает наличие и последовательное выделение в категориальной модели ситуации как минимум трех позиций: 1) позиции объекта; 2) позиции средства и 3) позиции субъекта. Исходное диалектическое противоречие с этих позиций “рассекается” по аспектам. Соответственно выделяются три основных типа особых управленческих проблем. Наличие именно этих проблем в ситуации определяет ее именно как управленческую, как управленческую в узком, конкретном смысле.

¹ Специально обращает внимание на этот вопрос В.М. Цлаф. Однако, являясь сторонником методологической школы Г.П. Щедровицкого, он усматривает суть всех управленческих проблем в “тупиках” или “разрывах” деятельности [176].

В процессе воспроизводящего рефлексивного опосредствования субъекта и объекта первичной является позиция объекта. С этой позиции в диалектическом противоречии между ними выделяется противоречие между субъектом и средствами, точнее, между бесконечностью или неограниченностью потребностей субъекта и ограниченностью его ресурсов, между тем, что субъекту нужно, и тем, что ему объективно возможно. Этот аспект исходного диалектического противоречия представляется как проблема выбора [177, с. 29–41]¹.

Проблема выбора, естественно, имеет многообразные конкретные формы.

С точки зрения центральной позиции, т.е. с позиции средств разрешения, противоречие между субъектом и объектом проявляется, так сказать, в своей классической форме. Противоречия между сущим и должным, реальным и идеальным, внешним и внутренним и т.д. конкретизируют данный аспект исходного противоречия и порождают проблему их связи, единства².

Завершающая в процессе воспроизводящего рефлексивного опосредствования субъекта и объекта позиция субъекта. С этой точки зрения исходное диалектическое противоречие раскрывается в аспекте многочисленных противоречий между средствами и объектом или объективными условиями деятельности. Здесь речь всегда идет о неопределенности результата. Следовательно, возникает иная проблема – проблема обратной связи.

Проблемы выбора, проблемы связи и проблемы обратной связи нередко формулируются в форме соответствующих вопросов: что делать? как? и для чего? (или для кого? зачем? ради чего?).

По значению **управляемого фактора** с точек зрения выделенных позиций рефлексивно определяются и основные подходы или способы разрешения основных управленческих проблем. С точки зрения объекта управляемым фактором является потребление, точнее, уровень удовлетворения нужд, потребностей и интересов субъекта. Этот подход соответственно называется **нормативным**. С точки зрения средств речь идет о решении проблемы связи на основе открытых законов, закономерностей. Управляемые факторы здесь имеют объективный характер. Этот подход является **дескриптивным** (позитивным). С точки зрения самого субъекта управляемым фактором оказывается его орудие, средство его деятельности или способ действия. Соответственно этот подход называется **операциональным**. Никакого иного значения указанные подходы здесь не имеют и не могут иметь.

Процессы решения управленческих проблем и формы их разрешения (т.е. их результаты) также качественно различаются. Процесс разрешения проблемы выбора на основе нормативного подхода в своей сущности представляет собой процесс целеполагания. Процесс решения проблемы связи

¹ В литературе стран дальнего зарубежья этот тип проблем настолько абсолютизирован, что нередко оставляет без внимания иные типы [178, с. 35–51].

² Этот тип проблем абсолютизирован в отечественной литературе, что также нередко оставляет без внимания иные типы.

на основе позитивного подхода – суть научного познания. А процесс разрешения проблемы обратной связи, в основе которого лежит операциональный подход, реализуется в принятии решений. В первом случае ставится цель, во втором – определяется, в виде средств, способ ее достижения, в третьем случае формируется определенная установка на результат.

Переход от решения одного типа управленческих проблем к решению управленческих проблем другого типа осуществляет воспроизводящая философская рефлексия. **Как принцип самодетерминации, она оказывается здесь креативным началом самостоятельного выбора субъектом самоуправления своей исходной позиции.** Цель, средство, результат в его самосознании являются определенными формами синтеза субъектных и объектных факторов ситуации, определенными формами разрешения основных управленческих проблем. А категориальный аппарат рефлексивного механизма самостоятельных управленческих решений представляет собой систему этих универсалий.

Производящая философская рефлексия **как принцип самодетерминации позволяет познать (выявить и понять) в субъективной управленческой деятельности всеобщие диалектические закономерности**, образующие объективную основу универсального механизма самостоятельных управленческих решений. Объективная диалектика творческого процесса определяется как процесс саморазвития. Его можно охарактеризовать, например, категориями “поступательность” и “цикличность”.

Момент поступательности в данном случае означает систематическое повторение в определенной последовательности опосредствующих воздействий субъекта на объект управленческой деятельности, т.е. систематическое разрешение диалектических противоречий между субъектными и объектными факторами конкретной управленческой ситуации. Символически эту цепочку воздействий можно представить так:

$$S^1 \rightarrow Cp^1 \rightarrow O^1 \rightarrow S^2 \rightarrow Cp^2 \rightarrow O^2 \rightarrow S^3 \rightarrow Cp^3 \rightarrow O^3 \dots,$$

где S означает субъект, включающий в себя все субъектные факторы; Cp – средство, включающее в себя все опосредствующие факторы; O – объект, включающий в себя все объектные факторы; стрелками указана направленность философской рефлексии. Механизм подготовки и принятия решений (как и вся управленческая деятельность) здесь включается в систему опосредствующих факторов.

Своего рода цикличность процессов подготовки и принятия управленческих решений свидетельствует об их относительной замкнутости и относительной завершенности, а также о целостности функционирования всего механизма. Формальная логика простого категорического силлогизма (четвертой фигуры) в последовательности опосредствующих воздействий субъек-

екта на объект управленческой деятельности отчетливо выделяет следующий ряд управленческих циклов:

$$\begin{array}{ccccccccccc}
 S^1 & \rightarrow & Cp^1 & \rightarrow & O^1 & \rightarrow & S^2 & \rightarrow & Cp^2 & \rightarrow & O^2 & \rightarrow & S^3 & \rightarrow & Cp^3 & \rightarrow & O^3 \dots, \\
 & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} & & \underbrace{\hspace{1.5cm}} \\
 & & 1) & & 2) & & 3) & & & & & & & & & & &
 \end{array}$$

или

$$\begin{array}{ccc}
 1) \begin{array}{l} S \rightarrow Cp \\ \hline Cp \rightarrow O \\ O \rightarrow S \end{array} &
 2) \begin{array}{l} O \rightarrow S \\ \hline S \rightarrow Cp \\ Cp \rightarrow O \end{array} &
 3) \begin{array}{l} Cp \rightarrow O \\ \hline O \rightarrow S \\ S \rightarrow Cp \end{array}
 \end{array}$$

Данные представления вполне согласуются с диалектической логикой, в частности, с учением Гегеля о трех фигурах качественных умозаключений [по: 181]. Это дает возможность понять диалектику рефлексивного самоуправления.

Символическое представление трех фигур качественных умозаключений (по “Энциклопедии философских наук”) у Гегеля следующее:

$$\begin{array}{l}
 1) E — O — B \\
 2) B — E — O \\
 3) O — B — E
 \end{array}$$

где E означает понятие единичного; O – понятие особенного; B – понятие всеобщего [30, с. 368–373].

Символическое представление фигур выделенных управленческих циклов таково:

$$\begin{array}{l}
 1) S — Cp — O \\
 2) O — S — Cp \\
 3) Cp — O — S
 \end{array}$$

где в левой части столбца расположены категории, отражающие управляемые (в определенном аспекте) факторы ситуации (S, O, Cp). Вместе с центральной частью столбца они выражают построчно определенную последовательность основных управленческих проблем (в отношениях S – Cp, O – S, Cp – O соответственно выражены проблемы выбора, связи и обратной связи). В правой части столбца построчно отражается последовательность смены позиций (O, Cp, S) при выделении основных управленческих проблем и

подходов к их разрешению (в смысле обратной стороны определенных проблем).

Сравнение символического представления гегелевских фигур качественных умозаключений с символическим представлением фигур управленческих циклов показывает их формальное и неформальное тождество. Отсюда смысл диалектики поступательности и цикличности в рефлексивном самоуправлении следующий. Каждой смене позиции по отдельным процессам целеполагания, решения проблем связи и принятия решений (момент поступательности, представленный опосредствованными фигурами: $S \rightarrow Sp \rightarrow \Theta, O \rightarrow S \rightarrow Sp, Sp \rightarrow O \rightarrow S$) здесь, естественно, соответствует противоположная смена конкретных точек зрения в последовательности выделения основных управленческих проблем и подходов к их разрешению (момент цикличности, представленный непосредственным выводом: $O \rightarrow S, Sp \rightarrow O, S \rightarrow Sp$). И наоборот. В символическом представлении эта диалектика поступательности и цикличности образует раскручивающуюся спираль развития.

Как видно, формализация рефлексии осуществляется уже на уровне простейшего умозаключения. Рефлексия в его выводе над рефлексией выраженной в (посылках) фигуре силлогизма является философской. Путем диалектического оборачивания в методе она как бы обращается назад. Это есть действие принципа (механизма) самодетерминации. Причем “обращение назад” здесь условно – зависит от исходного пункта. Второе “обращение назад” является “движением вперед”. Так превращаются друг в друга все противоположности, в том числе цикличность и поступательность в процессе развития, воспроизведение и произведение в творческой деятельности. Поскольку исходным пунктом последней оказывается и объект, и средство (способ), и субъект, философская рефлексия подразделяется на предметную, операциональную и ценностную. Таким образом, она формирует целостный механизм целеполагания, решения проблем связи и принятия решений. Механизм подготовки (целеполагания и решения проблем связи) и принятия решений представляется в форме рефлексивного механизма самостоятельных управленческих решений и является методологическим инвариантом рефлексивного самоуправления.

Итак, методологическая роль философской рефлексии как принципа самодетерминации в рефлексивном самоуправлении выражается в разных формах. Она выступает как креативное начало самостоятельного **выбора** субъектом своей исходной позиции в конкретной ситуации и как способ диалектического оборачивания в (методе) механизме самостоятельных управленческих решений, т.е. как способ диалектической **связи** противоположностей. Однако как принцип самодетерминации философская рефлексия является также **смыслообразующим условием** сознательной человеческой деятельности, поскольку смысл возникает в **отношении обратной связи** субъекта с объектом, т.е. в отношении объективного к субъективному, мотива к цели [130, с. 180–186]. В рефлексивном самоуправлении она

представляется как условие образования смысла управленческих действий, полагаемого разными подходами к решению основных управленческих проблем.

Важно еще раз отметить: в литературе управленческие проблемы и ситуации описываются по-разному. Выделяются, например, проблемы планирования, реализации и контроля. Предлагается тот или иной классификатор управленческих ситуаций [171]. Разделение всех управленческих проблем на проблемы выбора, связи и обратной связи отличается не только всеобщностью и простотой, но и естественной содержательностью.

Проблемы выбора возникают в открытой системе человеческой деятельности. Выбор необходим тогда, когда появляются различные направления, альтернативы действия. **В закрытой (замкнутой) системе** деятельности **возникают проблемы связи**. Связь необходима, когда обнаруживается разрыв деятельности, прерыв непрерывности. Однако различие этих систем относительное. Если центр (механизм) управления находится внутри системы, она является закрытой, если вне – открытой¹. **Проблема обратной связи возникает** тогда, когда необходимо **определить свое место (позицию) в конкретной ситуации**. Она появляется как проблема самоопределения субъекта управления в данной ситуации.

Нормативный подход выделяется в рефлексивном самоуправлении, т.е. в процессе рефлексивного опосредствования субъекта и объекта при рассмотрении конкретной ситуации с точки зрения объекта. В реальном взаимодействии субъекта с объектом эта позиция **внутренняя** или, как говорится, позиция “участника”. Но это не просто позиция участника, а позиция **“участника-потребителя”**. Потребительское отношение субъекта к объекту в своей сущности является ценностным. Проблема выбора наиболее адекватно осознается субъектом в формах ценностного отражения действительности. Нормативный подход к этой проблеме является способом духовно-практической деятельности.

Процесс целеполагания, в котором реализуется нормативный подход, – первичный среди процессов подготовки и принятия решений. Обособленно он представляет собой основу так называемого “целевого управления”². Моделью целевого управления может быть механизм естественного отбора или экономического выбора. Он демонстрирует суть целеполагания – выбор необходимого из сферы возможного.

В результате использования нормативного подхода для решения исходной проблемы выбора возникает цель – определенное представление о должном. Вместе с тем и одновременно в различии между должным и сущим рождает-

¹ Р. Джонсон, Ф. Каст и Д. Розенцвейг пишут: “Системы управления могут быть двух видов: открытые и закрытые. Основное различие между этими двумя системами управления заключается в том, что в закрытых системах блок управления является составной частью той системы, которой он управляет, а в открытых – не является” [109, с. 114].

² Концепция “целевого управления” в отличие от концепции “управления по целям” имеет более широкое значение. См.: [95].

ся другая проблема – проблема их связи, единства. Ликвидация различий между должным и сущим (при достижении цели) требует выявления их реальных причин. Данная проблема осознается как познавательная проблема и наиболее адекватно отражается в формах научного познания. Дескриптивный подход к данной проблеме, очевидно, является способом духовно-теоретической деятельности. Субъект духовно-теоретической деятельности по отношению к реальному взаимодействию субъекта с объектом имеет **внешнюю** позицию. С точки зрения средств деятельности она действительно определяется как позиция “**стороннего наблюдателя**”.

Процесс разрешения проблем связи в управленческой литературе часто (но не точно) называется просто решением проблем. Использование дескриптивного, научного подхода в этом случае является плодотворным. Обособленно он реализуется в так называемом “управлении по отклонениям”. Управление по отклонениям нередко иллюстрируют действием механизма обычного термостата (регулятора температуры).

Взаимосвязь нормативного и дескриптивного подхода внутренне диалектически противоречива. Нормативный подход, например, связывается обычно с активным, предпринимательским управлением. Действительно, целевое управление ориентировано всегда в будущее и в этом смысле является всегда творческим. Однако оно опирается на использование **наличных возможностей**, которые всегда ограничены определенными условиями. В этом смысле оно является реактивным. Наоборот, управление по отклонениям, основанное на дескриптивном подходе, чаще всего определяется как реактивное, адаптивное. Однако именно оно открывает **новые возможности**, пути, способы решения проблем. Использовать эти возможности предлагает концепция так называемого “упреждающего управления” [180]. Как видно, нельзя ни недооценивать, ни преувеличивать значение ни того ни другого.

Процесс разрешения проблемы связи завершается формированием способа действия, определением пути достижения цели. При этом, как правило, возникает ряд возможных альтернатив. Выбор одной из них определяется как принятие решения. Формально этот акт выбора похож на решение проблемы выбора в процессе целеполагания. Однако здесь, таким образом, решается прямо противоположная проблема – проблема обратной связи, проблема определения возможного и необходимого результата действий. Процессы решения этих проблем нельзя отождествлять. Наличие и необходимость выбора в процессе решения проблемы обратной связи, как и наоборот, объясняется диалектикой субъективного и объективного, их взаимным проникновением и обусловленностью друг другом. Если решение проблемы обратной связи обуславливается логикой выбора, то решение противоположной проблемы – выбора, осуществляемое в процессе целеполагания, всегда обуславливается определением результата действий.

Для разрешения проблемы обратной связи используется особый, операциональный подход. Особенность его состоит в том, что он выражает в умст-

венной деятельности способ предметно-практической деятельности. В реальном взаимодействии субъекта и объекта его позиция – позиция действующего субъекта – также является **внутренней**. Однако эта позиция принципиально отличается от исходной. Здесь **участник – творец, создатель, производитель**.

Нормативный, дескриптивный и операциональный подход к решению основных управленческих проблем реализуют триединое рефлексивное отношение человека к миру. “В драме жизни, – отмечал И.Я. Лойфман, – человек и постановщик, и зритель, и актер” [181, с. 89]¹. В этих рефлексивных отношениях **выражаются** три основные **точки зрения**, три концептуальных определения **своей самости** (своего Я). В них **субъект осознает себя в роли определенного источника** управленческого действия, управленческого воздействия на ситуацию, в роли определенного источника своей силы, могущества и власти². **В рефлексивном самоопределении конечным основанием является сам субъект**.

В свете сказанного обретают вполне определенный смысл и специализированные в концептуальном пространстве рефлексивного управления подходы, называемые авторами гуманитарным, системомыследеятельностным и натуралистическим. Они вписываются философской рефлексией в более общую (фундаментальную) методологическую концепцию, где выступают как взаимосвязанные моменты. Причем их соответствующие ориентации на решение проблем выбора, связи и обратной связи представляются в естественной дополнителности.

Таким образом, рефлексивный механизм подготовки и принятия решений является достаточным основанием для принципиального решения любых управленческих проблем. В этом заключается его универсальность. Но философская рефлексия не дает в такой форме априорных, готовых рекомендаций на все случаи жизни. Ее действенность состоит в том, что **она формирует у субъекта умение самостоятельно принимать решения в любых конкретных управленческих ситуациях**. Естественно, это умение вырабатывается также не сразу, а его совершенствование есть бесконечный процесс.

Завершая главу, следует сказать: воспроизводящая философская рефлексия в обычной ситуации позволяет субъекту рефлексивного самоуправления осознать, что он может сделать реально сам. Это есть осознание объективного и всеобщего основания самостоятельных управленческих решений. Однако даже такие решения не реализуются, если они не осознаются субъектом как для него необходимые. Определение необходимых оснований является субъективным условием ответственных управленческих решений.

¹ Использование этих трех основных подходов в предпринимательском управлении показано П.Ф. Драккером, см.: [97, с. 131–176].

² Так, субъект самоуправления может осознавать себя плановиком, организатором и контролером; законодателем, исполнителем и судьей; в других ролях.

Глава 2. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ КАК МЕТОД САМОУПРАВЛЕНИЯ

2.1. Обусловленность ответственных управленческих решений философской рефлексией

В фундаментальном аспекте философии управления воспроизводящая философская рефлексия осуществляет **поиск** предельных оснований, первоначал. Поэтому они являются ее **конечными основаниями** – ее целью и результатом. Однако эти основания оказываются **исходными** в собственно прикладном аспекте философии управления, где философская рефлексия осуществляет свою производящую функцию. Ее целью и результатом является их **реализация**. Так, воспроизводящая, репродуктивная деятельность субъекта управления рефлексивно оборачивается и осознается им как производящая свои субъективные основания, как формирующая свой образ мышления и действия.

Субъект осознает себя субъектом самоуправления тогда, когда он опосредствует противоречия своей собственной деятельности объективными факторами и закономерностями, т.е. когда посредством внешних ситуационных факторов удовлетворяет свои управленческие нужды, потребности и интересы. Философская рефлексия как прикладная методология реализуется в процессе принятия решений, где выступает в роли метода самоуправления. Принять решение в конкретной управленческой ситуации – значит осуществить акт выбора необходимого способа действия и взять на себя, таким образом, ответственность за его результат. Важность, сложность и новизна управленческих проблем требуют осуществлять этот акт сознательно¹.

В процессе сознательной подготовки и сознательного принятия решений должны определяться, во-первых, цель; во-вторых, альтернативные способы ее достижения; и, в-третьих, конкретная установка на результат. Отсутствие любого из этих компонентов означает определенную потерю управляемости, поскольку цель направляет деятельность, способ ее организует, а установка, путем побуждения или торможения деловой активности, ее регулирует. Более того, ошибки в процессе их определения также чреваты непоправимыми последствиями. Необходимая целесообразность и гарантия от всевозможных ошибок в этом плане обеспечивается управлением самим процессом подготовки и принятия решений, т.е. самоуправлением.

Как было сказано выше, управление процессом подготовки и принятия решений осуществляется философской рефлексией. Таким образом, реальные процессы целеполагания, решения проблем связи и принятия решений приводятся в должное соответствие с объективными закономерностями

¹ Невменяемость, как известно, освобождает человека даже от уголовной ответственности.

механизма подготовки и принятия решений, с его объективной логикой. Цель настоящего параграфа – выявить методологическую обусловленность ответственных управленческих решений философской рефлексией.

Предпосылки указанной обусловленности заключены в самом понимании ответственности. Об этом свидетельствуют, например, поздние работы Ж. Дерриды. В “Подарке Смерти” она толкуется им как саморефлексивное понятие. “Чтобы быть ответственным, – утверждает Деррида, – необходимо понимать, что означает само понятие “ответственность”. Если верно, что само понятие “ответственность” в истории традиционно относится к деятельности, *практике*, любому *решению*, которое трансцендентно по отношению к сознанию и теоретическому осмыслению, то также верно, что сама концепция “ответственности” предполагает *осознанное* принятие решения, означающее осмысление результатов действия, важности принимаемого решения, понимание его причин и следствий” [Цит. по: 182]. В таком случае ее смысл и суть определяет именно философская рефлексия.

Действительно, чтобы действовать ответственно, **необходимо осознавать ответственность**, а чтобы осознавать ответственность, **необходимо ответственно действовать**. Отсюда происходят три фундаментальные основания ответственности: 1) сознание; 2) реальное действие и 3) способ их обращения друг в друга, т.е. сама рефлексия.

Вместе с тем обоснования ответственности существенно различаются. Среди ее предпосылок в литературе называются: наличие закона (общественного или морального), вменяемость и свобода [183, с. 307], предвидение результатов действия, свобода в принятии решения и возможность контроля [184, с. 126–127], познавательный, аксиологический, инструментально-корректирующий и практический момент [185, с. 89–92], сознание долга, оценка поведения и его последствий, наложение взысканий (мер воздействия) за отклонение от норм [186, с. 8], (технический и / или нравственный) долг, (экологический) закон и предпосылочный выбор и / или нравственный долг [187, с. 261–266], свобода и необходимость [188, с. 63–83], самостоятельность [189; 187, с. 4–5], власть [190], власть и знания [191, с. 387], мощь технических средств [191; 192, с. 81–182; 193, с. 90–128], социокультурные факторы [193, с. 89–119], ценности и смысл [194, с. 117–124], факты и ценности [187, с. 259, 272–273], совесть [191, с. 375; 194, с. 124–126], экзистенциальный выбор [36, с. 323–344], религиозная вера [194, с. 126–129; 197, с. 203–220], вера в научный прогресс [195, с. 220–244], уникальность ситуации [185, с. 94] и другие. Очевидно, все это требует специального анализа данного понятия.

Исходные положения рефлексивно-философского анализа “ответственности” усматриваются в следующих суждениях К. Муздыбаева: “Нетрудно заметить, – пишет он, – что ответственность никогда не бывает безличной, она всегда связана с субъектом. Наличие же субъекта ответственности требует указания и ее объекта – того, за что субъект несет ответственность, что возложено на него или принято им для исполнения. Из связи субъекта и

объекта ответственности возникает временная перспектива понятия: ответственность за совершенное действие – ретроспективный аспект; ответственность за то, что необходимо совершить, – перспективный аспект” [184, с. 10]. Соответственно можно выделить также и три наиболее общих аспекта ее обусловленности – структурный, функциональный, развития.

Проблема субъекта ответственности конкретизируется в двух вопросах: **кто** и **перед кем** ее осуществляет. Обычно субъектом ответственности называется тот, кто ее несет. Им может быть отдельный человек, любое сообщество людей, выделяющееся по каким-либо признакам, или человеческое общество в целом. Позиция того, перед кем осуществляется ответственность, властная. Она называется инстанцией. Инстанция бывает формальной и неформальной. Представляющий ее субъект анализирует положение вещей, оценивает деятельность субъекта ответственности и налагает на него отрицательные или положительные санкции. Субъект ответственности и субъект-инстанция образуют интерсубъектное отношение, в котором они могут меняться местами. Решение данной проблемы, как видно, определяется собственной позицией субъекта в его **социальной структуре**.

В структуре социальной системы полярными являются позиция ее целостности (родовая, общественная) и позиция его элемента (индивидуальная, личностная). Между ними выделяется множество промежуточных позиций, представляющих подсистемы социальной системы – семью, государство, профессиональные организации и т.д., т.е. различные сообщества. Ответственность на уровне целостной системы не дифференцируется. В этом значении она называется просто социальной. Ее исходной (“элементарной”) формой является моральная ответственность. Многочисленные промежуточные позиции занимают юридическая, экономическая, профессиональная и другие виды социальной ответственности.

Поскольку то, **перед** чем (кем) субъект несет ответственность, есть его социальное окружение, среда или фон, постольку в зависимости от определенных позиций можно выделить три ему соответствующие общие инстанции. Они оказываются сложными. Общественная позиция предполагает ответственность перед индивидами и (условно говоря) различными сообществами; индивидуальная позиция – перед обществом и различными сообществами; позиция любого сообщества – перед обществом и индивидами (входящими в него). Очевидно, неся ответственность **перед другими**, субъект несет ответственность и **перед самим собой**, и наоборот. Позиции инстанции и субъекта ответственности обратимы как “фигура” и “фон”. Однако в отношении “к другому” ответственность определяется “**извне**”, а в отношении “к себе” – “**изнутри**”. С внешней стороны она возлагается (вменяется), а с внутренней стороны – принимается (берется) на себя.

За что субъект несет ответственность? Ответ на этот вопрос определяется его **функциональной зависимостью** от объекта [196, с. 171]. В обычной

ситуации, таким образом, можно выделить три основные **ролевые позиции**, обуславливающие соответствующий тип ответственности предметно.

Наиболее близкий к рассматриваемому вопросу ее тип – ответственность за результаты (последствия) собственных действий. Он выделяется с точки зрения самого объекта. Х. Ленк называет такую ответственность каузальной [192, с. 151]. Несмотря на то, что результаты имеют объективную форму выражения, для субъекта они являются и положительными, и отрицательными. Соответственно и ответственность за них подразделяется как позитивная и негативная. Последней обычно уделяется первостепенное внимание.

Следующей ролевой позицией субъекта в обычной ситуации является позиция способа его взаимодействия с объектом. С этой точки зрения определяется ответственность за само действие или бездействие, опосредствующее их отношение. Фактически она выражается и как ответственность за выполнение своих обязанностей, и как ответственность за выполнение задач [192, с. 151–152, 154]. Следует заметить, что задача в данном случае толкуется как проблема преодоления различия между должным и сущим, как проблема их связи.

С третьей ролевой позиции, совпадающей с собственной позицией субъекта, предметная ответственность определяется как долг. Субъективные формы его отражения – образы должного. К ним относятся цели и их модификации – идеалы, нормы, различные ценностные представления. Здесь ответственность отражает отношение субъекта к должному, его готовность выполнять должное. Долг бывает внешним и внутренним. Следование внутреннему долгу определяется как призвание (М. Вебер).

Итак, в функциональном аспекте субъект определяет ответственность за результаты, способы (средства) и цели собственных действий. Однако развернутое во времени его взаимодействие с объектом представляет развитие. В этом плане ставится и решается вопрос о **мере** ответственности субъекта, имеющей, очевидно, культурно-историческую обусловленность. Так, аграрному, индустриальному и информационному типу культур общества вполне соответствует подразделение ответственности на экологическую, технологическую и интеллектуальную. Анализ показывает, что обусловленность ответственности в данном аспекте оказывается наиболее фундаментальной.

Действительно, говоря о мере ответственности, мы имеем в виду меру **освоения** субъектом объекта, поскольку он может нести ответственность только за свое, собственное. В этом смысле культура является формой его самоутверждения и самоопределения, т.е. формой его самостоятельности. В содержательном плане то же самое означает, что субъект отвечает не просто за свои действия, а за свои **опосредствующие** действия. Ответственность возрастает в зависимости от увеличения мощи и силы средств. Это мы ясно видим на примере развития техники [192, с. 81–94; 193, с. 90]. Технические средства выполняют функции различных человеческих органов.

Увеличение их мощи увеличивает **власть** человека над природой и другими людьми, что требует от него соответствующего увеличения ответственности.

В средствах материализуется знание. Однако сначала оно воплощается в умении (*тэхне*), которое дает власть. Следовательно, именно применение знаний требует ответственности. В прикладном аспекте методологии она определяется как средство регуляции и саморегуляции, контроля и самоконтроля, управления и самоуправления.

Освоение субъектом объекта – двойственный и противоречивый процесс, сторонами которого являются материальное и духовное освоение. Последнее понимается как осознание. Предельным основанием этого процесса оказывается **развитие способа** материального и духовного производства и воспроизводства.

Как же субъект реализует свою ответственность? Ответ на данный вопрос кажется очевидным – сознательно. В отличие от животных человек опосредствует свое отношение к миру сознанием, причем сознание находится в центре этого опосредствования. Утверждая примат практического разума над теоретическим, И. Кант не случайно “характеризует человека как «субъекта, который может нести ответственность (*Zureschnung*) за свои действия»” [по: 193, с. 120]. Однако осознающий свою ответственность человек не всегда поступает ответственно. С другой стороны, он нередко берет на себя (или на него возлагают) ответственность, превышающую уровень его компетенции. В философии это противоречие осмысливается в категориях свободы и необходимости. Поскольку сознание ответственности является необходимым условием ответственных действий, их адекватное истолкование в конкретных ситуациях позволяет избегать крайностей волюнтаризма и фатализма.

Осознание ответственности осуществляется в конкретном взаимодействии субъекта с объектом. Здесь же кроется и источник различий в ее понимании. Как было сказано выше, во временном измерении ответственность подразделяется на ретроспективную и перспективную. Ретроспективной является ответственность за совершенные действия. Они представляются объективно, в положительных и отрицательных результатах. Перспективная ответственность – это ответственность за предстоящие действия. Их результаты выражаются субъективно в целях. Суть первой раскрывается в механизме каузальной детерминации, суть второй – в механизме телеологической детерминации. На их основе возникают две общие концепции ответственности: дескриптивная и нормативная. В дескриптивной концепции ответственности по результатам воспроизводится весь процесс человеческой деятельности, исследуются все ее структурные элементы. Исходя из этого, осуществляется предвидение последствий тех или иных действий субъекта в разных условиях. В нормативной концепции речь идет о конкретном должновании, о стремлении субъекта активно участвовать в преобразовании окружающего мира. Здесь ответственность не просто исследуется, она производится, создается [192, с. 132–142].

Роль сознания при дескриптивном и нормативном подходе к ответственности различается существенно. При первом сознание сохраняет свою предметную направленность. Являясь субъективно-необходимым условием ответственности, такое сознание определяет ее границы и меру. Степень сознательности (осознания), в этом отношении, соответствует степени реального практического действия субъекта. При втором, нормативном подходе, сознание ориентировано на себя. Таким образом, оно выступает как субъективный фактор детерминации ответственности внутри человеческой деятельности. От понимания ответственности здесь зависят ответные (ответственные) действия субъекта. Цель самосознания в этом случае заключается в осмыслении ее понятия в системе других понятий и категорий.

В ближайший понятийный контекст “ответственности” входят “самостоятельность”, “необходимость” и “свобода”. “Самостоятельность” является ее диалектической противоположностью и, следовательно, непосредственным основанием. В цепочке развернутой взаимосвязи понятий “свобода” и “необходимость” сама она определяется на основе “свободы” и выступает в двух ипостасях: как свобода **от** внешней необходимости и как свобода **для** внутренней необходимости (для удовлетворения собственных нужд, потребностей, интересов). В обоих случаях она синтезирует “свободу” и “необходимость” и по логике “сложного мышления” является мерой “свободы”. Однако “свобода” в любом случае является выражением универсальности бытия человека (субъекта), а самостоятельность, как ее форма, – свойством его субстанциональной самодетерминации.

Логика осмысления “ответственности” обратная. В понятийной взаимосвязи “необходимости” и “свободы” ее основой является “необходимость”. Таким образом, она предстает, во-первых, как необходимость отвечать **за** свободу действий; во-вторых, как необходимость **перед** свободой (т.е. являющейся субъективным условием свободы) или просто как необходимость свободы. Она также синтезирует “необходимость” и “свободу”, но является мерой необходимости человеческих действий. В противоположность свободе как форме субъективной всеобщности (универсальности), формой объективной необходимости является закон.

В данном контексте становится понятным существенный недостаток довольно емкого по смыслу определения ответственности в “Новой философской энциклопедии” Р.Г. Апресяном. По мнению автора, это – “отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействия ему. Объектом ответственности (т.е. иным) могут быть другие люди, в т.ч. будущие поколения, общности, а также животные, окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности и т.д.” [196, с. 171–172]. В таком отношении зависимости от объекта отсутствует диалектическая связь ответственности **со своим иным**,

т.е. с самостоятельностью субъекта. Поэтому самостоятельность субъекта не является ее действительным основанием. Прямая зависимость от объекта очевидно противоречит и свободе субъекта.

Отмеченный недостаток и указанное противоречие в приведенном определении устраняются, если зависимость субъекта от объекта истолковать как обратную связь. Для ее возникновения необходимы и достаточны три рассмотренных ранее предметных основания ответственности – результат, способ действия и цель. С учетом всего сказанного ответственность можно определить как способность субъекта устанавливать обратную связь, которая бывает положительной и отрицательной для субъекта, что вызывает необходимость дальнейшей реакции на нее.

Сформулированное определение ответственности является наиболее общим и относится к любым человеческим действиям, в том числе к управленческим. Однако ответственность в сфере управления и самоуправления имеет особенности, а в области рефлексивного самоуправления они, так сказать, специфические. На них следует остановиться подробнее.

Мнение многих авторов относительно управленческой ответственности может быть выражено словами того же К. Муздыбаева: “Все виды ответственности объединяет то, что они представляют собой формы контроля за деятельностью субъекта либо с позиции общества, либо с позиции личности”. В первом случае ответственность выступает “как средство внешнего контроля и внешней регуляции деятельности личности”. Во втором случае она “служит средством внутреннего контроля (самоконтроля) и внутренней регуляции (саморегуляции) деятельности личности” [184, с. 18–19]. Вслед за Ж. Пиаже, он предварительно отмечает несколько векторов направления развития понятия ответственности. Один из них исторически идет от коллективной к индивидуальной, а другой – от внешней к внутренней, осознанной, личностной ответственности [184, с. 13–14]. Наиболее развитую форму ответственности, как видно, здесь представляет осознанный личностный самоконтроль (или саморегуляция).

Осуществленный выше анализ позволяет взглянуть на это дело значительно шире. Ответственность, обусловленная естественной и общественной необходимостью, в его контексте является **непреднамеренной**, т.е. не зависящей от воли и сознания людей. Ответственность, обусловленная их свободной деятельностью, всегда **преднамеренная**. Человеческая свобода бессознательной не бывает. Поскольку управленческая деятельность является **средством** превращения необходимости в свободу, ее ответственность действительно осознается в формах контроля. Поскольку же превращение необходимости в свободу является **целью** управленческой деятельности, ее ответственность осознается в актах планирования. Но управленческая деятельность оказывается и **результатом** превращения необходимости в свободу. В этом случае ее ответственность осознается как механизм реализации различных программ и планов.

Применительно к самоуправлению управленческая ответственность определяется также на разных уровнях. В противоположность самостоятельности ответственность является в форме обратной зависимости субъекта от объекта и как таковая есть **обратная связь**, которая выражается объективно в положительных и отрицательных результатах. Однако эту обратную связь субъект устанавливает сам, путем прямого (прямых) воздействия на объект. В этом смысле (плане) ответственность выступает как способ (средство) согласования или уравнивания требований субъекта и объекта, прямой и обратной связи, действия и противодействия, т.е. как способ (средство) установления их **взаимной связи**¹. Поскольку же субъект получает ответ, т.е. обратную связь на свои собственные действия, ответственность определяется им как **выбор** необходимого способа действия (или бездействия) [184, с. 21–22]. Соответственно управленческие проблемы связи и выбора предстают как абстрагирование из исходной проблемы обратной связи.

Специфика ответственности в области рефлексивного самоуправления обуславливается прежде всего тем, что оно имеет дело с самими управленческими решениями. Причем эти решения переводятся из технологической формы в диалогическую [193, с. 109; 197, с. 194–238]. И это не случайно, природа ответственности социальная. Ее творцом изначально является социальный субъект – человек как социальное существо.

Переход на позицию автора ответственности в данном случае означает превращение воспроизводящей философской рефлексии в производящую. Таким образом, основные управленческие проблемы, возникающие в движении познания от конкретного к абстрактному (проблема обратной связи, проблема связи, проблема выбора), превращаясь в диалогическую форму, предстают в противоположной последовательности вопросов: что делать? как? для чего? (или зачем?). Вместе с тем сама управленческая ответственность получает определенность только в положительных результатах, т.е. обретает ценностное значение и его характеристики.

Ответственность – производное от существительного “ответ”. В широком смысле под него попадает все, что удовлетворяет требованиям вопроса. Любое решение, отвечающее на вопрос, в этом смысле является ответственным. Однако обычно под ответственными решениями подразумевают решения, имеющие особую значимость (важность) для субъекта, т.е. удовлетворяющие его наиболее глубокие нужды, потребности и интересы. Подразделением вопросов на главные и второстепенные, основные и неосновные, существенные и несущественные и т.д. осуществляется градация ответственности по шкале необходимости. Ответственными решениями, следовательно, являются те, которые с большей необходимостью приводят к значимым, т.е. ценным для субъекта результатам. Безответственные реше-

¹ Согласно принципу соответствия, объем полномочий должен соответствовать делегированной ответственности [169, с. 326–327].

ния не учитывают эту значимость. Субъект, принимающий безответственное решение, не осознает ценности его результата для себя или для других. Его успех может быть только случайным. Поэтому подготовка и принятие ответственных решений в качестве **необходимого основания** имеет определенный уровень сознательности субъекта. Ответственное управленческое решение следует специально определить как решение наиболее значимой для субъекта управленческой деятельности проблемы или как решение, посредством которого он может получить и получает в форме результатов своей управленческой деятельности главным образом положительную обратную связь.

Поскольку самостоятельность – свое иное ответственности, рефлексивный механизм самостоятельных управленческих решений является методологическим основанием и ответственных управленческих решений. Осознание необходимости рефлексивного механизма для субъекта рефлексивного самоуправления осуществляется путем самооценки. Причем ее критерием выступает сам же рефлексивный механизм. Являясь объективным универсальным основанием самостоятельных управленческих решений, он позволяет критически посмотреть на себя, выявить собственную ограниченность субъекта в конкретной управленческой ситуации, его неспособность к творческой самореализации. Критическая оценка субъектом самого себя завершается критикой самой критики. Так он преодолевает свою ограниченность, осознает основания самореализации. В этом отношении рефлексивный механизм выступает как необходимое основание и является **нормативным правилом**. С его помощью производящая философская рефлексия определяет продуктивную способность субъекта решать управленческие проблемы данной ситуации.

Осознание своей ограниченности субъектом рефлексивного самоуправления и осознание рефлексивного механизма управленческих решений как необходимого основания осуществляется в самосознании. Самосознание обнаруживает свою рефлексивную способность давать отчет самому себе. В этом внутреннем диалоге производящая философская рефлексия позволяет осознать основные управленческие проблемы и их решения в форме смысловых вопросов и ответов. Рефлексивный механизм как всеобщее правило производящей философской рефлексии определяется в качестве необходимого основания ответственных управленческих решений. В первую очередь, он оказывается необходимым для установления положительной обратной связи субъекта с объектом.

В указанном плане обращает на себя внимание работа основоположника рефлексивного управления В. Лефевра “Алгебра совести”. Автор осуществляет в ней специальный рефлексивный анализ этической проблематики. Не используя непосредственно понятие “ответственность”, он ассоциирует моральное сознание с такими категориями, как “совесть”, “чувство вины”, “осуждение”, “покаяние” и т.д. Моральное сознание противопоставляется

им прагматическому. Определяя последнее в понятиях цели и средств, он представляет следующую схему принятия решения индивидом.

“Отношения между целью и средствами, – пишет В. Лефевр, – мы символически изображаем стрелкой со схематическим ключом. Сначала индивид вычисляет полезность достижения своей цели, не рассматривая конкретные средства (ключ разомкнут); затем он подсчитывает полезность, учитывая средства (ключ замкнут). Индивид сравнивает результаты и принимает оптимальное решение. С помощью этой схемы можно изобразить различные типы человеческой деятельности, но не принятие морального решения” [198, с. 52]. Моральное сознание действует, по его мнению, включая различные элементы воспринимаемых ситуаций в оценивающий механизм “добро – зло”. Цель замещается в нем абстрактным добром (если это невозможно, она отвергается), а средства – либо добром, либо злом. Комбинирование средств и цели трансформируется в комбинирование абстрактных категорий добра и зла. Помимо оценки бинарного отношения “добро – зло”, индивид оценивает образ себя. Его негативная оценка порождает *импульс вины*, а негативная оценка бинарного отношения порождает *импульс страдания*. Это позволяет понять психологический механизм внутренней мотивации, стоящей за выбором индивидом, например, отношения с партнером [198, с. 53–56].

Оценка себя, по В. Лефевру, является принципиальным отличием принятия морального решения. Она заменяет собою традиционно толкуемую обратную связь. Однако она же дает основание саморефлексии индивида, его способности самоутверждаться, причем не только в самосознании [198, с. 28–29]. Нетрудно заметить, что данное самоутверждение является обычной реализацией лишь положительной обратной связи.

Как нормативное правило, рефлексивный механизм управленческих решений в действительности напоминает категорический императив И. Канта. Смысл его необходимости заключается в требованиях долга (должного). Но ответственность, возникающая на основе рефлексивного механизма, не ограничивается моральной ответственностью. Являясь методологической основой рефлексивного самоуправления, он пронизывает все формы индивидуального и общественного сознания и самосознания, оказываясь одновременно и властной силой. Хотя и у Канта “методология претендует на *непосредственное участие* в принятии властных решений, в конструировании и функционировании власти” [по: 199].

Являясь своеобразной властной инстанцией, рефлексивный механизм ответственных управленческих решений воспринимает также ее формальный и содержательный смысл. Истоки такой двойственности обнаруживались ранее в системогенезе рефлексивного механизма самостоятельных управленческих решений. Он был представлен как формальный в предметном осознании и сознании. В самосознании же характеризовался как творческий. В данном случае это оказывается важным в плане проведения различия понятий “методологическая ответственность” и “управленческая ответственность”. Методологическую ответственность можно определить как от-

ветственность **за правильность** человеческих действий, решений. Поскольку методологический аспект выделяется в управленческой деятельности, ее также следует выделять. Управленческая ответственность, как сказано, специфична по-своему. Это ответственность за управленческие действия и решения. Однако в нормативном аспекте методология обретает управленческий смысл. Возникновение рефлексивного управления и самоуправления связано с пониманием именно этого смысла. Существенно определяя решение общей проблемы ответственности, философская рефлексия предваряет, как было показано, его методологическую обусловленность. Но этот момент требует более пристального рассмотрения.

Методологическая обусловленность ответственных управленческих решений философской рефлексией осуществляется на разных уровнях. **Дескриптивно** она отражает смену подходов в формировании концептуальных основ рефлексивного управления и самоуправления. Натуралистическому подходу соответствует классический тип теории принятия решений (Дж. Нейман, О. Моргенштерн), системомыследеятельностному подходу – неклассический (Г. Саймон, Ю. Козелецкий), гуманитарному – постнеклассический (синергетического типа)¹. Первый подход обуславливает ответственность за результаты управленческих действий, второй – за их способы (средства), третий – за их цели². Цель представляет собой идеальную форму управленческого решения. Но эта форма включает в себя и все другие, генетически предшествующие ей. Таким образом, в **нормативном** аспекте методологии выражается (в обратном порядке) весь рефлексивный механизм управленческих решений.

В автоматизированных системах принятия решения, утверждает Х. Ленк, мы стоим перед фактом явного дефицита самого осознания ответственности. Причем происходит практическое стирание границ между понятием ответственности и самой ответственностью. Осуществить необходимое их разграничение и дифференцировать дескриптивные и нормативные формы ответственности – задача философской рефлексии [192, с. 132, 136–142].

Дескриптивная философская рефлексия определяет методологические основания ответственности за весь процесс подготовки и принятия (управленческих) решений. Затем эти основания используются как критерии для определения правильности или неправильности выполнения этого процесса в (управленческом) сознании. О такого рода рефлексивной обусловленности принятия решений пишет О. Савельзон, называя ее процедурной рациональностью. Рефлексивное самоуправление на этой основе характеризуется

¹ Различие в понимании рефлексии у Г.П. Щедровицкого и В.А. Лефевра в контексте введенных В.С. Степиным этапов развития науки – классическая, неклассическая, постнеклассическая отмечает и В.Е. Лепский [200, с. 30].

² Не случайно В.Е. Лепский называет гуманитарный подход к рефлексивному управлению также телеологическим [69, с. 9].

им как ликвидация отклонений от эталона или как устранение ошибок [201, с. 31–45].

В дескриптивной философской рефлексии над процессом подготовки и принятия управленческих решений их рефлексивный механизм является дескриптивным правилом, методологическая схема которого выступает как призма предметного осознания (сознания) ситуации. Если с помощью данного правила субъект находит в ситуации необходимые для себя ответы, значит, он действует рефлексивно, т.е. сознательно (со-знанием дела), значит, он отдает себе отчет в своих действиях, осознает свое авторство и свою ответственность. В противном случае он действует арефлексивно (инстинктивно), бессознательно, не отдает себе отчета в своих действиях, не осознает свое авторство и свою ответственность.

Нормативная философская рефлексия является универсальным способом самосознания субъекта управленческой деятельности. В этой роли философская рефлексия оказывается методологическим идеалом творческого процесса подготовки и принятия ответственных управленческих решений. Определяя, **как должно быть**, она направляет его, т.е. сама обретает реальный управленческий смысл. Сутью рефлексивного самоуправления как раз и является приведение всех управленческих решений в соответствие этому должному. Оно имеет предписывающий характер, утверждающий бесконечное самосовершенствование.

В нормативной философской рефлексии рефлексивный механизм управленческих решений выступает как зеркало самосознания субъекта, позволяющее видеть себя и свои действия в конкретной ситуации и управлять ими. Причем это “видение” осуществляется как минимум с трех точек зрения: объекта, средства (способа) и субъекта, которые обретают статус рефлексивных позиций, определяющих интенциональный, операциональный и ценностный аспект собственных управленческих действий. Каждый из них рефлексивно включает в себя и другие. Руководящие идеи должны отвечать на три главных вопроса: что? как? и зачем? (т.е. для чего?), пишет П. Сенге [104, с. 223]. Получая ответы на них, субъект рефлексивного самоуправления устанавливает все новые и новые границы меры своей ответственности.

Итак, философская рефлексия в своей нормативной направленности осуществляет поиск ответов на вопросы что делать? как? для чего? Они же оказываются основными вопросами любого мировоззрения [202, с. 35]. Отвечая на них принципиально, по существу, философская рефлексия полагает в конкретной ситуации предельные основания ответственности субъекта за свои собственные управленческие решения. Без этих оснований не может быть никаких ответственных управленческих решений, соответственно и никаких ответственных управленческих действий. Ответы на общие вопросы должны **предварять** их конкретизацию, иначе, как говорится, за деревьями не будет видно леса. Однако “ответ по существу есть лишь начало ответственности” (М. Хайдеггер) [203, с. 37]. Философия не может отвечать

на все вопросы и брать на себя ответственность за все. В данном случае она отвечает за управленческий смысл мировоззренческих вопросов и ответов. В этом ее методологическое обусловливание управленческих решений. Таким образом, философия управляет процессом подготовки и принятия решений, оказывая на него свое смысловое воздействие. Задачи (и цель) трех последующих параграфов настоящей главы заключаются в том, чтобы показать, **как в принципе это оказывается возможным**¹.

2.2. Предметная рефлексия в управлении процессом целеполагания

Управление процессом подготовки и принятия решений есть проявление действия механизма подготовки и принятия решений в конкретной управленческой ситуации. Нормативная философская рефлексия позволяет осуществлять этот процесс сознательно. В данном случае речь идет о сознательном подчинении исходного в самоуправлении процесса подготовки и принятия решений субъектом специфической объективной логике специфического алгоритма.

Объективная логика процесса целеполагания, выявленная психологами, представляет следующую закономерность:

мотив – условия – цель [204, с. 8; 205, с. 249–252].

Рефлексивное воспроизведение этой закономерности в субъективной форме, т.е. в самом процессе целеполагания, предполагает, соответственно, ответы на следующие вопросы:

- 1) Что нужно сделать?
- 2) Что можно сделать?
- 3) Что должен (должно) сделать?

Ответ на первый вопрос определяет мотив деятельности; ответ на второй вопрос определяет условия деятельности; ответ на третий вопрос определяет саму цель – ориентир деятельности.

В трех модальностях этих вопросов – нужно, можно и должен, как видно, отчетливо выражаются три основных модуса ценностного отношения субъекта к объекту. А соответствующие им процессы представляют определенные стадии, этапы процесса целеполагания. То есть:

- 1) Переживание ситуации;
- 2) Понимание ситуации;
- 3) Видение целей.

Таким образом, рефлексивное управление процессом целеполагания заключается в методически выдаваемых ответах на вопросы, возникающие на его

¹ В рамках должного заключаются также определенные возможности.

отдельных этапах оценки ситуации. В форме этих вопросов осуществляется конкретизация основной управленческой проблемы выбора¹. Отличительная особенность методики ответов на них состоит в том, что и она, представляя собой конкретизацию философской методологии, также возникает, осознается и развивается внутри этих же подпроцессов и относительно ситуации.

Переживание ситуации. Значение и роль переживания ситуации в процессе подготовки и принятия решений, конкретно, в процессе целеполагания, зачастую незаслуженно упускается из вида. Однако именно в переживании ситуации субъект обретает неповторимое и уникальное чувство реальности, реальной жизни. Удовольствие и страдание, радость и печаль, страх и гнев, ненависть и любовь, т.е. бесконечное многообразие его составляющих эмоций является связующим звеном между окружающим миром, событиями, происходящими в нем и внутренними структурными особенностями человека [206, с. 287]. На уровне социально организованного субъекта из совокупности этих эмоций и чувств формируется производственная атмосфера, психологический и моральный климат.

В переживании ситуации непосредственно выражается рефлексивная субъективно-эмоциональная оценка реальности. Бессознательно или сознательно субъект определяет, таким образом, сферу необходимого опыта.

Присутствующая в мире объективная необходимость в форме нужд, потребностей и интересов выражает активную позицию субъекта². В противоречивом взаимодействии с условиями внешней среды он стремится к их удовлетворению; в соответствии со своими нуждами, потребностями и интересами подразделяет предметы внешнего мира на нужные и ненужные, на полезные и вредные, на важные и неважные и т.д. Именно эту поляризацию выражают эмоции, предметно определяя мотивы деятельности. Поскольку положительные эмоции свидетельствуют о приближении удовлетворения, а отрицательные эмоции – об удалении от него, субъект стремится максимизировать (усилить, продлить, повторить) первое состояние и минимизировать (ослабить, прервать, предотвратить) второе [207, с. 181]. Мотив отвечает на вопрос: что нужно сделать?³ Сфера необходимого опыта образуется из совокупности мотивов.

Роль мотивов при всем этом двойственная. С одной стороны, они, предметно выражая нужды, потребности и интересы субъекта, зеркально

¹ Как сказано ранее, проблема выбора в общем формулируется в виде вопроса: что делать?

² Потребности, присущие только человеку, можно понимать как “окультуренные нужды”, а интересы – как осознанные потребности.

³ А.Н. Леонтьев, несколько в ином смысле, определяет мотив как предмет потребности [130, с. 204–215]. Это значит, что мотивом может быть и предмет нужды, и предмет интереса.

отражают их иерархию, структуру и динамику. С другой стороны, выражая в предметной форме насущные нужды, потребности и интересы субъекта, мотивы выделяют из объективной реальности наиболее важные – положительные и отрицательные – факторы ситуации, определяя тем самым ее конкретность¹.

Мотивы бывают двух типов: внутренние и внешние (стимулы). Внутренние отвечают на вопрос, что нужно сделать субъекту, так сказать, для себя. Внешние – для других. Это существенное их различие. Внутренние мотивы как факторы детерминируют деятельность непосредственно, внешние – косвенно [208, с. 61–64].

К существенным внутренним факторам управленческой ситуации в менеджменте нередко относятся: личные отношения, перегрузки в работе, отпуска, болезни, мероприятия профсоюзов, увольнения или прием на работу новых работников, расширение или сокращение деятельности организации, структура организации, неисправность машин и оборудования, неправильное поведение персонала, охрана и безопасность труда, инициативы и идеи, собеседования, благодарности, выговоры, вознаграждения и др. Типичными внешними факторами управленческой ситуации здесь являются: мероприятия конкурентов, деятельность связанных групп, изменения в экономическом положении клиентов, кризисы, общественные события, структурные изменения в обществе, положение на рынке, законодательство, мероприятия по регулированию социальных процессов, миграция населения, изменения на денежных рынках, изменения международной конъюнктуры, изменения в соотношении политических сил, новые технологии, деятельность средств массовой информации, изменения в позициях и оценках, погодные условия и др.².

Грань между внутренними и внешними мотивами или внутренними и внешними факторами управленческой ситуации подвижна и относительна. Противоречивость, борьба между ними, вызывающая амбивалентность эмоций и чувств субъекта, определяют необходимый текущий вид его деятельности.

Итак, в процессе переживания ситуации, посредством субъективно-эмоциональных оценок субъект рефлексивно выделяет из объективной реальности сферу необходимого опыта, которая представляет собой совокупность внутренних и внешних мотивов его деятельности или внутренних и внешних факторов данной конкретной ситуации.

Понимание ситуации. Не все, что субъекту необходимо, оказывается объективно возможным. Сфера возможного опыта рефлексивно определя-

¹ Проблема определения факторов ситуации относится к числу до сих пор нерешенных [169, с. 84; 209, с. 682].

² И внешние и внутренние факторы ситуации способны естественно и искусственно дифференцироваться и укрупняться.

ется в понимании ситуации. В конечном счете субъект и понимает лишь то, что он может реально сделать для удовлетворения своих нужд, потребностей и интересов, т.е. то, что он может использовать в качестве средств их удовлетворения. Этот важнейший для целеполагания и для всего процесса подготовки и принятия решений момент требует особого рассмотрения. Поскольку само понимание на сегодняшний день представляется далеко не решенной проблемой¹.

Как известно, проблема понимания исследуется непосредственно в нескольких философских направлениях. К ним относятся: феноменология, аналитическая философия, структурализм и герменевтика. Многие они занимают друг у друга, но каждое выступает с претензией на особую роль.

В единстве и такой же последовательности феноменология, аналитическая философия и философский структурализм раскрывают структурный аспект понимания как определенный, опосредствованный языком срез отношения человека к миру. Причем субъективные формы, феномены понимания непосредственно выявляет феноменология, обнаруживая их в самой предметности идеальных образов. Роль языка в понимании как универсального представителя всевозможных средств деятельности и общения определяет аналитическая философия. В центре ее внимания формирующие определенные образы понятия, их значения и смыслы. Структурализм же заинтересован прежде всего в выявлении объективного содержания понимания – в выявлении определенных структур.

В этом отношении понимание конкретной ситуации значит некий целостный образ, слагающийся из совокупности ее предметных образов, фрагмент картины жизненного мира субъекта.

Современная герменевтика определяет понимание как способ рефлексивного бытия человека в мире, как длящийся во времени процесс. Причем непосредственным предметом понимания здесь выступает язык. Таким образом, в языке герменевтика раскрывает его (понимания) функциональные характеристики. Эти характеристики обнаруживаются ею в диалектике воспроизведения и произведения, репродукции и продукции, традиции и новаторства, завершения и свершения, результата и действия, замкнутости ответов и открытости вопросов, набрасывания проекта (целостного смысла) и применения этого проекта в конкретной ситуации (проверка целостности новыми фактами) и т.д. В общей форме диалектику этих рефлексивных моментов выражает так называемый герменевтический круг [42, с. 699].

¹ Эта актуальная в теории управления проблема давно исследуется в логике, филологии, психологии, социальной психологии и т.д. Однако целостного философского представления о понимании нет. О современном состоянии философских исследований данной проблемы можно судить по кн.: [210]. О понимании конкретной ситуации в философской литературе говорится вообще крайне редко. См. об этом: [211, с. 107–121].

В этом (герменевтическом) отношении процесс понимания конкретной ситуации складывается из трех основных подпроцессов:

1. Воспроизводства (воспроизведения) прошлого в настоящем. Причем “ситуация определяется теми предрассудками, которые мы в нее привносим. Они образуют горизонт настоящего, поскольку они есть то, за пределами чего мы не способны видеть”.

2. Производства (произведения) будущего в настоящем. Потому что “в действительности горизонт настоящего вовлечен в процесс непрерывного формирования, поскольку мы должны подвергать постоянной проверке все наши предрассудки”.

3. Определения настоящего (здесь и теперь) как единства прошлого и будущего, воспроизводства (воспроизведения) и производства (произведения). Это значит, что “при осуществлении понимания происходит действительно слияние горизонтов, которое вместе с набрасыванием исторического горизонта тут же производит и его снятие” [42, с. 362–363].

С точки зрения герменевтики процесс понимания всегда начинается с предварительного понимания, заданного устойчивыми структурами в языке (предрассудками, традициями и т.п.). Вполне очевидно, что такое предпонимание, будучи само пониманием, не вскрывает его генезиса. Происхождение понимания, как видно, связано с возникновением языка, с природой различных средств деятельности и общения.

Действительно, знаменитый в прошлом тезис Дж. Вико – человек понимает лишь то, что он сделал сам – относится именно к средствам. Поскольку в результате активной человеческой деятельности осуществляется либо нахождение, либо создание нужных средств. Однако этот тезис подвергается со стороны герменевтики обоснованной критике. Герменевтика выступает против абсолютизации завершенности в понимании, указывает на открытие в нем перспективных возможностей, на неисчерпаемость смысла [42, с. 328, 312–316, 354, 359, 438–439]. В таком случае тезис Вико должен быть заменен другим тезисом: человек понимает лишь то, что он **может** сделать, т.е. то, что он может использовать в качестве средств удовлетворения своих собственных нужд, потребностей, интересов.

То, что можно сделать рефлексивно, противопоставляется тому, чего сделать нельзя. Грань между ними проводится реальными условиями собственной деятельности. В **действительности** понимание отражает именно эти условия. В них, так сказать, выражается сфера возможного опыта¹.

Характеристика понимания с позиции стороннего, незаинтересованного наблюдателя и в структурном, и в функциональном, и в генетическом ас-

¹ “Жизненный мир” в феноменологии Гуссерля, “возможные миры” в философии Лейбница и в современной модальной логике (Карнапа, Крипке, Хинтикки), “виртуальная реальность” в современной кибернетике и т.п. понятия имеют непосредственное отношение именно к этой сфере.

пекте, по существу, является гносеологической¹. А понимание есть момент ценностного отражения действительности. Его собственная позиция деятельностная (позиция участника – потребителя). Осуществляется понимание с помощью метода объективной **оценки** – интерпретации. В этом смысле оно рефлексивно и самоопределяется².

С учетом сказанного рефлексивный процесс понимания конкретной ситуации представляется так. Исходным материалом процесса понимания является выделенная в процессе переживания ситуации в качестве мотивов деятельности совокупность ее внутренних и внешних факторов. В поиске ответа на вопрос: что можно сделать? происходит их объективная оценка. Поиск состоит из трех основных этапов и, соответственно, осуществляется с помощью трех типов интерпретации: 1) внутренней, 2) внешней и 3) операциональной.

1. Внутренняя интерпретация (во-внутри, для себя) – это перевод характеристик внешних факторов во внутренний план деятельности; это оценка изменений разнообразных внешних факторов с точки зрения определенного способа деятельности; это рассмотрение изменений внешних факторов сквозь призму образуемой определенным способом деятельности устойчивой структуры внутренних факторов, т.е. средства. В результате этого опосредствованного структурой связи внутренних факторов **отражения** изменений внешних факторов ситуации определяются **внешние возможности** и **опасности** (в смысле отрицательных возможностей – того, чего делать нельзя), внешние условия деятельности, ее предметные значения и их вес (величина).

Схема внутренней интерпретации такова:

$$S \longleftarrow x \longleftarrow O,$$

где S – субъект понимания; x – совокупность внутренних факторов ситуации; O – объект понимания, т.е. представленные внешними факторами ситуации внешние условия деятельности; стрелками указана направленность процесса понимания.

2. Внешняя интерпретация (во-вне, для других) – это переоценка внутренних факторов, используемых в качестве средств в других областях человеческой деятельности. С разнообразных точек зрения, представляющих

¹ Для гносеологической позиции характерна противопоставленность субъекта и объекта. Отсюда известные подразделения “наук о природе” и “наук о духе” – так называемых понимающих наук. Ясно, что с такой точки зрения о понимании реальной ситуации говорится абстрактно.

² В подавляющем большинстве работ понимание рассматривается только как гносеологическая проблема.

внешние факторы ситуации, в различных отношениях и аспектах вскрываются, таким образом, разные способы употребления внутренних факторов и соответственно их различные структуры. При этом в различных сочетаниях внутренних факторов выявляется внутренний потенциал субъекта: его **сильные и слабые стороны**, определяются внутренние условия деятельности, **выражается** ее главный, основной и второстепенный смысл.

Схема внешней интерпретации имеет вид:

$$S \longrightarrow x \longrightarrow O,$$

где S – субъект понимания; x – совокупность внутренних факторов ситуации; O – объект понимания, т.е. представленные во внешних факторах ситуации внутренние условия деятельности; стрелками указана направленность процесса понимания.

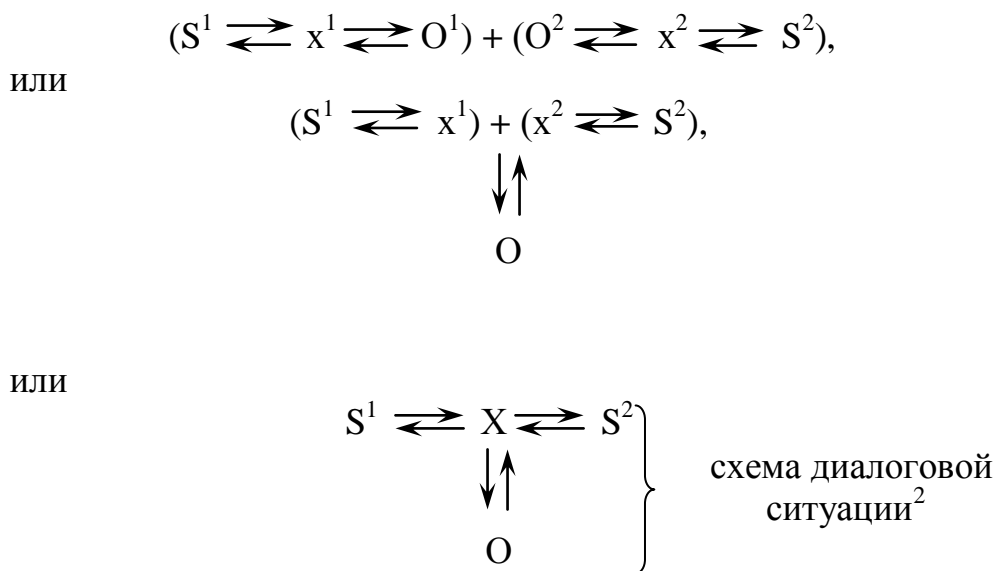
3. Завершающий понимание процесс операциональной интерпретации представляет собой построение модели ситуации, т.е. ее моделирование. Как было сказано, при внутренней интерпретации определяется способность внешних факторов ситуации выступать в роли средств деятельности; при внешней интерпретации, наоборот, определяется способность внутренних факторов ситуации играть роль средств в разных областях деятельности. Особенность операциональной интерпретации заключается в снятии определенной противоречивости между внутренней и внешней интерпретацией. При этом речь идет об отражении взаимодействия, единства, сочетания внешних и внутренних факторов. Однако представление о таком взаимодействии или единстве оказывается возможным лишь в диалоге между людьми, в общении между ними¹.

В процессе операциональной интерпретации **выражение отношения** к разнообразным внешним факторам одним субъектом выступает как их **отражение** другим субъектом. И наоборот. При этом у субъектов общения возникает **единый смысловой образ** реальных – внутренних и внешних – условий деятельности и его материальное воплощение – модель, более или менее адекватная данной конкретной ситуации. Наибольшей универсальностью среди прочих моделей ситуации, как известно, обладает язык.

Схема операциональной интерпретации ситуации образуется из сочетания элементов схем внешней и внутренней интерпретации. Схема внешней интерпретации ($S \longrightarrow x \longrightarrow O$) и схема внутренней интерпретации ($S \longrightarrow x \longrightarrow O$) или ($O \longrightarrow x \longrightarrow S$) в единстве образуют схему ($S \longleftarrow x \longleftarrow O$) + ($O \longrightarrow x \longrightarrow S$). При наличии двух субъек-

¹ Как известно, внутренний диалог субъекта произведен от внешнего.

ектов общения последняя трансформируется в схему обычной диалоговой ситуации¹:

где S^1 и S^2 – субъекты диалога; X – языковая модель ситуации; O – объект понимания; стрелками указано взаимодействие элементов схемы в процессе понимания.

В диалоге процесс понимания ситуации обретает свое историческое измерение, происходит типизация его смысловых структур, закладываются основания интуиции.

Понимание ситуации имеет огромное значение для всей управленческой деятельности. Целостный образ (картина) реальных условий деятельности определяет местоположение субъекта в данной конкретной ситуации, его позиции в различных отношениях и аспектах, предоставляет ему, так сказать, исходные точки зрения или точки отсчета. Таким образом, субъект осознает свою относительную – внешнюю и внутреннюю – независимость, т.е. свободу действий. Сфера возможного опыта, очерченная реальными условиями деятельности, выявляет постоянные (параметры) и переменные характеристики управляемых факторов ситуации [213, с. 46–47]. А то, что может быть средством удовлетворения нужд, потребностей или интересов субъекта, указывает на имеющиеся в его распоряжении ресурсы.

Естественно, понимание ситуации является жизненно важным и для субъекта рефлексивного самоуправления¹. Объективная методическая

¹ В основе этой схемы лежит схема предметной деятельности человека, развернутая формула которой такова: “субъект – произведение – объект – произведение – (другой) субъект” [212, с. 13].

² Понятия “диалоговая ситуация” и “герменевтическая ситуация” в этом случае тождественны.

оценка, интерпретация ее факторов позволяет ему создать целостное представление о реальных условиях собственной деятельности². С этой целью в менеджменте широко используются многочисленные специальные средства: табло управления, представляющее систему показателей деятельности предприятия, фирмы; модели места на рынке; специальные матрицы (таблицы возможностей и опасностей, сильных и слабых сторон организации); графики (кривые производственных возможностей, жизненного цикла товара); различные схемы и т.д. [96, с. 205–249; 214, с. 125–126, 167–223; 169, с. 269–277].

Возникающее на основе сходного понимания ситуации взаимопонимание субъектов, в свою очередь, служит основой для разного вида делового общения, установления и сохранения коммуникаций, разрешения всевозможных конфликтов и пр. [216, с. 150–154].

Видение целей. Противоречия между сферой необходимого и сферой возможного опыта, между тем, что субъекту нужно, и тем, что ему объективно возможно, находят свое идеальное разрешение в сфере должного опыта. Для характеристики этого процесса и его результата используется сравнительно новое в управлении понятие “видение” [217, с. 237; 218, с. 256; 214, с. 88–89, 164].

Видение как процесс означает рефлексивное полагание самой цели (целей). Цель отвечает на вопрос: что субъект должен сделать? Результатом видения является идеальный целевой образ (образы), целевая картина должного опыта. Видение целей, по сути, есть созидание “потребного будущего”, есть духовное творчество субъекта.

Рефлексивный процесс порождения цели осуществляется путем выбора необходимого из возможного, путем мысленного распределения наличных ресурсов по нуждам, потребностям и интересам субъекта. Естественно, этот выбор требует от субъекта установления определенного тождества между ними. Субъективно необходимое тождество необходимого и возможного достигается посредством практической, утилитарной **оценки**. Степень совпадения субъективно-необходимого и объективно-возможного является здесь критерием должного. А форма практической деятельности представляется субъективно в виде образа цели (**выполнить** заказы, **завоевать** часть нового рынка и т.п.).

Выбор необходимого из возможного не является однозначным процессом. Он всегда имеет варианты. Представление об этих вариантах дает следующая схема (рис. 7).

¹ Процесс понимания ситуации в управлении нередко называется анализом четырех полей. См.: [92, с. 88–91]. Как сказано ранее, такое сведение понимания к познавательной процедуре имеет существенные недостатки.

² О роли общей картины, например в бизнесе, см.: [215, с. 82–100].

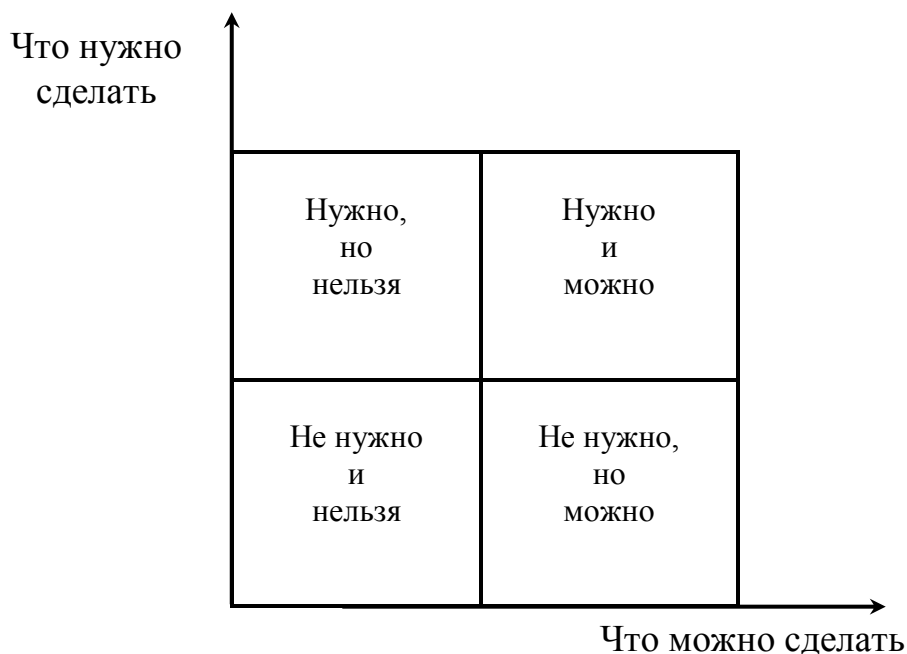

Рис. 7. Схема выбора целей

Как видно из рис. 7, на пересечении сфер возможного и необходимого возникают реально достижимые цели. Сочетания необходимого и невозможного, ненужного и возможного указывают на то, чего быть не должно. Необходимое, но невозможное (или опасное) требует устранения последнего. Иначе возникают иллюзорные цели, иллюзии [214, с. 164–166]. Ненужное, но возможное свидетельствует о наличии невостребованных ресурсов, о заниженных целях, об отсутствии мотивации. Ненужное и невозможное, естественно, не привлекает внимание субъекта.

Наличие альтернативных возможностей (выбор одной исключает другую) порождает неоднозначность выбора и в сфере должного опыта. Здесь определяющими оказываются их количественные характеристики. Если спрос, например, на акции превышает предложение, их цена возрастает; если спрос на них ниже предложения, эта цена снижается.

Видение полагает многообразные цели. Вследствие различия внутренних и внешних мотивов и условий деятельности цели также подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние цели отвечают на вопрос, что субъект должен сделать, так сказать, для себя; внешние – для других¹. И внутренние и внешние цели имеют собственную иерархию, на вершине которой находятся главные цели, обусловленные фундаментальными нуждами. С другой стороны, каждая цель может быть подвержена искусственной декомпозиции, подразделению на подцели (построение дерева целей).

¹ Замечательным примером полагания внутренних целей в экономике является потребительский выбор. Экономический выбор производителя также неплохо демонстрирует полагание внешней цели [219, с. 65–69, 157–264]. Интересно, что в маркетинге внешнее целеполагание обретает свою относительную самостоятельность.

В плане времени рефлексивно различаются актуальные цели, соответствующие насущным нуждам, потребностям, интересам, среднесрочные и долгосрочные цели. Оптимальные цели обычно называются идеалами.

Важной качественной характеристикой целей является ясность, количественной – их измеримость.

Целостный образ видения усложняется противоречивостью и динамикой целей. Однако он обеспечивает их согласование друг с другом и их относительную стабильность. Примером такого согласования и стабильности являются определенные нормы, возникающие в отношении внешних целей и внутренних. К числу таких норм в экономике относятся различные коэффициенты рентабельности, ликвидности, активности, задолженности и т.д. [220, с. 230–234].

Каждая конкретная цель видения выполняет довольно разнообразные функции. Таким образом, определяется ориентир, направление, курс деятельности; уровень удовлетворения соответствующих нужд, потребностей и интересов субъекта (т.е. уровень его притязаний); таким образом, деятельность получает определенную мотивацию и перспективу. Выступая в роли критерия, цель позволяет также оценивать различные явления, выявлять их значение и ценность, определять достижения и успех дела. Естественно, все эти функции присущи и целостному образу видения, представляемой им картине.

Ясное видение целей позволяет субъекту концентрировать усилия в желаемом направлении, оптимизировать свою деятельность.

Обобщая сказанное относительно рефлексивного управления процессом целеполагания, действие его механизма в целом и на отдельных этапах можно представить в виде таблицы (табл. 2).

Рефлексия процесса целеполагания очевидно ориентирована в плане собственного внутреннего времени. Так, переживание ситуации непосредственно связано с настоящим. В понимании ситуации определяются реальные условия деятельности субъекта, т.е. дается ответ на вопрос, где находится он сейчас. Но оно изначально ориентировано из прошлого в настоящее. Видение же, указывающее направление будущей деятельности субъекта, прямо отвечает на вопрос, куда он должен двигаться. Естественно, временная ориентация видения из настоящего в будущее.

Рефлексивную логику процесса целеполагания можно представить символически в виде следующего умозаключения:

$$\begin{array}{l} S \rightarrow C_p \\ \underline{C_p \rightarrow O} \\ O \rightarrow S \end{array}$$

где S – субъект; C_p – средство; O – объект. Здесь мы имеем предметную рефлексию (возвращение назад). Ее исходным пунктом является объект. Предметная рефлексия отвечает на вопрос: что? Она управляет процессом

целеполагания. Ее развернутая формула такова: $O \rightarrow S \rightarrow C_p \rightarrow O'$. Она лежит в основе методологической концепции управления по результатам.

Таблица 2

**Действие рефлексивного механизма целеполагания
в конкретной управленческой ситуации**

Рефлексивные ступени (этапы) целеполагания (формы ценностного отражения ситуации)	Вопрос, конкретизирующий проблему выбора	Рефлексивный метод (способ) нахождения ответа	Результат рефлексивного решения (ответ)
Переживание ситуации	Что нужно сделать?	Субъективно-эмоциональная оценка	Мотивы деятельности (факторы ситуации)
Понимание ситуации	Что можно сделать?	Объективно-теоретическая оценка (интерпретация)	Условия деятельности
Видение целей	Что должен сделать?	Практическая, утилитарная оценка	Цель деятельности

В рефлексии процесса целеполагания выделяются два противоположных момента: относительная завершенность и относительная незавершенность. Относительная завершенность рефлексии целеполагания заключается в том, что в форме его идеального результата – цели – находит свое разрешение одна из основных управленческих проблем – проблема выбора.

Относительная незавершенность рефлексии целеполагания оказывается двоякого рода. Во-первых, поскольку ситуация повторяется, идеальные цели сами становятся исходными мотивами деятельности. Тогда рефлексивный цикл целеполагания повторяется на новой основе, порождая все более отдаленные цели. Во-вторых, в форме цели, ее идеального образа всегда происходит отрыв (отвлечение) рефлексии от реальности, поскольку должное противопоставляется существу. Таким образом, возникает совершенно другая управленческая проблема – проблема их связи.

2.3. Операциональная рефлексия в управлении процессом решения проблем

Достижение поставленной цели сталкивается, в свою очередь, с целым рядом трудностей и ограничений. Возникающая при этом управленческая проблема в общем формулируется так: как преодолеть разрыв между сущим и должным? как ликвидировать отклонения сущего от должного? Объективная логика процесса решения такого рода проблем выражается следующей закономерностью:

проблема – причина – возможные способы решения.

Рефлексивное воспроизведение этой закономерности в субъективной форме, т.е. в самом процессе решения данных проблем, предполагает последовательность ответов на три главных вопроса:

- 1) В чем конкретно заключается проблема?
- 2) Почему она возникла?
- 3) Каким образом можно ее разрешить?

Результатом ответа на первый вопрос является конкретная постановка проблемы, указывающая на то, что дано, что фактически есть, в отличие от того, что должно быть, т.е. в отличие от цели. Результатом ответа на второй вопрос является нахождение реальных причин, порождающих эту проблему. Результатом ответа на третий вопрос является нахождение возможных вариантов, способов решения данной проблемы.

Вполне очевидно, что эти вопросы конкретизируют гносеологическое отношение субъекта к объекту¹. А соответствующие им процессы представляют собой основные функции и стадии научного познания конкретной проблемной ситуации. То есть:

- 1) Описание проблемной ситуации;
- 2) Объяснение проблемной ситуации;
- 3) Предвидение вариантов решения проблемы².

Таким образом, рефлексивное управление процессом решения проблем связи заключается в методически выдаваемых ответах на вопросы, возникающие на отдельных этапах научного познания проблемной ситуации. В форме этих вопросов осуществляется конкретизация управленческой проблемы. Философская рефлексия обеспечивает этот процесс общенаучным, диалектическим методом, также конкретизирующимся в процессах описа-

¹ Как сказано ранее, гносеологическое отношение субъекта к объекту определяется с внешней точки зрения, с позиции “стороннего наблюдателя” или с позиции средств деятельности.

² Воспроизведение указанной закономерности осуществляется в самых разных областях человеческой деятельности, начиная, например, с медицинской практики (симптомы болезни – диагноз – стратегия и тактика, рецепты лечения) и заканчивая устранением технических неисправностей (признаки неисправности – причины – методы устранения).

ния, объяснения и предвидения возможных вариантов решения указанных проблем в данной конкретной ситуации.

Рефлексивное описание проблемной ситуации – исходный пункт научного разрешения проблем связи. На этой стадии данные наблюдений, измерений и экспериментов, т.е. непосредственных источников информации, превращаются в факты. Рефлексивное описание как процесс регистрирует (фиксирует) фактическое положение дел, фактическое положение вещей и событий. Осуществляя первичную обработку и упорядочивание относящейся к делу информации, оно представляет собой основу дальнейшего целенаправленного изучения ситуации. В процессе принятия решения субъект самоуправления имеет дело уже не с реальной ситуацией, а с ее более или менее адекватным образом выраженным описанием. Конкретная и точная постановка проблемы, представленная таким образом, как говорится, равна по значению половине ее разрешения.

Рефлексивное описание проблемной ситуации дает ответ на вопрос: в чем конкретно заключается проблема? Рефлексивным методом ответа на него является констатация фактов. Этот метод, однако, конкретизируется как минимум в трех принципах: принципе объективности, принципе полноты и принципе конкретности.

Принцип объективности в рефлексивном описании проблемной ситуации раскрывает объективное содержание данной проблемы. В сравнении сущего с должным выявляется их противоречивость, сходство, тождество и различие. Различные несоответствия или отклонения сущего от должного выявляют объективные факторы или признаки, требующие изменения, т.е. управленческого воздействия. Эти факторы или признаки, обозначаются в управлении как переменные. Например, “низкие прибыль, сбыт, производительность и качество, чрезмерные издержки и большая текучесть кадров”. В соответствии сущего должному выявляются факторы или признаки, которые при решении данной проблемы не требуют изменений или их изменение невозможно. Они обозначаются как постоянные или параметры. Например, “определенный объем производства или цена товара”. Ясно, что с изменением цели постоянные и переменные характеристики могут превращаться друг в друга.

Реализация принципа объективности в рефлексивном описании проблемных ситуаций наиболее ярко проявляется в осуществлении управленческого учета, бухгалтерского учета и т.д., где специально проводят сравнения фактических показателей с целевыми¹.

Принцип полноты в рефлексивном описании, с одной стороны, словно фильтр отсеивает всю ненужную информацию. С другой стороны, он требует учитывать всю совокупность относящихся к данной проблеме (к должному) факторов или их фактов. Таким образом, из множества пере-

¹ См., например: [221, с. 436–491].

менных складывается более или менее целостное представление о ситуации. А задаваемые многочисленными параметрами граничные условия отделяют объект (субъект) рефлексивного самоуправления от среды неуправляемых факторов.

По числу отличительных признаков, переменных принцип полноты также определяет степень простоты или сложности данной проблемы. Реальные ситуации, как правило, отличаются сложностью.

Принцип конкретности в рефлексивном описании позволяет представить каждое отклонение сущего от должного как момент противоречивого взаимодействия субъекта и объекта внутри самоуправляемого субъекта. В этом случае в его сознании представляется система переменных, отражающих разнообразные противоречивые взаимодействия субъективных и объективных факторов конкретной управленческой ситуации¹. Суть действия этого принципа состоит в нахождении исчерпывающих ответов на такие вопросы: 1) кто? 2) что? 3) где? 4) когда? 5) как? 6) сколько? (или насколько?), 7) почему? Очевидно, ответы на первые два вопроса определяют субъект и объект собственной деятельности; на третий и четвертый – ее внешние условия; на пятый и шестой – качественные и количественные характеристики этой деятельности; на седьмой вопрос – причину или причины самодеятельности [223, с. 347].

Если ответ на последний вопрос (почему?) не является очевидным, то переходят от описания к рефлексивному объяснению сложившейся ситуации.

Результатом процесса рефлексивного описания проблемной ситуации является конкретная постановка проблемы, основанная на более или менее развернутой характеристике противоречивости этой ситуации по отношению к должному, т.е. к многообразным целям. В отличие от проблем выбора, которые изначально формулируются в терминах нужд или потребностей субъекта (поскольку отражают его неудовлетворенность), проблемы связи, единства формулируются в терминах объективного несоответствия должному и фактически отражают недостаточность тех или иных средств реализации цели [173, с. 16].

Проблемы связи как субъективные образы объективно противоречивых ситуаций выражаются посредством естественных или специальных искусственных языков. Они в данном случае моделируют проблемные ситуации.

Рефлексивное объяснение проблемной ситуации. Проблему связи невозможно решить, не зная причин, ее порождающих. В простых ситуациях эти причины лежат, так сказать, на поверхности явлений [173]. В сложных ситуациях для их выявления требуется объяснение². Без осуществления

¹ Недостаточно ясное понимание действия этого принципа приводит подчас к прямому отождествлению управляемых факторов только с внутренними, субъективными факторами, а неуправляемых факторов – с внешними, объективными факторами. См., например: [222, с. 250–252].

² В теории и практике управления этот процесс нередко называют диагностикой или диагнозом.

этой процедуры решения, как правило, оказываются неверными, ошибочными или неоптимальными.

Существуют разные подходы к выявлению причин проблемы. Один из них, как видно простейший, представлен в так называемом кейс-методе [224]. Он предполагает изложение происшедших событий так, чтобы наиболее поздние из них по времени находились в начале их хронологии, а наиболее ранние – в конце. Такая ретроспекция дает общую ориентацию в поиске причин актуальных проблем. Однако обнаруживать их действительно она не позволяет. Сказывается известное несовпадение причинно-следственных связей и временной последовательности.

Другой, довольно общий подход, основанный на определенных теоретических предпосылках, изложен в работе А.М. Жандарова и И.К. Ужинского [225, с. 40–43]. Авторы отмечают, что сложность проблемной ситуации состоит в содержании целого ряда проблем, решение которых требует определения их иерархии. Для нахождения иерархии они предлагают использовать двухмерную матрицу, в которой столбцы и строки образуются из перечисленных проблем. В соотношении каждой проблемы с каждой и выявляется, какая из них является следствием, а какая причиной, требующей предварительного разрешения. Они называют этот процесс структуризацией проблемной ситуации.

Данный подход имеет свои плюсы и минусы. К последним относится, в частности, то, что без предварительного выявления самой структуры проблемной ситуации, т.е. без предварительного определения в ней места каждой проблемы, в принципе невозможно определить, является ли она причиной или следствием.

Среди разнообразных конкретных методик, предлагаемых для объяснения проблемных ситуаций, – формальные и неформальные методы: корреляционный анализ, регрессионный анализ, факторный анализ, анализ истории, моделирование, “мозговая атака”, экспертные оценки, эксперимент и т.д. Их совокупность обычно объединяют под общим названием “системный анализ”.

Однако системный анализ не является простым набором формальных и неформальных методов. Он также имеет свою специфику. Уже в силу собственного определения (поскольку включает свою собственную противоположность) этот анализ оказывается диалектическим. Поэтому его целесообразно рефлексивно рассматривать именно как момент общенаучного, диалектического метода. С одной стороны, это позволяет преодолеть его неоправданную абсолютизацию, которая явственно обнаруживается при попытках использовать системный анализ в качестве методологической основы всего процесса подготовки и принятия решений. С другой стороны, это предоставляет возможность использовать при его осуществлении богатейший категориальный аппарат диалектики.

Рефлексивное объяснение в сущности есть аналитический процесс. Реализация в нем системного подхода предполагает принципиально иную, по

сравнению с традиционными, схему [209, с. 588]. Причем в контексте диалектического метода отчетливо выделяются три основных аспекта или момента такого анализа: 1) структурный анализ, 2) функциональный анализ и 3) генетический анализ. Их последовательная реализация в объяснении и приводит с необходимостью к искомым результатам¹.

1. Итак, рефлексивное объяснение проблемной ситуации посредством системного анализа начинается с структурного анализа. В системном представлении объекта управления он выявляет конкретное место его элементов, их взаимоотношения и, таким образом, определяет его структуру. Это создает необходимые предпосылки для обнаружения реальных причин проблемы. Категории диалектики способствуют такому анализу и значительно его упрощают.

Для проведения структурного анализа проблемной ситуации можно использовать различные пары категорий диалектики: “субъективное” (в смысле зависящее от субъекта) и “объективное” (не зависящее от субъекта), “внутреннее и внешнее”, “качественное и количественное”, “существенное и несущественное” (т.е. относящееся к явлению), “общее (повторяющееся) и единичное”, “целостное (относящееся к целому) и частное (относящееся к частям)” и т.д. Они структурируют объект управления в различных отношениях и аспектах, определяют его полиструктурность. Полиструктурность обеспечивает анализ точностью и конкретностью.

2. Следующий за структурным функциональный анализ проблемной ситуации определяет роль (функцию) каждого элемента объекта управления в сохранении внутреннего равновесия и стабильности. Эта роль выявляется путем нахождения общих, тождественных или инвариантных признаков в их (элементов) многочисленных взаимодействиях друг с другом. Таким образом, создаются основания, достаточные для проведения собственно генетического анализа ситуации.

Метод функционального анализа, как сказано ранее, иллюстрирует модель “черного ящика”. Однако отношение значений его “входа” и “выхода” можно рассматривать как абстрактное выражение взаимодействия разнообразных противоположностей. Следовательно, имея результаты структурного анализа объекта управления в категориях диалектики, нетрудно определить и роль каждого его элемента в установлении равновесия со своей средой, т.е. с другими элементами функционирующей системы². Она выражается количественно как “вес”, который находится по формуле $\Phi: X \times U \times B$.

¹ Эти аспекты системного анализа неразрывны, и их нельзя противопоставлять друг другу. Нельзя, например, полагать, что структурный анализ имеет дело только со стабильными объектами, а функциональный – с динамичными или функционирующими объектами. Такое их толкование содержится, в частности, в кн.: [226, с. 248]. Более того, управлять статичными объектами вообще невозможно.

² Каждый элемент объекта управления, в данном случае, выступает как его подсистема. Во взаимодействии с другими элементами, представляющими среду, он стремится к установлению равновесия, к гомеостазу. См.: [227, с. 19–23, 61–73, 112–142].

В данной формуле Φ означает форму, правило функции; X – значения независимого от системы элемента “входа”; Y – значение “входа”, поступившее по каналам обратной связи из “выхода” системы, фиксирующее ее внутреннее состояние; B – значение функции, “вес” независимого элемента на “выходе”; x – знак произведения или пересечения значений элементов¹.

3. Если структурный анализ проблемной ситуации выявляет существенные качественные различия между элементами ее управляемого объекта, а функциональный анализ выявляет наличие у них существенных общих, причем количественно выразимых признаков, то задачей генетического анализа является нахождение различия в общем или общего в различиях, т.е. их взаимной обусловленности друг другом. Он завершает процесс рефлексивного объяснения проблемной ситуации, поскольку определяет ее реальные причины и первоисточники, т.е. наиболее существенные ее недостатки или наиболее существенные отклонения от должного.

Логика генетического анализа в общем проста. Она предполагает движение познания от явлений к сущности, от конкретного к абстрактному. В категориях “причина” и “следствие” эта логика может быть выражена следующей закономерностью:

$$\begin{array}{l} \text{следствие}^1 \longrightarrow \text{причина}^1 \\ \text{следствие}^2 \longrightarrow \text{причина}^2 \\ \text{следствие}^3 \longrightarrow \text{и т.д.} \end{array}$$

Таким образом, она позволяет “дойти” до исходных причин, установить естественную генетическую связь событий.

Наглядным выражением этой логики может быть граф причинно-следственных связей. Он учитывает результаты предшествующего анализа и строится в соответствии с суммарными значениями определенных в функциональном анализе “весов”². Указанные суммарные значения “весов” свидетельствуют о наличии определенной существенности и фундаментальности элементов (недостатков), об их иерархии.

Естественно, подтверждением достоверности генетического анализа является совпадение его логики с ретроспекцией временной последовательности возникновения элементов рассматриваемой ситуации.

Весь процесс рефлексивного объяснения в повторяющихся проблемных ситуациях также естественно повторяется. Следствием этого оказывается

¹ Аналогичная формула для выявления ситуаций равновесия используется, например, в теории игр. См.: [228, с. 23–91]. (Об отражении в теории игр взаимодействия диалектических противоположностей см.: [229]; о возможности использования знака логического умножения (x) для выражения взаимного превращения диалектических противоположностей см.: [230, с. 540–547].) В экономическом анализе ситуация равновесия обозначается точкой безубыточности.

² Суммарное значение этих “весов” указывает на степень связности его элементов, т.е. на уровень их организованности.

возможность частичной его формализации. Создание специальных программ и передача рутинной работы компьютерам значительно ускоряют анализ.

Аналитический процесс рефлексивного объяснения имеет существенное самостоятельное значение в разных областях человеческой деятельности. Как показывает история, выявление главного “недостающего опосредствующего звена” служит основой таких великих изобретений, как изобретения В. фон Сименса и Т. Эдисона [97, с. 136]; нахождение наиболее “узких мест” всесторонне определяет снижение издержек производства [216, с. 39–42]; а поиск и обнаружение “ниши” на рынке оказывается непременным условием сбыта его продукции [223, с. 21].

Рефлексивное предвидение вариантов решения проблем связи – это определение возможных путей реализации намеченных целей¹. То есть в данном случае речь идет о нахождении операций, алгоритмов, программ, технологических методов и т.п. способов действия, представляющих собой формы решения данных проблем. Творческий компонент, ярко выраженный в предвидении, определяет специфику его как процесса формирования проектных решений, создания образов возможного действия.

Решение проблем связи достигается рефлексивно – путем ликвидации отклонений сущего от должного. Но это становится возможным лишь при устранении их реальных причин, т.е. при устранении реальных недостатков или несоответствий. Формальное, прямолинейное их отрицание, как показывает практика, не решает, а только усложняет проблемы. Диалектическое отрицание, т.е. отрицание путем синтеза, обеспечивает реальное сочетание управляемых факторов ситуации, соответствующее должному представлению. При этом диалектический метод дает принципиальное решение любых проблем связи, формирует стратегию деятельности.

Логика диалектического синтеза разнообразных факторов управленческой ситуации в научном предвидении является противоположной логике системного анализа в процессе ее объяснения. Следовательно, путем рефлексивного оборачивания в методе здесь выделяются три основные стадии формирования стратегии. На первой она отражает аспект развития, на второй – аспект функционирования, на третьей – структурный аспект деятельности. Предвидение вариантов решения направлено от абстрактного к конкретному.

Наиболее общая форма стратегии – стратегия развития – естественно, определяется при изменении направленности схемы генетического анализа. Таким образом, возникает логическая конструкция, выражающая наиболее рациональную последовательность решения в ней перечисленных проблем

¹ Этот момент научного познания приобрел относительную самостоятельность в так называемом нормативном прогнозировании. См.: [231].

или наиболее общая программа устранения в ней перечисленных недостатков.

В зависимости от рода и вида решаемых проблем и, в первую очередь, от рода основной или главной проблемы (указанной как первопричина создавшейся ситуации) определяются функциональные формы стратегии или просто функциональные стратегии, показывающие их конкретные назначения. Например, в бизнесе это стратегия маркетинга, стратегии комплекса его мероприятий: стратегия разработки товаров, стратегия ценообразования, стратегия распространения и стратегия продвижения товаров [232, с. 587].

В зависимости от способа решения конкретных проблем и, в первую очередь, от способа решения главной проблемы определяются структурные формы стратегии, называемые альтернативными вариантами общей стратегии, альтернативными решениями или просто альтернативами. Непонимание их диалектической природы и сущности ведет к всевозможным крайностям, абсолютизациям или “измам”.

Действительно, выражающуюся в виде конкретных недостатков и несоответствий внутреннюю диалектическую противоречивость формальный подход пытается ликвидировать непосредственно. При этом он предлагает отрицание субъектных **или** объектных, внутренних **или** внешних, качественных **или** количественных и т.д. факторов управленческой ситуации. Однако такое искусственное разделение естественно неделимых свойств не учитывает их взаимную относительность и взаимную дополнительность. Таким образом, оно исключает реальные альтернативы.

Диалектический метод устранения конкретных недостатков или несоответствий **исходит** из внутренней диалектической противоречивости управляемого объекта. Подобно тому, как в математике произведение двух отрицательных чисел дает положительный результат ($-2 \times -3 = 6$), в диалектике взаимное отрицание отнесенных к противоположным категориям недостатков, несоответствий, при наличии единого основания, дает их положительный синтез¹. Он опосредствует выраженные в категориях противоположности. Естественно, в зависимости от основания конкретные формы этого синтеза, этого опосредствования существенно различаются.

Основанием диалектического синтеза противоположностей может быть любое их общее свойство. Первичным среди них выступает само отношение их друг к другу. Синтез конкретных недостатков, несоответствий на таком основании определяется просто их дополнительностью или единством как положительных факторов ситуации. Относительность свойств, выступающих в качестве основания, определяет противоположные формы такого

¹ Например, недостаток “рабочих мест”, с одной стороны; с другой стороны, восполняется недостатком “свободных рук”.

синтеза. Они-то и являются реальными альтернативами¹. Бесконечное многообразие свойств, присущих конкретным факторам ситуации, порождает множество альтернативных групп, рядов. Таким образом, возникает поливариантность в диалектическом синтезе.

Диалектический подход к формированию альтернативных стратегий в управлении и самоуправлении стал действительно проявляться при создании специальных двухмерных матриц. Наибольшую популярность среди них обрели: матрица возможностей по товарам/рынкам, матрица Бостонской консультативной группы и матрица общих стратегий М. Портера [214, с. 167–218; 222, с. 55–59]. В каждой из них сочетания субъектных и объектных факторов определяются на основе полярных категорий (или понятий), а конкретные комбинации представляются возможными вариантами стратегии. Своеобразие этих матриц заключается в выбранных факторах и основаниях их синтеза.

Двухмерные матрицы, созданные для управления персоналом в бизнесе, в сущности от названных не отличаются. Те же самые комбинации, правда несколько в другой последовательности, представлены, например, в известной “решетке менеджмента” [234, с. 250–252].

Функции стратегии в самоуправлении различны. Во-первых, она организует саму деятельность в направлении цели². Во-вторых, она организует управляемые факторы ситуации в средства достижения цели. В-третьих, ее варианты позволяют оптимизировать свою деятельность в желаемом направлении – существенно снижать издержки или затраты средств [93].

Обобщая сказанное относительно рефлексивного управления процессом решения проблем связи, действие его механизма в целом и на отдельных этапах можно представить такой таблицей (табл. 3).

Осуществляемое в процессе научного познания ситуации рефлексивное решение проблем связи ориентировано во времени. В рефлексивном описании проблемной ситуации констатируется ее настоящее, в рефлексивном объяснении осуществляется переход от настоящего к ее прошлому, а в рефлексивном предвидении (нормативном прогнозировании) речь ведется о переходе из ее будущего в настоящее. Как видно, данная ориентация отличается от временной ориентации рефлексии в процессе целеполагания.

¹ Отличая реальные альтернативы от формальных противоположностей, П. Хейне, в частности, пишет: “Обычно приходится сравнивать большее количество чего-то одного и меньшее количество чего-то другого с большим количеством чего-то другого и меньшим количеством чего-то одного. Экономическое мышление отрицает подход в терминах “все, или ничего...” [233, с. 137].

² Стратегия выступает основой формирования различных программ деятельности. Конкретизируясь в тактике (в решениях задач на отдельных этапах стратегии) и оперативных решениях (в ответах на вопросы кто? что? где? и т.д.), программы превращаются в планы.

**Действие рефлексивного механизма решения проблем связи
в конкретной управленческой ситуации**

Рефлексивные стадии решения проблемы (формы научного познания ситуации)	Вопрос, конкретизирующий проблему связи	Рефлексивный метод (способ) нахождения ответа	Результат рефлексивного решения (ответ)
Описание проблемной ситуации	В чем конкретно заключается проблема?	Констатация	Отличие фактической ситуации от должной
Объяснение проблемной ситуации	Почему возникла проблема?	Анализ (системный)	Причины отклонений
Предвидение вариантов решения проблемы	Каким образом можно решить проблему?	Синтез	Возможные способы ликвидации отклонений

Логику рефлексивного процесса решения проблем связи также можно представить символически в виде следующего умозаключения:

$$\begin{array}{l} O \rightarrow S \\ \underline{S \rightarrow Cr} \\ Cr \rightarrow O \end{array}$$

где S – субъект; Cr – средство; O – объект. В этом случае мы имеем операциональную рефлексю, исходным пунктом которой является средство. Операциональная рефлексия отвечает на вопрос: как? и управляет процессом решения поставленных целеполаганием проблем. Развернутая форма этой рефлексии имеет вид: $Cr \rightarrow O \rightarrow S \rightarrow Cr'$. Она лежит в основе методологической концепции “управления по отклонениям”.

И здесь выделяются два противоположных момента данного процесса: его относительная завершенность и его относительная незавершенность. Относительная завершенность рефлексии процесса заключается в том, что в форме его результата – возможных способов ликвидации отклонений (т.е. возможных способов, путей достижения должного, цели) находит свое решение вторая из основных управленческих проблем – проблема связи.

Относительная незавершенность рефлексии этого процесса, как и процесса целеполагания, двух родов. Во-первых, поскольку ситуация изменяется, возможные способы решения проблемы связи сами становятся источ-

никами (причинами) новых таких проблем. Тогда рефлексивный цикл их решения повторяется, порождая возможность предвидения новых, потенциальных проблем¹. Во-вторых, возможные способы решения в реальных условиях реализуются совершенно по-разному. В таком случае, естественно, возникает вопрос: “Какое следует предпринять действие для получения возможно лучшего результата?” [235, с. 6].

2.4. Ценностная рефлексия в управлении процессом принятия решения

Рефлексивное полагание оснований самоуправления завершается принятием решения. Принятие решения как способа действия не только обуславливается его результатом, но и обуславливает его результат. Можно поэтому сказать, что проблема принятия решений идентична проблеме обратной связи.

Суть проблемы обратной связи в управленческой деятельности, как сказано ранее, заключается в неопределенности результата вообще, положительного или отрицательного в частности². Объективная логика процесса решения этой проблемы представляет такую закономерность:

возможные результаты – желаемые результаты – определенный результат.

Рефлексивное воспроизведение этой закономерности в субъективной форме, т.е. в самом процессе решения данной проблемы, предполагает последовательность ответов на такие вопросы:

- 1) Что будет, если...?
- 2) Что будет лучше?
- 3) Быть или не быть чему-либо?

Ответ на первый вопрос выражается в возможных результатах; ответ на второй вопрос выражается в желаемых результатах; ответ на третий вопрос выражается в определенном результате.

Три выделенных вопроса, вполне очевидно, конкретизируют практическое отношение самореализации субъекта. А соответствующие им процессы представляют собой определенные стадии и формы операционального отражения управленческой ситуации. То есть:

¹ На этом основано “упреждающее управление”.

² Как сказано ранее, проблема обратной связи в управленческой деятельности выражается в виде вопроса: для чего?

- 1) Предвидение результатов действия;
- 2) Оценка результатов действия;
- 3) Волевой акт выбора способа действия.

Таким образом, рефлексивное управление процессом принятия решений заключается в методически выдаваемых ответах на вопросы, возникающие на отдельных этапах операционального отражения ситуации. В форме этих вопросов осуществляется конкретизация основной управленческой проблемы обратной связи. Действие философской рефлексии в данном случае заключается в сознательном поэтапном формировании у субъекта, принимающего решение, определенной установки на результат.

Рефлексивное предвидение результатов действия в принятии решений отличается от предвидения вариантов решений проблем связи так, как отличается поисковое прогнозирование от нормативного прогнозирования [236]. Основным методом здесь является экстраполяция, а прогностический образ обеспечивает обратную связь с возможными результатами действия. Непредвиденные, неожиданные результаты ведут, как известно, к потере самоуправляемости.

Возможные результаты управленческих действий есть следствия противоречивого взаимодействия между двумя группами факторов. Первая – это управляемые факторы, определенные общей стратегией или способом решения проблем связи. Ко второй группе относятся неуправляемые факторы, причем как объектные, так и субъектные¹. Их интегральную характеристику обычно называют “природой”. Если первая группа представляет сам способ деятельности, то вторая группа факторов представляет собой реальные условия этой деятельности.

В отличие от управляемых факторов неуправляемые факторы субъекту, принимающему решение, известны далеко не всегда. На этом основании они обычно подразделяются на: 1) условия определенности, 2) условия вероятностной определенности или риска и 3) условия неопределенности. Вполне очевидно, что степень неопределенности этих условий существенно сказывается на прогностическом образе результатов действия. Однако в любом случае он позволяет субъекту ожидать от “природы” более или менее адекватной реакции на свои действия.

Если субъект принимает решение в условиях определенности, то он может с высокой точностью предвидеть результат каждого из альтернативных вариантов выбора. Например, если арендная плата, стоимость материалов и рабочей силы ему известна, он может, по крайней мере на ближайшую перспективу, довольно точно установить, какими будут затраты на произ-

¹ В описании проблемной ситуации, при выделении объекта (субъекта) самоуправления, все неуправляемые факторы обозначались как постоянные.

водство конкретного изделия. Формально определенность предполагает наличие фиксированных условий. Поэтому возможные результаты того или иного способа действия находятся путем их прямой экстраполяции в будущее.

Случай достаточно полной определенности условий в практике управления встречается сравнительно редко. Наиболее часто решения принимаются в условиях вероятностной определенности или риска. При этом субъект самоуправления специально задается вопросом: что будет, если...?, т.е. пытается рефлексивно выявить наиболее существенные неуправляемые факторы и их влияние на результаты¹.

Существуют два основных способа определения вероятности некоторых событий: объективный и субъективный. Объективный основан на вычислении частоты, с которой они совершаются. Его использует, например, теория статистических решений. Субъективный метод основан на личном опыте принимающего решение. Таким образом, им делаются вероятностные предположения.

Диапазон вероятных условий изменяется от 0 до 1. Причем сумма их вероятностей всегда принимается за единицу.

В условиях вероятностной определенности для каждого способа действия находится **ожидаемый результат**. Он является средневзвешенным всех возможных его результатов, т.е. суммой их возможных значений, умноженных на соответствующие вероятности вариантов условий. По разнице между предполагаемым действительным результатом и ожидаемым результатом определяется конкретная степень риска [219, с. 126–132].

Условия неопределенности столь же редки, как и условия определенности. Для рефлексивного предвидения результатов действия в этих условиях существенно важными оказываются их экстремальные значения [238, с. 94–96]. Они позволяют определять наиболее “худшие” и наиболее “лучшие” возможные результаты. Предельные значения условий неопределенности, естественно, включают в себя их вероятностную определенность. В данном случае имеет место и максимальный и минимальный риск.

Для определения и упорядочения возможных результатов действий в процессе принятия решений используют специальную матрицу [239, с. 70], позволяющую отобразить результаты с учетом любых условий, например (табл. 4).

В клетках матрицы представлены в безразмерном виде относительные результаты различных вариантов стратегии, выявленных при рассмотрении конкретной проблемной ситуации. Первый столбец здесь указывает условную результативность различных стратегий в определенном, неизменном состоянии “природы”. Она находится путем умножения количественного

¹ Данная процедура осуществляется, например, методом анализа чувствительности. Конкретное ее осуществление см. в кн.: [237, с. 66–74].

значения стратегий на 100 условных единиц времени. Второй и третий столбец соответственно представляют результаты в наихудших и наилучших условиях деятельности. С учетом взаимодополнительности и взаимоисключения элементов определенных стратегий изменяются в разных условиях и другие результаты. При вероятности наихудших условий – 0,7, а наилучших – 0,3; четвертый столбец матрицы представляет ожидаемые результаты.

Таблица 4

Матрица возможных результатов

Вариант стратегии	Состояние “природы”			
	П ₁	П ₂	П ₃	П ₄
С ₁	14	7	28	13
С ₂	25	6	25	12
С ₃	100	200	50	155
С ₄	51	51	204	97

Приведенной матрице результатов соответствует следующая матрица риска (табл. 5).

Таблица 5

Матрица риска

Вариант стратегии	Состояние “природы”		Средняя степень риска
	П ₂	П ₃	
С ₁	6	15	9
С ₂	6	13	8
С ₃	45	105	63
С ₄	46	107	64

Максимальную степень риска, как видно, в ней имеет стратегия С₄, а минимальную – стратегия С₂.

В рефлексивном предвидении результатов управленческих действий существенное значение имеет время. С течением времени неопределенные факторы ситуации могут стать достаточно определенными. И наоборот. Поэтому для снижения риска и неопределенности предусматриваются меры. К ним относятся: диверсификация, страхование (разного вида), получение дополнительной информации [219, с. 139–156]. В случае непредвиденных обстоятельств и результатов ситуация может оказаться критической.

Рефлексивная оценка результатов действия. В процессе принятия решения его альтернативные варианты должны быть оценены с точки зрения способности обеспечить достижение намеченных целей. Эта процедура осуществляется посредством рефлексивной оценки возможных результатов действия. При этом субъект, принимающий решение, стремится ответить на вопрос: что будет лучше? Таким образом, он выделяет среди них для себя нежелательные, желаемые и наиболее желаемые результаты. Обратная с ними связь здесь, естественно, конкретизируется.

Сознательное осуществление оценки возможных результатов управленческих действий требует ясного понимания ее критериев, масштаба, а также самой процедуры оценивания.

В качестве критерия рефлексивной оценки возможных результатов действия в процессе принятия решения всегда выступает устойчивая, фиксированная цель. Цели бывают разные – экономические, технические, социальные, политические, этические и т.д., поэтому в реальной ситуации обычно используется множество критериев. Более того, при необходимости точной, конкретной оценки каждая цель расщепляется на подцели. Общая цель предприятия, например, расщепляется на цели служебных подразделений. Эти drobные целевые показатели также образуют критерии.

Множество качественно разнообразных целей, как сказано выше, сводится к абстрактному минимуму: внутренним целям (для себя), внешним целям (для других) и нормам. Вследствие этого критерии, возникающие на их основе, образуют систему. В системе критериев каждый из них имеет особый вес, который определяется непосредственной значимостью или важностью для субъекта представляемой таким образом цели.

Масштаб оценки, соответственно самой оценке, бывает трех типов: количественным, полуколичественным и качественным. Первый тип обычно выражается в числах, например в процентах, баллах и т.п. Второй тип указывает, сколько (или во сколько) лучше или хуже, дешевле или дороже и т.п. Третий тип просто определяет: лучше или хуже, дешевле или дороже, выше или ниже и т.п. Нередко он включает в себя и промежуточный вариант.

Масштаб оценки обычно представляется в виде определенной шкалы.

Сама процедура рефлексивного оценивания заключается в сопоставле-

нии возможных результатов с определенными критериями по определенной шкале. Причем эти результаты также определяются в соответствующей критериям форме. Таким образом, выявляется и измеряется их ценность в заданном отношении.

Ценность возможных результатов разных способов действия всегда различается. Их иерархия указывает на степень целесообразности. В определенном смысле все возможные результаты подразделяются субъектом на наиболее желаемые, более и менее желаемые и совсем нежелательные. Степень целесообразности определяет их предпочтительность.

Процедуру рефлексивной оценки возможных результатов действия в процессе принятия решений нередко изображают при помощи специальной матрицы. Для результатов различных стратегий действия в **определенных** условиях она может выглядеть, например, так (табл. 6).

Таблица 6

Матрица оценки результатов

Возможный результат управленческих действий	Критерии рефлексивной оценки	Вес критерия	Значение рефлексивной оценки	Вес критерия, умноженный на значение оценки	Сумма произведений по данному результату
Результат стратегии С ₁	Доходы	5	1	5	18
	Стабилизация	3	1	3	
	Расходы	1	10	10	
Результат стратегии С ₂	Доходы	5	2	10	23
	Стабилизация	3	3	9	
	Расходы	1	4	4	
Результат стратегии С ₃	Доходы	5	10	50	54
	Стабилизация	3	1	3	
	Расходы	1	1	1	
Результат стратегии С ₄	Доходы	5	5	25	60
	Стабилизация	3	10	30	
	Расходы	1	5	5	

Для оценки в этой матрице взят абстрактный минимум критериев. Их вес определен по 5-балльной шкале. Сама оценка осуществлена по 10-балльной шкале. Ценность каждого возможного результата действия представлена суммой произведений значения оценки на вес критерия¹.

В сравнении ценностей возможных результатов действия в данном случае выясняется, что в определенных условиях для субъекта наиболее же-

¹ В условиях, позволяющих сделать статистически достоверный прогноз, рефлексивная оценка ожидаемых результатов осуществляется таким же образом.

лаемым будет результат стратегии C_4 , более и менее желаемыми – результаты стратегий C_3 и C_2 , нежелаемым – результат стратегии C_1 .

Важнейшую роль, при условии точной оценки, играет вес критериев. Их изменение в весе приводит к различным и прямо противоположным ценностям. Например, если критерию “расходы” придать вес 3 балла, а критерию “стабилизация” – 1 балл, то наибольшей ценностью и наибольшей относительной желаемостью будет обладать результат стратегии C_3 . Результат же стратегии C_4 , наоборот, будет обладать относительно меньшей ценностью и окажется почти нежелаемым. Это означает, что предпочтительность того или иного результата обуславливается выбором главной цели (или выбором в качестве главного ориентира нормы). Поскольку внутренние и внешние цели противоречат друг другу, постольку достижение одних осуществляется за счет или посредством других (расходы – это отрицание доходов). Достижение же нормативных показателей осуществляется за счет и тех и других одновременно.

Однако в условиях повышенного риска и неопределенности критерии, основанные на жестком противопоставлении внутренних и внешних целей, не только не работают, но и приносят очевидный вред. В данных условиях характер критериев должен быть относительным, т.е. учитывать диалектическую взаимообусловленность внутренних и внешних целей. Вместо увеличения или максимизации выгоды и уменьшения или минимизации затрат в таких условиях при ориентации на получение выгоды должен использоваться максиминный критерий, а при ориентации на снижение затрат критерий минимакса. При этом характер рефлексивной оценки возможных результатов действия также должен быть качественно изменен [240].

Использование критерия максимина для определения наиболее желаемого результата из множества равно возможных требует сначала найти наименьшие для каждой стратегии (решения) результаты. В частности, из табл. 4 следует, что для C_1 это 7 единиц, для C_2 – 6, для C_3 – 50, для C_4 – 51. Они обеспечивают уровень безопасности по каждой стратегии. Затем среди них нужно выделить наибольшее значение. В данном случае им будет результат стратегии C_4 – 51.

Использование критерия минимакса, наоборот, требует сначала найти наибольшие возможные результаты. По той же таблице: для C_1 это 28 единиц, для C_2 – 25, для C_3 – 200, для C_4 – 204. Они означают наибольшие потери по каждой стратегии. Из них выбирается наименьшие. Наиболее желаемый результат в таком случае даст стратегия C_2 – 25.

Критерии максимина и минимакса следует использовать и при рефлексивной оценке самого риска. В этом плане важно различать риск не выиг-

рать и риск проиграть. Применение обычных критериев при максимизации возможного риска напрямую ведет к авантюризму. Наоборот, при сведении его к нулю наблюдается перестраховка. Оба случая – переоценка и недооценка – вредны одинаково. Польза риска при его максимальной оценке и сведении его вредности к минимуму по критерию минимакса, таким образом, гарантируется. Для рассматриваемых результатов по табл. 5 максимальный из минимальных рисков имеет стратегия C_4 – 46 единиц, минимальный из максимальных – стратегия C_2 – 13 единиц.

В условиях повышенного риска и неопределенности можно использовать также особый нормативный критерий пессимизма-оптимизма (критерий Гурвица). Он дает представление о ценности равновозможных результатов средней линии поведения с учетом конкретности [241, с. 189–190].

Рефлексивная оценка возможных результатов управленческих действий всегда сопровождается эмоциональными переживаниями субъекта. Особенно они сильные в условиях повышенного риска и неопределенности. Эти переживания являются следствием столкновения разных точек зрения и отражают борьбу возможных внутренних и внешних мотивов деятельности. Определение наиболее желаемых результатов действия вызывает положительные эмоции. К ним естественно устремление субъекта.

Волевой акт рефлексивного выбора способа действия. На заключительной стадии всего процесса подготовки и принятия решений субъекту остается лишь совершить сам акт выбора определенного способа действия. Таким образом, ему нужно фактически **выразить** свое отношение к наиболее желаемому в реальных условиях результату. Однако он может и не принять решение по целому ряду причин, ограничивающих его побуждение. Преодолеть эти ограничения ему помогает воля.

Особая роль рефлексии в процессе волевого акта принятия решений определяется ее местом в структуре сознательного формирования установки¹. Установка выражает готовность субъекта действовать определенным образом, предшествует реальной деятельности и складывается последовательно из трех компонентов: познавательного (когнитивного), оценочного (аффективного) и поведенческого (реакции субъекта), которые являются стадиями определенной готовности (например, стадиями готовности покупателя) [232, с. 204, 265–266, 486]. Место воли, как видно, здесь выражается поведенческим компонентом.

Занимая определенное место в структуре сознательного формирования установки, воля рефлексивно связана с другими ее элементами: познавательным, представленным рефлексивным предвидением, и ценностным, представленным рефлексивной оценкой возможных результатов действия. Без их наличия она просто не возникает. С другой стороны, сознательная

¹ О сознательном формировании установки в принятии решений пишут многие. (См., например: [242, с. 5–23].) Однако здесь много неясностей и нерешенных проблем.

установка не может возникнуть без наличия своего поведенческого компонента, представляемого действием воли. Рефлексивный акт воли, осуществляемый в момент принятия решения, завершает формирование установки.

Воля есть особая операциональная форма рефлексивного отражения отношения субъекта к возможному результату действия. Она восполняет дефицит побуждения (или торможения) активности, обусловливаемый ограничениями реальных условий. В этом смысле следует понимать ее главную регулятивную функцию. Рефлексивный волевой акт, совершаемый в момент принятия решения, не является выбором определенного способа действия **из ряда** возможных. Его действие противопоставляется бездействию в смысле **принятия** способа действия его **непринятию**.

Механизм ликвидации недостатка побуждения (или торможения), осуществляемый волей, представляется в литературе по-разному. Например, В.А. Иванников усматривает его в изменении смысла действия [243, с. 84–125]. Однако сам смысл действия существенно связан со способом действия и им определяется. Это значит, что дополнительное побуждение (или торможение) действия осуществляется за счет принимаемого (или непринятого) решения.

Побуждение деловой активности, выражающееся в принятии решения как определенного способа действия, формально представляется так:

$$(V_{\text{ПРИ}} + НВ_{\text{НЕП}}) > (V_{\text{НЕП}} + НВ_{\text{ПРИ}}),$$

где $V_{\text{ПРИ}}$ – выгода (социально-психологическая, экономическая и др.) от принятия решения; $НВ_{\text{НЕП}}$ – нет выгоды от непринятия решения; $V_{\text{НЕП}}$ – выгода от непринятия решения; $НВ_{\text{ПРИ}}$ – нет выгоды от принятия решения¹.

Поскольку каждый субъект стремится к тому, чтобы баланс между тем, что он получает, и тем, что он отдает (по его субъективному мнению), складывался в его пользу, постольку изменение знака больше ($>$) на знак меньше ($<$) в этой формуле будет означать непринятие данного решения. В таком случае будет наблюдаться торможение активности субъекта.

Принятие или непринятие решения, очевидно, относится через него к наиболее желаемому результату действия. В рефлексивном смысле такой волевой акт завершает решение проблемы обратной связи. Она конкретизируется здесь в виде вопроса: быть или не быть чему-либо (т.е. определенному результату)?² Утвердительный ответ на него действия воли: “Да будет!” (Fiat!).

Как самостоятельный, рефлексивный акт принятия (или непринятия) решения является относительно свободным. Возможная абсолютизация здесь сознательного действия воли, естественно, ведет к волюнтаризму. С

¹ Данная формула по поводу принятия нововведений приводится в кн.: [244, с. 93].

² На эту формулировку вопроса в принятии решений обращает внимание В.А. Абчук [245, с. 131].

другой стороны, воля действует в рамках необходимости по пути (методу) формирования установки. Фатальная предопределенность результатов действия установкой субъекта может быть другой крайностью. Избежать обе крайности в принятии решений реально позволяет ответственность.

Ответственность как мера реализации должного является интегральной характеристикой всевозможных ограничений. Сопровождая принятие (или непринятие) сознательных решений, она рефлексивно противостоит безответственности (когда слово расходится с делом). Важно, конечно, при этом различать ответственность за успех и неуспех дела, ответственность перед собой и другими (в том числе и перед природой), ответственность социальную, экономическую, юридическую, моральную и прочие ее характеристики.

Утвердительный ответ воли в принятии решения, как было сказано, рефлексивно завершает сознательное формирование установки¹. Как готовность субъекта действовать определенным образом, установка нацеливается на результат. Однако в зависимости от того, какой ориентир представляется главным субъекту, наиболее желаемыми для него будут разные результаты. Это может быть и максимизация выгоды, и минимизация затрат, и стабилизация положения субъекта. Таким образом, в принятии решения возникает вполне определенная установка:

1) отрицательная или пассивная (если главным ориентиром субъекта является внутренняя цель);

2) положительная или активная (если главным ориентиром субъекта является внешняя цель)²;

3) нейтральная или компромиссная (если главным ориентиром субъекта является определенная норма).

Одна из таких стратегических установок в конкретной управленческой ситуации и оказывается ведущей.

Функции установок в управлении универсальны: они направляют, организуют и регулируют человеческую деятельность. А их рефлексивная реализация в процессе подготовки и принятия решений лежит в основе самоуправления³.

Обобщая сказанное относительно управления процессом принятия решений, действие его рефлексивного механизма в целом и на отдельных этапах можно представить в виде такой таблицы (табл. 7).

Формы операционального рефлексивного отражения ситуации в процессе принятия решений ориентированы во времени так: рефлексивное предвидение результатов действия – из настоящего в будущее; рефлексивная

¹ В случае непринятия никакого решения установка не возникает.

² Согласно К. Юнгу, интровертная установка субъекта является отрицательной по отношению к объекту, а экстравертная – положительной [246, с. 402, 455, 466–467].

³ Самосознание также оказывается установочным образованием [247, с. 7].

оценка результатов действия (подобно дисконтированию) – из будущего в настоящее; волевой акт рефлексивного выбора способа действия осуществляется всегда в настоящем.

Таблица 7

**Действие рефлексивного механизма принятия решений
в конкретной управленческой ситуации**

Рефлексивные ступени (этапы) принятия решения (формы операционального отражения ситуации)	Вопрос, конкретизирующий проблему обратной связи	Рефлексивный метод (способ) нахождения ответа	Результат рефлексивного решения (ответ)
Предвидение результатов действия	Что будет, если ...?	Метод экстраполяции	Возможные результаты
Оценка результатов действия	Что будет лучше?	Метод субъективной оценки (целесообразность)	Желаемые результаты
Волевой акт выбора способа действия	Быть или не быть чему-либо?	Метод установки	Установкой определенный результат

Рефлексивная логика процесса принятия решений символически представляется в виде следующего умозаключения:

$$\begin{array}{l} \text{Ср} \rightarrow \text{О} \\ \text{О} \rightarrow \text{S} \\ \hline \text{S} \rightarrow \text{Ср} \end{array}$$

где S – субъект; Ср – средство; О – объект. В таком случае мы имеем ценностную рефлексию. Ее исходным пунктом является субъект. Ценностная рефлексия отвечает на вопрос: для чего? (или для кого?). Она управляет процессом принятия решения. (Принятие решения здесь следует понимать в смысле экзистенциального выбора, при котором осуществляется самоутверждение субъекта. В этом смысле принятие решения противопоставляется его непринятию.) Развернутая формула ценностной рефлексии: $S \rightarrow \text{Ср} \rightarrow \text{О} \rightarrow \text{S}'$. Она лежит в основе методологической концепции “управления по целям” (“целевого управления”).

Относительная завершенность этой рефлексии заключается в том, что в форме ее результата – определенной установки – находит свое разрешение третья основная управленческая проблема – проблема обратной связи. Вместе с тем замыкается рефлексивный цикл и всего процесса подготовки и принятия решений, закладываются основы определенной автоматизации, стереотипизации, что, соответственно, разгружает сознание.

Относительная незавершенность рефлексивного процесса принятия решений проявляется в том, что в его результате, т.е. в установке, заложена лишь свернутая программа деятельности, естественно, требующая конкретизации. Это во-первых. Во-вторых, эта установка требует выхода во-вне умственной деятельности, т.е. перехода к ее реализации и контролю.

* * *

В заключении главы можно сказать: развитие саморефлексии субъекта самоуправления со временем приводит к тому, что его механизм подготовки и принятия решений начинает действовать автоматически. Однако это автоматизм воли, замыкающий “на себя” многие результаты такого действия. Закрытые же системы, работающие на собственный интерес, как заметил Б.Н. Ласкорин, порождают технократизм в принятии разнообразных решений и объективно создают предпосылки разнообразных чрезвычайных ситуаций. В таких ситуациях требуется “новая философия управления” [248, с. 4–5].

Глава 3. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В УПРАВЛЕНИИ КРИТИЧЕСКИМИ СИТУАЦИЯМИ

3.1. Критические ситуации и внешнее рефлексивное управление

Рубеж XX–XXI века знаменуется особым вниманием мыслящего человечества к разнообразным критическим ситуациям¹. Причины его достаточно очевидны. Это многочисленные, долго не затихающие конфликты и угрозы новой мировой войны, экологические проблемы и разного рода катастрофы, научно-техническая революция и социально-экономические преобразования общества. В нашей стране это и внутренние потребности реформирования. Возможности рефлексивного управления этими ситуациями оказываются лишь конкретным выражением общих возможностей управления ими.

Проблемы рефлексивного управления в контексте указанных причин, порождающих критические ситуации, являются фундаментальными, требующими специального философского осмысления и разрешения.

Естественно, прежде чем приступить к рассмотрению проблем рефлексивного управления критическими ситуациями и роли философской рефлексии в этом деле, важно проанализировать и оценить соответствующие достижения. Поскольку именно в философском аспекте эти проблемы здесь рассматриваются впервые, нужно учесть достижения тех исследований, которые прямо или косвенно касаются управления критическими ситуациями вообще. Их фон и общие методологические недостатки определяют новизну и значение предлагаемого подхода.

Природа всех методологических проблем управления критическими ситуациями обусловлена, в первую очередь, реальными, объективными обстоятельствами человеческой жизнедеятельности. Отсюда возникает вопрос: что собой представляют эти критические ситуации? Ответ на него является далеко нетривиальным.

В литературе, в быту и практической деятельности к критическим ситуациям относятся:

- трудные ситуации;
- чрезвычайные ситуации;
- катастрофические ситуации;
- экстремальные ситуации;
- аномальные ситуации;
- аварийные ситуации;
- конфликтные ситуации;
- военные ситуации;
- революционные ситуации;
- драматические ситуации;
- спорные ситуации;
- конкурентные ситуации

¹ Исторический взгляд на различные критические ситуации можно найти в работах: [249; 250; 251; 252; 253 и др.].

- парадоксальные ситуации;
- нестабильные ситуации;
- неструктурированные ситуации;
- нестандартные ситуации;
- нештатные ситуации;
- крайние ситуации;
- кризисные ситуации;
- уникальные ситуации;
- сложные ситуации;
- напряженные ситуации;
- стрессовые ситуации;
- патовые ситуации;
- безвыходные ситуации;
- тупиковые ситуации;
- ультимативные ситуации;
- проблемные ситуации;
- ситуации риска;
- ситуации неопределенности;
- пограничные ситуации;
- и др.¹

В литературе имеются также многочисленные попытки унификации этих ситуаций, т.е. их подведения, так сказать, под общий знаменатель². Еще А.А. Богданов, например, исследовал их как формы кризисов [254, с. 208–257]. Современные авторы выявляют и другие основания такого единства. Так, В.Д. Рудашевский устанавливает связь между конфликтом, риском и неопределенностью в проблемных ситуациях [255]. С.А. Тохтабиев и О.С. Разумовский определяют их как экстремальные ситуации [256; 257, с. 40–41]. В.А. Гречанова вскрывает их обусловленность неопределенностью [258, с. 103–132]. Б.Н. Порфирьев исследует их как чрезвычайные [250, с. 31–43], Е.М. Бабосов – как катастрофические [259, с. 12–298] и т.д.

Проведенные исследования обнаруживают много общих свойств и взаимозависимостей между разными группами критических ситуаций. Вместе с тем, однако, выявляется и субъективная (рефлексивная) обусловленность такого многообразия. Оказывается, что любую из критических ситуаций можно рассматривать под разным углом зрения. Их сведение к экстремальным, конфликтным, чрезвычайным и прочее объясняется конкретными интересами исследователей. Таким образом, раскрывается многоаспектность всех критических ситуаций.

Анализ отдельных аспектов критических ситуаций выявляет их общие характеристики в разных областях и видах деятельности. Как следствие – они становятся предметом целого ряда специальных исследований. Разный уровень анализа конфликта, например по схеме А.Я. Анцупова, представляют:

- искусствоведение;
- военная наука;
- история;
- математика;

¹ Представленное многообразие свидетельствует, кроме прочего, о том, что столкновение с этими необычными ситуациями становится вполне обычным.

² В настоящей работе все они рассматриваются как критические ситуации.

- педагогика;
- политология;
- правоведение;
- психология;
- социобиология;
- социология;
- философия [260, с. 79].

Другим примером многоаспектности анализа критических ситуаций является исследование риска. “В настоящее время исследования по анализу риска, – отмечают А.И. Мечитов и С.Б. Ребрик, – вышли за рамки вопросов безопасности и надежности сложных технических систем (атомной энергетики, химического производства, авиации и т.п.) и стали охватывать практически все аспекты поведения и взаимодействия человека с окружающим миром” [261, с. 623].

Многообразие и многоаспектность критических ситуаций порождает необходимость их целостного изучения. Такой подход реализуется в комплексных и системных исследованиях. В этой области современной науки выделяется ряд специализированных прикладных направлений: конфликтология, рискология, катастрофология, кризисология, акмеология и др., однако они не являются сформировавшимися дисциплинами и находятся в процессе становления. По многим основополагающим положениям указанных направлений не смолкают дискуссии. Так, в наиболее развитой среди них – конфликтологии – до сих пор нет единого понимания предмета исследования, не сформирован категориальный аппарат, классификации конфликтов нередко произвольные и т.д. [260].

Вместе с тем, выявляя общие характеристики определенных критических ситуаций (риск, конфликт и т.д.) в разных областях человеческой деятельности, специализированные комплексные и системные исследования вскрывают и их **интегральные особенности**. То, что является, например, риском, конфликтом и т.д. в одной области деятельности, в другой может и не являться. И наоборот. Именно здесь намечается рефлексивный выход на новый, более глубокий уровень их рассмотрения. Вполне очевидно, что он является философским [262, с. 54–55].

Философское осмысление критических ситуаций оказывается необходимым в силу всеобщей диалектической противоречивости, которая лежит в их основе [263; 264; 265, с. 171–188; 257, с. 40–41, 127; 258; 266; 250, с. 7–30; 267, с. 158]. Причем эта противоречивость обнаруживается здесь непосредственно [268; 258] – во взаимодействии субъекта с объектом, во взаимодействии субъектных и объектных факторов [257, с. 119; 258; 269, с. 16–31, 69–78; 270, с. 65; 271 и др.]. Острота и напряженность критических ситуаций свидетельствует также об их особой значимости для субъекта, которая выражается в форме таких его эмоциональных переживаний, как

стресс и фрустрации [272; 273, с. 51–52; 274, с. 117 и др.]. Поскольку в критических ситуациях наличествуют все признаки философских проблем, некоторые авторы называют их и философскими ситуациями [275, с. 111–113].

Однако осмысление критических ситуаций в любом случае будет практически безрезультатным без определенного способа управленческого воздействия на них. В этом плане можно вести речь и о реализации философско-методологической рефлексии.

Конкретных способов управленческого воздействия на субъектные и объектные факторы различных критических ситуаций в литературе приводится немало. Среди них называются: предупредительные меры, разные виды профилактики и терапии, адаптация, локализация, нейтрализация, стабилизация, ликвидация, противодействие, урегулирование, выживание, самосохранение, изменение своей позиции и отношения, переоценка ценностей, защита, использование и т.д. Указанное многообразие неоднородно. Но его методологические основания в действительности сводятся к трем подходам: практическому, теоретическому и ценностному.

Практический подход в методологии управления критическими ситуациями является до сих пор доминирующим. Он характеризуется непосредственным обобщением реального человеческого опыта и представляется в разнообразной литературе – научно-популярной, учебной, в периодических изданиях, словарях, энциклопедиях и т.д. [216; 276–283 и др.], где, как правило, даются конкретные предписания, рекомендации, рецепты и деловые советы.

Методологическая база практического подхода расширяется непрерывно. Наряду с традиционными структурами и службами безопасности (армия, суд, прокуратура, медицинские учреждения, церковь и др.) существенный вклад в обогащение практического опыта управления критическими ситуациями вносят и вновь возникающие специальные службы разведки, спасения, страховые, посреднические организации и т.д.

Несомненным достоинством практического подхода в методологии управления критическими ситуациями является его фактуальная обоснованность. Однако присущий ему эмпиризм на деле оборачивается многочисленными ошибками и зависимостью от случайностей.

Теоретический подход в методологии управления критическими ситуациями достаточно хорошо представлен в научной литературе [284; 234; 250; 259; 285; 286 и др.]. Он отличается более или менее строгим анализом, нередко сопровождающимся различными формализмами и использованием математического аппарата.

Анализ критических ситуаций в этом плане нацелен на выявление их типологии¹ и основных этапов развития, на вскрытие реальных причин и определение возможных стратегий действия. Иногда он дополняется прогнозом последствий.

Методологическая база этого подхода непрерывно расширяется за счет систематического включения теоретических достижений из разных областей научного знания. Ему способствует также компьютеризация и современная вычислительная техника.

Теоретический подход значительно увеличивает возможности внешнего управления критическими ситуациями. Вместе с тем его результаты нередко оказываются довольно абстрактными и оторванными от реалий [287; 288].

Ценностный подход в методологии управления критическими ситуациями стал интенсивно развиваться лишь в последние годы. Он представляется в основном в гуманитарно ориентированной литературе, в частности в психологической [289; 194; 290; 291 и др.]. При данном подходе к критическим ситуациям речь идет об управлении их субъективными факторами: изменении позиции субъекта и его отношения к объективным условиям, переживании, переосмыслении и переоценке ценностей, смене ориентиров, приоритетов и т.д.

Значимость ценностного подхода к критическим ситуациям непрерывно возрастает за счет повышения в современной управленческой деятельности роли культуры.

Ценностный подход существенно увеличивает возможности самоуправления в критических ситуациях. В этом заключается его главное достоинство. Однако он нередко сопровождается недооценкой или переоценкой субъектом своих собственных сил и возможностей, что ведет его к отчуждению от бытия или в мир грез и утопий.

Потребность в обобщении методологического потенциала трех выделенных подходов, а также в освобождении от определенных методологических недостатков ставит на повестку дня проблему их фундаментального единства.

Поиск такого единства осуществляется разными способами: путем сочетания теоретического и практического подхода [292], теоретического и ценностного², ценностного и практического³. Имеются также попытки сочетания всех трех подходов. Такие попытки можно найти, например, в ра-

¹ Таким образом, например, выделяются структурные, функциональные кризисы и кризисы развития, очевидно, выражающие разные аспекты диалектического противоречия.

² Сочетание теоретического и ценностного подхода в методологии управления критическими ситуациями обнаруживается, например, в различных теориях игр. См.: [157; 238].

³ Единство ценностного и практического подхода содержится, например, в идее конкурсного отбора как средства разрешения конфликтов. См.: [293].

ботах Ф.Е. Василюка, В.В. Авдеева, Ю. Меля, А.П. Корнилова и других [272, с. 27–37; 294; 295; 296, с. 3–60; 297; 298; 299]. Однако единство всех трех подходов в них ограничивается составляющими формирования психологической установки субъекта¹.

Именно в органическом синтезе практического, теоретического и ценностного подхода к критическим ситуациям, по мнению автора настоящей работы, и реализуется управленческое действие философской рефлексии. А основанием этого синтеза может быть рефлексивный механизм подготовки и принятия решений. В этой связи необходимо еще раз вернуться к разграничению понятий “самоуправление в критических ситуациях” и “внешнее по отношению к ним управление”.

Разграничение самоуправления и внешнего управления существенно для управленческой деятельности². Как указывают многие исследователи, самоуправление в критических ситуациях затрудняется. Более того, в таких случаях оно часто оказывается просто невозможным [279, с. 3–4; 301; 275, с. 112–113; 302; 303; 304; 305 и др.]. Эта невозможность выражается в утрате субъектом механизма самоуправления и саморегуляции [273, с. 51–52; 306], в неподготовленности его сознания и нарушении самосознания [307, с. 71; 116; 259, с. 69, 268–269], в патологиях процесса подготовки и принятия решений [274, с. 159–160].

Теоретически и практически подтверждается: отмеченные недостатки самоуправления в критических ситуациях преодолеваются с помощью внешнего управления [308; 309, с. 27; 310 и др.]. Таким образом, на него в этих случаях возлагается ведущая роль. Вместе с тем к соотношению самоуправления и внешнего управления и тут нужно подходить диалектически, т.е. учитывать их единство, взаимосвязь и взаимную обусловленность [311–313]. Задачей внешнего управления здесь оказывается восстановление самоуправления субъекта, находящегося в критической ситуации [314; 315, с. 116; 316, с. 201–240].

Роль философской рефлексии в плане внешнего управления критическими ситуациями заключается, очевидно, в восстановлении действия методологических основ самоуправления, в восстановлении функций рефлексивного механизма подготовки и принятия решений. Рефлексивный механизм подготовки и принятия решений является здесь своеобразной парадигмой, представляющей субъекту образец и формы должного поведения в конкретной критической ситуации.

¹ Примечательным является и то обстоятельство, что некоторые авторы увязывают определенные подходы с определенными типами критических ситуаций. См.: [289; 308–310].

² Психологи также различают управление “изнутри” и управление “извне”. См.: [300, с. 398].

Возможность управления различными критическими ситуациями людей привлекала всегда. Среди исследователей связанных с ними проблем есть немало известных. Современное значение в этой области имеют работы Ж. Кювье, К. Маркса, Ф. Энгельса, О. Шпенглера, В. Ленина, А. Богданова, Л. Шестова, П. Сорокина, З. Фрейда, Т. Куна, Ж.-П. Сартра, К. Ясперса, В. Франкла, Дж. Форрестера, И. Пригожина и других. С середины XX века возникают специальности и профессии по управлению конфликтами, кризисами, рисками и т.д. Однако общая методология управления критическими ситуациями пока не сформировалась.

В специальных исследованиях рефлексивных процессов и рефлексивного управления им уделили внимание: В.А. Лефевр, С.М. Вергазов, И.А. Горюнов, Г.И. Давыдова, Н.А. Деева, В.В. Дружинин, Ф.Е. Иванов, М.Д. Ионов, С.А. Комов, Д.С. Конторов, Е.В. Корецкая, В.А. Королев, С.А. Модестов, А.С. Нариньяна, А.К. Осницкая, В.Г. Поляков, О.А. Попова, А.Н. Сапрыкин, И.Н. Семенов, Т.А. Таран, Л.А. Терентьев, Н.В. Толмачева, Н.И. Турко, В.А. Филимонов, М.К. Яблоков и др. [4; 91; 167; 317–326].

Новый этап становления методологии управления критическими ситуациями наблюдается перед XXI столетием [272, с. 3–4, 44–56; 250, с. 31–80; 327 и др.]. Стала все чаще отмечаться и особая роль философской рефлексии в этом деле [90, с. 46–47, 55; 328, с. 14–15; 329 и др.]. Специальное рассмотрение действия философско-методологической рефлексии в управлении субъектом как фактором критической ситуации может быть полезным шагом на этом пути.

3.2. Рефлексивная типология понимания критических ситуаций

Фундаментальной субъективной основой выживания человека в критических ситуациях являются идеалы. Благодаря этим образам должного философская рефлексия позволяет совершать в таких случаях свой “прыжок через пропасть бессилия”. Однако действенность философской методологии обусловлена здесь пониманием критических ситуаций. Задача настоящего параграфа заключается в том, чтобы выявить эту обусловленность.

Несмотря на обилие работ, посвященных многообразной проблематике необычных ситуаций, их общие определения встречаются редко. В связи с неопределенностью понятие “критическая ситуация” употребляется часто наряду со своими разновидностями, фактически сводится к ним и даже подменяется ими. Между тем в силу общности и распространенности в науке и практической деятельности оно вполне может претендовать на представление всех необычных ситуаций.

Среди наиболее известных и теоретически обоснованных подходов к пониманию критических ситуаций в отечественной литературе является подход Ф.Е. Василюка. По его мнению, “критическая ситуация в самом общем плане должна быть определена как ситуация *невозможности*, т.е. такая ситуация, в которой субъект сталкивается с невозможностью реализации внутренних *необходимостей* своей жизни (мотивов, стремлений, ценностей и пр.)” [289, с. 31]. По характеру состояния “невозможности” он определяет и тип критической ситуации. “«Невозможность» же эта определяется, в свою очередь, тем, какая *жизненная необходимость*, оказывается парализованной в результате неспособности имеющихся у субъекта *типов активности* справиться с наличными *внешними и внутренними* условиями жизнедеятельности” [289, с. 32]. Автор использует свой подход в психологической практике и, таким образом, подтверждает его правомерность [294–295; 330].

С точки зрения внешнего управления подход Ф.Е. Василюка требует дополнительной интерпретации критических ситуаций, а философско-методологический аспект этой деятельности – соответствующего разъяснения.

Конкретный пример истолкования понятия “критическая ситуация” современными экономистами представляет французский исследователь Л. Тевено. Он рассматривает случай поведения донора, которое может основываться на двух совершенно разных и даже противоречивых принципах: “Либо человек безвозмездно сдает кровь, руководствуясь принципом солидарности, либо он продает кровь на рынке, как любой другой товар, с целью повышения своего благосостояния”. Указанная альтернатива формирует некую критическую точку. “Двойная система [оценок] рождает сомнения донора – является ли он благородным или просто наивным” [331, с. 70]¹.

Рассматривая данный пример в более широких рамках конфронтации между действующим лицом и интерпретатором (которым может быть как нейтральный исследователь, так и реальный человек, вовлеченный во взаимодействие), Л. Тевено рисует такую таблицу (табл. 8).

Таблица 8

Критические ситуации по Л. Тевено [331, с. 71]

Действующее лицо

	Гражданский	Рыночный
Интерпретатор	Гражданский	Оппортунист
	Рыночный	Реалист

¹ Данный пример Л. Тевено заимствует у одного из наиболее известных представителей неинституциональной экономики О. Уильямсона.

Действующее лицо может планировать свои поступки в соответствии как с “гражданским”, так и с “рыночным” принципом (см. табл. 8 столбцы Гражданский и Рыночный). Первый ориентируется на общее благо, которым является коллективная солидарность, второй – на общее благо, понимаемое как возможность достижения рыночного соглашения. Но эти поступки могут быть оценены интерпретатором также с двух различных позиций (строки Гражданский и Рыночный). Клетки по диагонали (Солидарный и Реалист) соответствуют ситуациям, которые Л. Тевено называет “«естественными» ибо и действующее лицо, и интерпретатор ориентируются на одни и те же существенные причины”. Два других случая, по его мнению, представляют собой “критические ситуации” [331, с. 71].

Разъясняя сказанное, важно отметить следующие два обстоятельства. Первое: критическая ситуация выступает как ситуация, в которой крайнее, предельное обострение противоречий во взаимодействии ее субъектных и объектных факторов проявляется непосредственно¹. Именно отсутствие опосредствования между субъектом и объектом выражается здесь, с одной стороны, как отсутствие у субъекта жизненно необходимых средств, а с другой стороны, как его невозможность.

Второе: любая критическая ситуация всегда оказывается человеческой ситуацией. Субъект в ней присутствует “то ли как ее инициатор, то ли как жертва, то ли как очевидец” [259, с. 28]. На этот факт не часто обращается внимание. Но именно присутствие субъекта в конкретной критической ситуации дает ключ к ее пониманию и именно местоположение в ней субъекта рефлексивно определяет ее тип.

Определенная типология критических ситуаций необходима для углубления их понимания. Типу критической ситуации соответствует и способ ее преодоления. В литературе этот вопрос также решается по-разному.

Ф.Е. Василюк, определение которого здесь принято за основу, по характеру состояния “невозможности” жизнедеятельности субъекта подразделяет все критические ситуации на четыре типа: стрессовые, фрустрирующие, конфликтные и кризисные. Причем в данной последовательности он усматривает определенную закономерность развития [289, с. 33–49; 308].

Б.Н. Порфирьев, трактуя критические ситуации как чрезвычайные, представляет их трехмерную интегральную классификацию. При этом он группирует все чрезвычайные ситуации в 35 основных “типоразмеров” (4 класса ситуаций по признаку причинности, 5 типов – по масштабам воздействия и последствий и 2 типа – по темпам формирования). В более укрупненных

¹ Формально данная противоречивость представляется в виде альтернатив, дилемм, парадоксов, антиномий и т.д.

вариантах число типоразмеров сокращается до 25 (когда признак причинности представлен тремя типами: по естественности происхождения, масштабам воздействия и последствий и темпам формирования) и до 20 (когда признак причинности представлен двумя типами: по преднамеренности ситуаций). Б.Н. Порфирьев отмечает условность границ между всеми типами и классами таких ситуаций [250, с. 36–43].

Е.М. Бабосов, рассматривающий критические ситуации как катастрофические, считает, что конструировать их типологию можно по разным основаниям. По объекту и типу социальности, т.е. масштабности причинной вовлеченности общественных отношений в их возникновение, он выделяет четыре типа: природные, экологические, технологические и социальные. Причем каждый тип, по мнению Е.М. Бабосова, может иметь внутреннюю дифференциацию. По масштабам действия катастрофы подразделяются им на локальные, региональные, страновые и глобальные. По характеру развития – на функциональные и эволюционные. Основное внимание он уделяет первым четырем типам катастроф [259, с. 16–18, 111–225]¹.

При сравнении подходов Ф.Е. Василюка, Б.Н. Порфирьева и Е.М. Бабосова к типологии необычных ситуаций в их основаниях обнаруживаются существенные различия. В работах Б.Н. Порфирьева и Е.М. Бабосова очевиден акцент на объективность. В работах Ф.Е. Василюка, наоборот, акцент делается на психологические переживания, на субъективность. Поскольку любая критическая ситуация является человеческой ситуацией, противопоставление субъективных и объективных оснований в их типологии или классификации правомерным считать нельзя. Отсутствие какого-то звена в опосредствовании субъекта и объекта в данных случаях также не означает их раздельности. Указанное противопоставление снимается, если типологию критических ситуаций определять по характеру рефлексивного **отношения** их субъекта к объекту.

На уровне философского осмысления критических ситуаций становится ясно: осознать конкретную критическую ситуацию – значит адекватно понять положение в ней субъекта. В зависимости от изменения рефлексивной позиции субъекта в критической ситуации характер его отношения к своему объекту существенно изменяется². Любая критическая ситуация в таком случае как бы рассекается по аспектам. При этом каждый “срез” ситуации одновременно объективно выступает и ее особым типом. Таким образом, естественно выявляется их наиболее общая типология.

¹ В литературе имеются и другие типологии необычных ситуаций. В частности, довольно распространенным подразделением чрезвычайных ситуаций является их подразделение по источнику происхождения на антропогенные, техногенные и природогенные. Однако в философии этот вопрос специально пока не рассматривался.

² Позиция субъекта в конкретной критической ситуации может совпадать или не совпадать с источником ее возникновения.

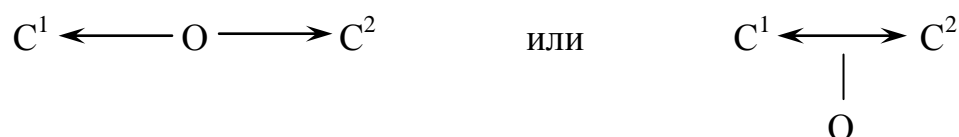
По характеру рефлексивного отношения субъекта к объекту все критические ситуации условно подразделяются на три основных идеальных типа:

- 1) конфликтные (позиция “инициатора”)¹;
- 2) экстремальные (позиция “жертвы”);
- 3) ситуации неопределенности (позиция “очевидца”).

Каждый тип имеет свои специфические особенности, способствующие их распознаванию.

Конфликтные ситуации – это ситуации, потенциально или актуально содержащие конфликт. Конфликт есть социальная форма проявления всеобщего диалектического противоречия. Его можно “определить как осознанное столкновение, противоборство минимум двух людей, групп, их взаимно противоположных, несовместимых, исключаящих друг друга потребностей, интересов, целей, отношений, установок и ценностей, существенно значимых для личностей и групп” [332, с. 84].

Структура идеальной конфликтной ситуации, без вербальных и прочих знаковых посредников, в точности совпадает со структурой герменевтической или диалоговой ситуации². Схематично ее можно представить так:

где C^1 и C^2 – субъекты конфликта; O – объект конфликта³.

Функциональный аспект конфликтной ситуации определяется динамическими характеристиками конфликта: возрастанием или сокращением количества его участников (представляющих субъекты), разной интенсивностью их взаимодействия, переменным успехом в борьбе сторон, временным равновесием сил, трансформацией конфликта в разные формы, процессом разрешения и др.

В развитии конфликта выделяются различные стадии, например: латентная, переход от латентного состояния конфликта к открытому, организован-

¹ Позиция “инициатора” здесь характеризует обоих участников конфликта, поскольку они являются его субъектами.

² “В свою очередь, – пишут Я.Л. Коломинский и Б.П. Жизневский, – возникновение знаков изначально происходит в ситуации столкновения различных побуждений, что, по сути дела, и есть конфликт ... функция знака как раз и состоит в преодолении этой конфликтной ситуации” [333, с. 35].

³ Вторая схема демонстрирует относительную самостоятельность взаимодействия субъектов конфликта. “Выяснение отношений” нередко становится для них самоцелью. В таких случаях первоначальный объект конфликта ими теряется из вида и может быть заменен в принципе любым другим объектом.

ного принуждения и насильственного протекания конфликта [334, с. 118]. Они определяют стадии развития конфликтной ситуации, например:

- 1) возникновение объективной конфликтной ситуации;
- 2) осознание ситуации как конфликтной хотя бы одним из ее участников;
- 3) непосредственный переход к конфликтным действиям;
- 4) разрешение конфликта [335, с. 188–189]¹.

Среди способов завершения конфликта называются также урегулирование (при достижении общей цели) и предотвращение [336, с. 118]. Отмечается, что поиск способов завершения конфликта начинается с осознания ситуации как конфликтной.

В процессе **осознания конфликтной ситуации** субъектом, собственно, и определяется ее человеческая специфика. Причем уровень этого осознания фактически воспроизводит **рефлексивный процесс целеполагания**. На уровне эмоциональных переживаний конфликт представляется как борьба мотивов (побуждений), на уровне понимания – как борьба альтернативных возможностей действия, на уровне видения – как борьба целевых образов². С этой точки зрения сам конфликт предстает “как взаимодействие целеполагателей” [337, с. 161].

Однако столкновение мотивов, альтернативных возможностей действия и целей в конфликтной ситуации осознается каждым ее субъектом в форме проблемы выбора. На этот факт давно обратили внимание психологи [289, с. 121–122; 296, с. 27; 338]. Ее источник заключается в потребительском отношении субъекта к объекту, направленном на овладение им, на его использование в качестве средства. Ограничение этих средств, ресурсов другим субъектом делает такой выбор невозможным и порождает конфликт. Сам конфликт здесь оказывается способом удовлетворения потребностей его инициатора.

Ценностный подход, осуществляемый в процессе рефлексивного целеполагания, определяет существенные характеристики всех конфликтных ситуаций. С точки зрения коренных интересов того или иного субъекта все участники этих ситуаций подразделяются на “своих” и “чужих”, сами конфликты – на антагонистические и неантагонистические, способы их разрешения оцениваются как конструктивные и деструктивные, а их результаты – как позитивные и негативные. В разнообразных типологиях конфликтов также естественно господствуют субъективные основания³.

¹ Стадии развития конфликта и конфликтной ситуации в литературе выделяются и определяются по-разному.

² Фактически об этих подходах к определению конфликта пишет Ф.Е. Василюк. См.: [289, с. 42–43].

³ Довольно распространенным подразделением конфликтов является, например, их подразделение на межгрупповые, межличностные и внутриличностные.

К многочисленным разновидностям конфликтных ситуаций относятся: спорные, драматические, конкурентные и т.п. Человек постоянно оказывается то в одной, то в другой из них. Например, конкурентная борьба, разворачивающаяся на свободном рынке, можно сказать, повседневность для его участников. Здесь конфликт может быть спровоцирован различными факторами: сужением свободы предпринимательской деятельности, ограничением ответственности хозяйствующих субъектов за результаты экономической деятельности, недобросовестной конкуренцией, несвободным ценообразованием и т.д.

В экстремальных ситуациях всеобщее диалектическое противоречие обнаруживается объективно¹. Формы его проявления – это разные формы движения материи. Однако сама экстремальная ситуация тоже имеет человеческую специфику, редко учитываемую в ее абстрактных гносеологических характеристиках². Субъект в ней присутствует как бы в двух ипостасях: реально – как объект, как система в ряду других материальных систем и идеально – как субъективный образ, как цель.

С учетом сказанного экстремальную ситуацию можно определить как ситуацию, характеризующуюся предельными значениями внутренних или внешних условий существования какого-либо объекта (природного, технического, социального), являющимися потенциально или актуально опасными для достижения наиболее важных целей деятельности людей³.

Структура идеальной экстремальной ситуации очевидно асимметрична структуре конфликтной ситуации. Она может быть выражена следующим образом:

$$O^1 \longleftarrow C \longrightarrow O^2$$

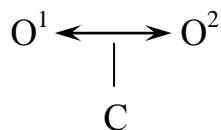
где O^1 и O^2 – объективные внутренние и внешние условия; C – субъект, находящийся в этих противоречивых условиях. Объективные внутренние условия своего существования для субъекта здесь оказывается целесообразным определять как объект, а объективные внешние условия – как его окружающую среду.

¹ “Понятием “экстремальность” обозначают наличие наибольшего и наименьшего в объектах и процессах самой разной природы, т.е. отображают им определенное объективное свойство или состояние” [257, с. 30]. Латинское слово “extremum” означает “край”, “конец”, “предел”.

² “Содержание экстремумов раскрывается через систему субъектно-объектных отношений” [256, с. 70]. О разных подходах в исследовании экстремальных ситуаций см.: [256].

³ Отражение экстремальной ситуации в процессе познания представляет лишь одну из ее сторон. Она с необходимостью должна быть дополнена другой стороной – практической. Идеальные образы познания и материальные формы (результаты) практической деятельности здесь также выступают как предел противоположности.

Однако объективное рассмотрение (познание) их единства и взаимодействия является невозможным без противопоставления всему субъективному. Таким образом, цель им выделяется из данной ситуации. В этой связи структура экстремальной ситуации обретает такой вид:

где O^1 – объект; O^2 – его внешняя среда; C – субъективный образ, цель.

Функциональный аспект экстремальной ситуации характеризуется резкими изменениями ее факторов, большим неравновесием противоречивых условий существования выделенного субъектом объекта, высокой напряженностью между ними, дестабилизацией положения объекта, неустойчивостью его состояния, угрозой распада его структуры и т.д. [339].

Развитие экстремальной ситуации неплохо представляется теорией циклов [340]. В экономике, например, это жизненные циклы предприятия, его продукции, товара на рынке и др. Волнообразная траектория движения определенного объекта объясняется взаимодействием его внутренних и внешних факторов в конкретной ситуации¹. Моменты прогресса и регресса характеризуются как моменты подъема и спада, возрождения и упадка и т.д. Кульминационные, переломные точки на этой траектории обозначаются как предельные характеристики противоположностей, как их минимумы и максимумы.

В процессе перехода объекта из одного состояния в другое, таким образом, выделяются три этапа:

- 1) этап вхождения объекта в область экстремальных значений;
- 2) этап нахождения объекта в области экстремальных значений;
- 3) этап выхода объекта из области экстремальных значений.

Выход объекта из области экстремальных значений своих характеристик может осуществляться тремя путями:

- 1) путем возврата объекта в исходное состояние;
- 2) путем разрушения, утраты целостности, т.е. катастрофы объекта;
- 3) путем перехода объекта в качественно новое состояние, сопровождающееся преобразованием структуры.

Задачей теории в данном случае является расчет оптимальной траектории развития объекта, основанной на объективных закономерностях его взаимодействия со средой. На этом основании она определяет стратегию движения объекта в будущее. Общенаучный, теоретический подход в управлении экстремальными ситуациями выявляет необходимость ликви-

¹ Она воспроизводит в конкретных условиях всеобщую диалектическую закономерность развития по спирали.

дании различных отклонений от объективной логики развития объекта (проявляющихся в виде экстремизмов) и возможность их раннего предупреждения.

Однако для человека потенциально и актуально опасными могут быть все три пути выхода его как объекта из области своих экстремальных характеристик. Это определяется его субъективной целью. “Оптимальность в таком аспекте предстает как единство объективных (экстремальных) и субъективных (выбор) моментов. Поэтому оптимальное описание природных и социальных объектов должно опираться на единство и объективных (экстремальные закономерности), и субъективных (целевых, оценочных) моментов” [341, с. 73]. Вообще же, **экстремальная ситуация характеризуется неспособностью субъекта разработать стратегию достижения собственной цели.** Этот факт отмечается психологами относительно кризисной ситуации [296, с. 27–28]. Причем данная неспособность рефлексивно представляется проблемой связи не только себя как объекта и среды, но и (главное) единства материального с идеальным.

Гносеологическое противопоставление объективного субъективному определяет специфику рефлексии всех экстремальных ситуаций. Таким образом, они подразделяются на природные и социальные, естественные и искусственные, непреднамеренные и преднамеренные, чрезвычайные и кризисные и т.д. Типология, например, кризисов определяется также логикой системного анализа: структурные кризисы, функциональные кризисы и кризисы развития.

К многочисленным разновидностям экстремальных ситуаций относятся не только чрезвычайные и кризисные, но и так называемые тупиковые, аномальные, крайние и т.д. Неумение справиться с ними иллюстрируют примеры банкротств.

Проявления экстремальности многогранны. В экономике это предельная производительность труда и предельная полезность продукта, предельные издержки и предельные выгоды, предельные расходы и предельные доходы и т.д.

Ситуации, главной характеристикой которых является неопределенность, обычно называются **ситуациями неопределенности.** “*Неопределенность* – это понятие, отражающее *момент тождества* противоположностей в противоречивости движения” [258, с. 21]. Она “имеет место постольку, поскольку один и тот же предмет, процесс обладает взаимоисключающими свойствами, при этом, если они количественно равны в отношении исключаящем друг друга, неопределенность абсолютна”. С другой стороны: “Определенность имеет место, когда предмет, процесс, объект обладают одним из взаимоисключающих друг друга свойств” [258, с. 15].

В ситуациях неопределенности всеобщее диалектическое противоречие проявляется непосредственно в отношении человека к миру, в отношении субъекта к объекту. Причем субъект относительно данных ситуаций также может занимать две противоположные рефлексивные позиции – внутреннюю и внешнюю.

Для субъекта, находящегося внутри ситуации неопределенности, она является пограничной. Это значит, что в таком случае он реально находится на границе ее противоположностей, в точке их пересечения, тождества (в критической точке). Находясь между данными противоположностями, он сам выступает как критерий их различения. Восприятие ситуации при этом осуществляется им односторонне. Перед лицом субъекта, как правило, оказываются лишь негативные ее характеристики (К. Ясперс).

Целостное восприятие ситуации неопределенности субъектом может осуществляться только извне¹. Надситуативная точка зрения оказывается в этом случае позицией классического философского дуализма и скептицизма.

Соответственно указанным точкам зрения структура идеальной ситуации неопределенности представляется разным образом:

где С и О – субъективные и объективные факторы ситуации; С¹ – субъект, находящийся в (или выходящий из) данной ситуации.

Функциональный аспект ситуации неопределенности характеризуется размытостью и неразличимостью границ между противоположностями, смешением противоположностей, сочетанием элементов старого и нового, превращением возможного в действительность, другими особенностями переходного периода.

Развитие ситуации неопределенности обуславливается противоречивым взаимодействием неопределенности и определенности. Универсальную взаимосвязь этих моментов действительности представляет современная концепция детерминизма. Согласно этой концепции, условием и источником возникновения определенности является неопределенность. И наоборот. Соответствующим образом раскрывается и многоаспектность неопреде-

¹ Соотношение пограничной ситуации и ситуации неопределенности подобно соотношению модели “белого ящика” и модели “черного ящика” в теории управления, а также соотношению “фигуры” и “фона” в психологии. То, что “изнутри” представляется “белым ящиком” или “фоном” (пограничная ситуация), “извне” представляется “черным ящиком” или “фигурой” (ситуация неопределенности).

ленности. Выделяется, например, субъективная и объективная, количественная и качественная неопределенность и т.д.

Развитие ситуации неопределенности в любой форме подчиняется такой закономерности: определенность – неопределенность – определенность¹.

Основные стадии ее развития здесь определяются возникновением и снятием неопределенности. Причем промежуточной, переходной между ними фазе соответствует стадия ее наиболее развитого или собственного существования.

Мера неопределенности в определенном обозначается категорией “риск“. Риск объединяет в себе понятия “определенность” и “неопределенность”, является их общим выражением. Поэтому ситуация риска является для субъекта частным случаем целостного восприятия ситуации неопределенности. Как следствие, любой риск – это не только опасность, но и возможность субъекта.

Обычный подход к снятию неопределенности осуществляется в процессе принятия решения [258, с. 121–125; 318, с. 212, 218]. Своевременное и верное принятие решения обеспечивает безопасность субъекта, предупреждает возникновение различных критических ситуаций. Однако снятие неопределенности путем упреждения результатов практической деятельности не только решает, но и ставит проблему обратной связи [258, с. 123–124; 318, с. 203–219]. В отсутствие реальных результатов субъекту приходится рефлексивно иметь дело с потенциально возможной ситуацией. В действительности это со временем порождает реальную ситуацию неопределенности. Этот тип критической ситуации психологи определяют как фрустрирующий, связывая его с нежеланием личности преодолевать трудности (барьеры, препятствия) на своем пути или же с непреодолимым стремлением разрушать их [296, с. 27].

Реально ситуация неопределенности чаще всего преодолевается двумя основными способами. Первый из них обычно называется информационным подходом. Рефлексивно он хорошо обеспечивает снятие объективной неопределенности. Второй способ – это ценностный подход. Он рефлексивно обеспечивает снятие субъективной неопределенности путем ее использования. Таким образом, неопределенность становится источником самоопределенности субъекта, основой его самостоятельности.

При невозможности использовать эти подходы в преодолении ситуации неопределенности требуется выход на более общий уровень философской методологии – на уровень философско-методологической рефлексии.

К многочисленным разновидностям ситуации неопределенности относятся всевозможные пограничные, гипотетические, рискованные ситуации и т.д. Человек в процессе своей жизнедеятельности включается в эти ситуа-

ции изначально. Его успехи и неудачи часто напрямую зависят от определенности (неопределенности) возможных и желаемых результатов.

Конфликтные ситуации, экстремальные ситуации и ситуации неопределенности могут совмещаться друг с другом. В таком случае они взаимно дополняют свои характеристики. Примером совмещения конфликтной и экстремальной ситуации является военная ситуация¹. Совмещение конфликтной ситуации с ситуацией неопределенности иллюстрирует патовая ситуация². Совмещение ситуации неопределенности с экстремальной – парадоксальная ситуация.

Особым случаем является совмещение всех трех основных типов критической ситуации. Его примером является революционная ситуация.

Критические ситуации слагаются друг с другом и внутри своего типа. Таким образом, например, возникают двойные кризисы [342]. В этом случае изменяются только их количественные характеристики.

Многообразие всех критических ситуаций также имеет общие – существенные и несущественные – характеристики. К ним относятся: стресс, уникальность, нестандартность и др. Данные характеристики отличают критические ситуации от обычных, конкретизируют их необычность.

В общем плане существенным является то, что ситуации неопределенности также можно рассматривать как пограничные между конфликтными и экстремальными ситуациями. Действительно, в конфликтной ситуации речь идет о субъективном ограничении объективного (средств, ресурсов, возможностей). В экстремальной ситуации, наоборот, осуществляется объективное ограничение субъективного (возникают опасности, угрожающие целям человека). Разграничение субъективного и объективного определенной формой отражения (в ситуации неопределенности) свидетельствует о том, что в данном контексте субъект находится именно в пограничной ситуации. Способ рефлексивного преодоления всех этих ограничений определяется здесь общей диалектикой взаимного превращения обычной и критической ситуации.

В диалектике взаимного превращения обычной и критической ситуации условно выделяются два момента:

- 1) переход обычной ситуации в критическую;
- 2) переход критической ситуации в новую обычную ситуацию.

Сравнение их основных характеристик показывает, **что фактически означает преодоление указанных ограничений и каким образом оно осуществляется. Отсюда же следствие: адекватно понять положение субъекта в**

¹ Современный экологический кризис также можно рассматривать как пример неудачного диалога с природой.

² Пример такого же рода ситуации выражает “дилемма заключенного”. См.: [219, с. 354–362].

конкретной критической ситуации – значит предварительно распознать ее идеальный тип.

Момент перехода обычной ситуации в критическую сопровождается утратой опосредствования между ее субъектом и объектом. Но утрата опосредствования означает не только существенный недостаток средств, но и определенную потерю управляемости в отношении субъекта к объекту. Генезис основных типов критических ситуаций обусловлен определенной потерей управляемости. В частности, источник конфликтных ситуаций заключается в неспособности управлять удовлетворением нужд, потребностей и интересов субъекта. Источник экстремальных ситуаций – в неспособности управлять противоречивым взаимодействием внутренних и внешних условий (факторов) существования какого-либо объекта. А источник всех ситуаций неопределенности кроется в неуправляемости самих средств¹. В любом случае, очевидно, субъект утрачивает основы собственного самоуправления.

Потеря самоуправления в своей сущности сводится к нарушению нормального функционирования рефлексивного механизма подготовки и принятия решений субъектом. Более того, в таком случае нарушается действие и отдельных его частей.

Момент перехода критической ситуации в новую обычную ситуацию, естественно, требует восстановления опосредствования между субъектом и объектом. Восстановление опосредствования между ними, в свою очередь, требует восстановления управляемости ее субъективными и объективными факторами, восстановления всего самоуправления. Но последнее, очевидно, невозможно без полного восстановления рефлексивного функционирования механизма подготовки и принятия решений. Таким образом, при превращении критической ситуации в новую обычную ситуацию управленческая деятельность из средства превращается в цель практической деятельности. Выражая сущность управленческой деятельности, рефлексивный механизм подготовки и принятия решения выступает и ее парадигмой, и идеалом.

Действительно, с точки зрения действующего субъекта, восстановление опосредствования между субъектом и объектом при переходе критической ситуации в новую обычную ситуацию означает возникновение новой границы в освоении субъектом объекта². Причем изначально она формируется рефлексивно, сознательно, – путем целеполагания. Исходными прообраза-

¹ Голландский специалист по проблемам технологической безопасности П. Сталлен констатирует такой парадокс: “Риск является атрибутом технологии, но та же технология есть и средство, с помощью которого мы можем управлять риском”. (Цит. по: [259, с. 184].)

² “Граница конструктивно является опосредствованием”, – отмечают В.И. Моисеев и А.В. Чусов [344, с. 88].

ми в нем, как всегда, являются идеалы¹. Отражая минимум необходимых возможностей, они оказываются оптимальной формой развития сущностных сил человека².

Однако возникновение этой новой границы и здесь является воспроизведением практики [343, с. 161]. Поэтому идеалы “обладают *практической* силой (как регулятивные принципы) и лежат в основе возможности совершенства определенных *поступков*” [22, с. 346]. Практическое отношение субъекта к объекту здесь рефлексивно выражается в прагматическом смысле. Любые целевые образы формируются на смысловой основе и являются, по существу, смысловыми образами³. Смысл самой практической деятельности определяет, например, практические идеалы бизнеса⁴.

Соответственно трем основным идеальным типам критических ситуаций в процессе их преодоления рефлексивно формируются три основных типа идеалов практической деятельности. Это идеалы **использования** возможностей, идеалы **ликвидации** (или устранения) опасностей и идеалы **предупреждения** возможностей и опасностей (или обеспечения безопасности)⁵. В их органическом единстве цикл опосредствования между субъектом и объектом восстанавливается полностью. Прагматический смысл философско-методологической рефлексии заключается в восстановлении этого цикла.

Процесс формирования собственных идеалов для субъекта всегда является трудным делом⁶. Тем более это касается критических ситуаций. Критические ситуации для субъекта потому и оказываются критическими, что он сам в них не может сформировать никакие идеалы. Неумение или неспособность самостоятельно сформировать свои собственные идеалы оборачивается в таких случаях для субъекта следующей дилеммой: **либо уход в себя, либо обращение за внешней помощью к другим.**

¹ “Существует великое множество самых различных идеалов, но функция у них одна – служить *прообразом совершенства*” [345, с. 44].

² Об идеальной форме освоения мира человеком в критических ситуациях пишут также психологи. К.Н. Поливанова, например, анализируя кризисы в детстве человека, утверждает: “Специфика развития в кризисный период состоит в том, что ребенок открывает для себя новую идеальную форму, и ее отношение к реальной становится ситуацией развития” [270, с. 64].

³ “Смысл жизни, – по определению В.Э. Чудновского, – идея, содержащая в себе цель жизни человека, “присвоенная” им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка” [346, с. 15].

⁴ О взаимосвязи практической цели и смысла жизни см.: [347].

⁵ Об идеалах безопасности см.: [250, с. 58–69].

⁶ Поскольку это связано с рефлексивным выходом за пределы наличной ситуации. См.: [349, с. 22].

Уход в себя для субъекта означает отказ от каких-либо идеалов, утрату своей идентичности, общую деградацию. Это путь к примитивизму и первобытным животным инстинктам. Внешним проявлением такой установки оказывается агрессивность. Очевидно, она служит благодатной почвой для криминала.

Обращение за помощью к другим характеризует субъект как общественное существо. Резервуар его внешней помощи в формировании идеалов – общественные силы и опыт. Однако их носители могут представляться ему в различных обликах и формах. Это “Авторитет”, “Посредник”, “Судья”, “Учитель”, “Шаман”, “Мудрец”, “Разум”, “Бог”, “Государство”, “Закон”, “Знание”, “Книга”, “Деньги” и т.д. В такой связи значимость всех социокультурных факторов для субъекта резко возрастает.

Символы социокультурных факторов скрывают от субъекта связанные с ними опасности. Они бывают двоякого рода. С одной стороны, это догматизм (слепое доверие к ним не лучший метод в критических ситуациях). С другой стороны, это релятивизм (возможность внешнего манипулирования с данным субъектом [348]).

Идеалы, формируемые с помощью внешних источников управления, как видно, могут быть истинными или ложными (мнимыми, иллюзорными) [345]. Естественно, ложные идеалы дезориентируют субъекта. Соответствующее им поведение оказывается неадекватным ситуации, чреватым негативными последствиями. Критерием различения истинных и ложных идеалов является их реализуемость в самоуправлении.

Поскольку формирование истинных идеалов субъектом в критических ситуациях связано с решением различных философских проблем, постольку профессиональную методологическую помощь ему в таких случаях может оказать лишь научная философия. В этом плане ее управленческое воздействие на практическую деятельность данного субъекта является непосредственным¹. Роль профессионального философа во внешнем рефлексивном управлении критическими ситуациями, в которых он (этот субъект) оказывается преднамеренно или непреднамеренно, существенно разнообразится. Профессиональный философ может проявлять себя здесь не только в традиционной должности преподавателя (или учителя), выступать не только платоновским “надзирателем” или “наставником”, по Рорти [351, с. 272–288], но и “аналитиком”, “прогнозистом”, “стратегом”, “экспертом”, “консультантом”, “советником”, “посредником”, “медиатором”, “координатором”, “лидером” и т.д.

¹ О возможном участии философа в управлении людьми в необычных ситуациях писал, в частности, А. Кожев. См.: [350].

3.3. Рефлексивное распознавание критических ситуаций

Используя механизм подготовки и принятия решений как критерий объективной оценки, философская рефлексия позволяет определить тип конкретной критической ситуации и предложить находящемуся в ней субъекту непосредственно для выбора в качестве идеала все возможные (основные) стратегии действия. Цель данного параграфа – показать, как осуществляется процесс распознавания критических ситуаций¹.

По определению, данный подход в области внешнего управления существенно отличается от аналогичных подходов, разрабатываемых в специальных прикладных исследованиях. Поэтому необходимо отметить в них то наиболее важное, что может быть использовано философско-методологической рефлексией в критических ситуациях, и то, что не может. Особое внимание среди прикладных исследований в этом плане, естественно, привлекает логотерапия В. Франкла, психотехнология Ф. Василюка, а также инвайронментальное направление в социологии.

Пользующаяся известной популярностью логотерапия В. Франкла изначально нацелена на то, чтобы помочь человеку, попавшему в экстремальную ситуацию, обрести для себя новый смысл жизни. Этот смысл выражается у человека в форме возвышенной цели или идеала. Таким образом, в данных условиях он изменяет свое отношение к жизни: или спасается, или погибает легко и достойно. Методика логотерапии В. Франкла в сущности сводится к сократическому диалогу, где роль другого субъекта общения может играть и Бог [194].

Подход, разрабатываемый Ф. Василюком, представляет своеобразный симбиоз психотерапии З. Фрейда и логотерапии В. Франкла. По мнению Ф. Василюка, способом преодоления критических ситуаций является их переживание человеком, причем личное, поскольку за другого это сделать никто не может. Такое переживание оказывается основой обретения им и нового смысла жизни. Технология внешней помощи человеку, попавшему в критическую ситуацию, заключается в создании условий, благоприятствующих его переживаниям [289; 294; 295; 330].

Сравнивая подходы В. Франкла и Ф. Василюка, важно отметить, что в логотерапии В. Франкла нет теоретического основания, отражающего объективные условия и закономерности развития критических ситуаций. Помощь человеку от Бога научно также не может быть обоснована. Подход Ф. Василюка, наоборот, опирается на разработанную им теорию “жизненных миров”. Однако преодоление критических ситуаций у него, в отличие от В. Франкла, осуществляется не на сознательном, а на бессознательном уровне их отражения человеком. Стереотипные же способы аварийного по-

¹ На узнавание критических ситуаций в аспекте рефлексии над ними обратил внимание Ж.Ф. Ришар [147, с. 198–200].

ведения, господствующие на бессознательном уровне (инстинкты, генетические программы и т.п.), оправдывают себя лишь в типичных биологических условиях [352, с. 33].

Инвайронментальное направление в современной социологии возникло в противодействие возможной экологической катастрофе. В определенном плане оно привлекает внимание потому, что его сторонники в борьбе с надвигающейся опасностью особое значение придают именно изменению сознания человека. Для выхода из экологического тупика, заявляют они, необходимо осуществить революцию в сознании общества и каждого человека, изменить саму парадигму мышления и действия. Свою теоретическую доктрину они возвышают до мировоззренческого уровня, называя ее экософией [259, с. 44–61].

Многочисленные исследования этих и других авторов показывают, что в основе революции в сознании человека действительно лежит изменение его точки зрения, мировоззренческой позиции, которое выражается в изменении отношения субъекта к объекту.

Действие философско-методологической рефлексии в критических ситуациях, очевидно, не может осуществляться на бессознательном уровне. С другой стороны, само осознание своей цели субъектом в таких ситуациях происходит в общении с другим субъектом благодаря ее действию. Но цель субъекта, находящегося в критической ситуации, заключается в восстановлении нарушенного самоуправления. Таким образом, философско-методологическая рефлексия сознательно снимает противоречия указанных подходов¹. В конечном счете она же является здесь самоцелью и первым идеалом практической деятельности субъекта, попавшего или потенциально попадающего в критическую ситуацию.

Направляющая роль идеала в структуре практической деятельности в общем известна [327, с. 7–8]. Поскольку конечная цель как закон также определяет способ и характер действия человека [354, с. 188], постольку идеал также интегрирует (организует) различные действия в систему и побуждает (т.е. регулирует) деятельность человека, выступая ее мотивом. Видение **этого** прообраза совершенного образует основу его выживания в критических ситуациях [355].

Управленческая функция философско-методологической рефлексии в отношении критических ситуаций, как сказано выше, осуществляется извне – в общении людей, в режиме диалога. Ее **предпосылкой** является взаимное понимание двух субъектов: субъекта, находящегося в критической ситуации, и субъекта, выступающего в роли внешнего управляющего. Их взаимное понимание, в свою очередь, предполагает: 1) наличие общего предмета (объ-

¹ “Если субъект сам, «изнутри», не в состоянии отрефлексировать свое неявное предпосылочное знание, то это можно сделать, исследуя его деятельность с «внешней», «надрефлексивной» позиции...” Причем “занять «надрефлексивную» позицию может в принципе и член данного сообщества при определенных условиях” [353, с. 214]. Под неявным знанием здесь понимается знание средств, инструментов, методов и т.п.

екта) диалога; 2) наличие взаимного интереса субъектов друг к другу; 3) наличие у субъектов общего языка, т.е. средства общения. Отсутствие любого из перечисленных компонентов делает взаимопонимание невозможным и, соответственно, невозможным философско-методологическое воздействие на управляемый объект (социальный субъект).

Результативность и эффективность внешнего рефлексивного управления определяется также рядом общих **условий**. В данном случае важно отметить следующие.

1. “Участники” критической ситуации должны воспринимать внешнего управляющего не как “чужого”, а как “своего”. Отсутствие доверия к “чужому” может перерасти в открытое противостояние.

2. Субъект внешнего управления должен знать “изнутри” реальное положение дел, т.е. мысленно занимать позицию “участника” критической ситуации, а не позицию “стороннего наблюдателя”¹.

3. Действия внешнего управляющего должны основываться на реальных возможностях, а не на опасностях, не на угрозах. Последние лишь усугубляют положение субъекта, находящегося в критической ситуации. При этом всегда следует помнить, что возможность может выступить как опасность, и наоборот.

4. Предложения, советы, рекомендации и т.д. внешнего управляющего должны иметь конструктивный, а не деструктивный характер. Дезинформация (где ложь выдается за истину, а истина выдается за ложь) в таких случаях недопустима.

5. В критических ситуациях требуются четкие различия между “да” и “нет”. Неопределенность затуманивает ориентиры.

При соблюдении этих (возможно и некоторых других) условий философско-методологическая рефлексия достаточно четко определяет ход развития критической ситуации; помогает находящемуся в ней субъекту удовлетворять свои наиболее важные интересы; направляет, организует и регулирует его деятельность должным образом.

¹ Говоря о спорах между представителями специальных наук и роли философов в их разрешении, Г. Райл, в частности, пишет: “Конечно, арбитры должны быть нейтральными, но вместе с тем им следует знать изнутри, за что и против чего так горячо сражаются спорящие” [356, с. 120]. Сказанное в определенном смысле справедливо по отношению к любым критическим ситуациям. Вследствие ограниченности объективной позиции “стороннего наблюдателя” действия внешнего управляющего ориентируют лишь на борьбу с “опасностями” – на предупреждение и ликвидацию “опасностей” [250, с. 58–75]. Между тем “участники” критических ситуаций также нередко стремятся использовать их “возможности” в своих интересах.

Оба отмеченных условия усматриваются и в ситуациях антикризисного управления. “Ситуации, в которых приходится действовать антикризисному управляющему, различаются, с одной стороны, тем, ориентируется ли он в своей деятельности на интеграцию с коллективом предприятия или стремится отделиться от работников предприятия, занимая по отношению к ним как бы особую позицию, а с другой – принимает ли его коллектив предприятия в качестве “своего” или рассматривает как “чужого” [292, с. 335].

По характеру управленческого действия философско-методологическая рефлексия является универсальной. Она представляет собой не только “терапию”, но и “хирургию” и, также, “тренинг”. Для того чтобы конкретизировать этот характер относительно критической ситуации, важно выделить два аспекта внешнего рефлексивного управления находящимся в ней субъектом: **формальный** и **содержательный**.

Несмотря на повсеместное распространение разнообразных коммуникаций, **формальный аспект** внешнего рефлексивного управления субъектом, находящимся в критической ситуации, в философии пока не являлся предметом специального исследования. Следствие этого здесь – его практическая неизученность. Среди современных отечественных ученых наиболее глубоко и детально (по ряду характеристик) его исследовал В.А. Лефевр.

В.А. Лефевр рассмотрел рефлексивные аспекты процесса конфликтного управления. В этой связи, как было сказано ранее, ему потребовалось значительно расширить и само понимание рефлексии. Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании, заметил он, это способность встать в позицию “наблюдателя”, “исследователя” или “контролера” по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям.

Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия – это также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому “персонажу”, его действиям и мыслям [362, с. 10]. Рефлексивное управление в этом плане Лефевр определил как особый способ получения информации о партнере: *“Таким образом X получает информацию о Y, поскольку он сам ее в него вложил”* [3, с. 44].

Выделяя элементы процесса принятия решения, В.А. Лефевр показал, как возможно формирование у оппонента конфликта (противника) “плацдарма ситуации”, “цели”, “доктрины” и т.д. [3, с. 50–51]. В развитии рефлексии, по его мнению, можно представить управление и процессом самого рефлексивного управления.

Однако внешнее управление субъектом, находящимся в какой-то критической ситуации (даже в конфликтной), существенно отличается от управления своим оппонентом в конфликте. Их различают позиции внешнего управляющего: надситуативная и ситуативная¹. Да и само управление субъектом в таком случае не может быть эффективным в режиме конфликта. Здесь требуется диалог, т.е. согласие и взаимное сотрудничество².

Обращаясь к диалогу как форме внешнего рефлексивного управления, в данном случае вновь важно вспомнить Сократа. Логотерапия В. Франкла, как сказано ранее, реализуется в сократическом диалоге, подтверждает его современное значение.

¹ Позиция, например, судьи существенно отличается от позиции обвиняемого или потерпевшего.

² Рефлексивному управлению в условиях конфликта В. Лефевр также противопоставляет рефлексивное управление в условиях сотрудничества [91, с. 398–399, 456; 198].

Диалектический метод Сократа совпадал с его диалогом. В структуре такой диалектики-диалога выделяются два существенных момента: “опровержение” и “майевтика”. “Опровержение”, приведение в замешательство, было деструктивным элементом сократического метода. Заставив собеседника признать его, т.е. Сократа, невежество, он понуждал этого собеседника определить объект исследования, затем различными путями делал выводы и подчеркивал их неполноту и противоречивость, затем шел процесс их **критики** и опровержения до того момента, пока собеседник не признавал самого себя невеждой. Это раздражало всезнаек и агрессивных, но лучших людей очищало от фальшивой самоочевидности.

Но душа человека, по Сократу, не может постичь истину, если только она “не беременна”. **Себя же он полагал невеждой** и поэтому не считал вправе нести знания другим. Свою роль он усматривал лишь **во внешней помощи** при рождении истины душой собеседника. Эту помощь Сократ характеризовал как духовное повивальное искусство и называл “майевтикой” [по: 357, с. 71–74].

Рассматривая внутреннюю, логическую форму диалога, Г.Х. Гадамер обнаруживает границу действенности философской рефлексии в учении Гегеля. Эту границу он видит в его монологизме [42, с. 408–409, 434]. Вместе с тем, по Гадамеру, диалектика диалога и здесь сохраняется. Она обретает форму диалектики вопросов и ответов. Причем первенствующую, ведущую роль в ней играет вопрос [42, с. 426–445].

Рефлексия гегелевской философии действительно сводится к монологу. Однако диалог, естественно, монологичен, а монолог – диалогичен [358, с. 75, 189]. Здесь также имеется диалектика. И в этой диалектике рефлексия не может быть односторонней.

Диалектика диалога и монолога позволяет выделить и различить в коммуникации два типа рефлексии: саморефлексию и взаимную рефлексию. Саморефлексия субъекта, по сути, есть его собственное отражение. Она монологична. Взаимная рефлексия, по сути, есть взаимное отражение разных субъектов. Она диалогична. Поскольку в основе монолога лежит прямая (с собеседником) связь, а в основе диалога – обратная связь, они взаимно дополняют друг друга как все диалектические противоположности. Позиции же собеседников при этом могут меняться. Поэтому прямая связь здесь может выступать как обратная, а обратная – как прямая. В этом тождестве монолога и диалога, саморефлексии и взаимной рефлексии и заключаются реальные основания внешнего рефлексивного управления субъектом с надситуативной позиции.

Внешнее рефлексивное управление субъектом, находящимся в критической ситуации, может и должно быть всегда основано именно на взаимной рефлексии. С внешнеорефлексивной или надситуативной позиции вышесказанное предстает в другом свете.

С внешне-рефлексивной позиции становится ясно, что субъект, находящийся в какой-либо критической ситуации, не должен подвергаться критике, как предлагал в свое время Сократ¹. Критика в таком случае лишь усугубляет и без того тяжелое его положение. Когда он находится в критической ситуации, извне должна даваться объективная оценка его реального положения. И помощь ему извне также должна быть не наводящими вопросами, а ценными рекомендациями и советами, содержащими реальные знания как ответ.

Субъективный вклад внешнего управляющего определяется в таком случае его профессиональными знаниями и навыками. Об этом свидетельствует не только практический опыт самих управляющих, но и практический опыт представителей самых разных профессий, имеющих дело с людьми, – судей, врачей, учителей и т.д. **Профессиональная методологическая помощь философа в этом плане заключается в том, чтобы помочь субъекту, попавшему или потенциально попадающему в критическую ситуацию, отразифлексировать методологические предпосылки своей собственной деятельности: восстановить свою саморефлексивность, восстановить в своем сознании функции рефлексивного механизма подготовки и принятия решений.**

Выражая суть управленческой деятельности, механизм подготовки и принятия решений в данном случае обретает парадигмальный характер. Поэтому он может использоваться субъектом внешнего управления в качестве критерия объективной оценки (интерпретации) ситуации и предструктуры ее понимания².

Действительно, следуя логике вопросов и ответов определенного механизма подготовки и принятия решений (см.: гл. 2), в диалоге с субъектом (находящимся в критической ситуации) можно более или менее ясно представить (и понять), в какой именно ситуации он находится. Кроме того, та же логика (схематично) указывает и на его основные операциональные возможности в данной ситуации. Причем, видимо, совершенно не важно, с какой стороны здесь ставится тот или иной вопрос и с какой стороны на него здесь дается ответ. В любом случае при их диалектическом соответствии, тождестве устанавливается взаимное понимание субъектов этого диалога, их общее понимание сути дела и положения вещей.

Структура построенного таким образом диалога воспроизводит известный герменевтический круг. Он образуется рефлексивными циклами самого механизма подготовки и принятия решений. В зависимости от контекста конкретной критической ситуации этот круг обретает специфику и соответствующую форму выражения. Как следствие, восстановление функций рефлексивного механизма подготовки и принятия решений сопровождается перестройкой смысловых структур в сознании обоих субъектов.

¹ На этот недостаток сократического диалога обратил внимание Л. Шестов. См.: [359, с. 97–100].

² Понятия “парадигма” (Кун), “предструктура понимания” (Хайдеггер), “матрица понимания” (Тулмин), “понятийная сетка” (Библер) в этом смысле являются тождественными.

Благодаря герменевтическому кругу субъект внешнего рефлексивного управления интерпретирует критическую ситуацию дважды: во-первых, для себя и, во-вторых, для другого (или для других). В первом случае речь идет о его внутренней интерпретации, во втором – о внешней. Внутренняя интерпретация позволяет осознать (узнать, распознать) тип конкретной критической ситуации, внешняя интерпретация – определить основные стратегии действия (основные операциональные возможности) находящегося в ней субъекта. Причем внутренняя и внешняя интерпретация оказываются диалектически связанными.

Осознанные таким образом стратегии могут предлагаться субъектом внешнего рефлексивного управления своему подопечному в форме советов и рекомендаций. При принятии же какой-то из этих стратегий участником критической ситуации в качестве руководства к действию она обращается в его главную, конечную цель, т.е. в его идеал. То, что с внешней точки зрения выступает как стратегия действия, с внутренней точки зрения всегда представляется как цель [214, с. 149; 216, с. 33–42].

Рассмотрение **содержательного аспекта** внешнего рефлексивного управления субъектом, находящимся в критической ситуации, предполагает раскрытие сущности ее внутренней и внешней интерпретации. Этот аспект философской методологии также пока специально не исследовался.

При рассмотрении обычной управленческой ситуации ранее выяснилось, что определенной точке зрения, позиции в ней субъекта соответствует определенная управленческая проблема и способ ее разрешения. Так, например, с позиции объекта определялись проблема выбора и способ духовно-практической деятельности, представленный механизмом целеполагания (см.: параграф 1.4.). Для критической ситуации в плане внешнего управления логично обратное¹. Это значит, с одной стороны, что **отсутствие** определенного способа или части рефлексивного механизма подготовки и принятия решений у находящегося в ней субъекта свидетельствует о его месте в данной ситуации, о характере его отношения к своему объекту, о типе конкретной ситуации. С другой стороны, **наличие** определенных частей рефлексивного механизма подготовки и принятия решений у данного субъекта свидетельствует об определенных операциональных возможностях этого субъекта в данной ситуации. Таким образом, суть внутренней интерпретации конкретной критической ситуации субъектом внешнего рефлексивного управления заключается в ее рассмотрении сквозь призму рефлексивного механизма подготовки и принятия решений изнутри, т.е. с точки зрения находящегося в ней субъекта. Суть же внешней интерпретации в этом случае заключается в рассмотрении критической ситуации сквозь призму рефлексивного механизма подготовки и принятия решений извне, т.е. с точки зрения самого внешнего управляющего.

¹ Направленность философско-методологической рефлексии внешнего управляющего в этом случае является противоположной, чем в случае самоуправления, при выделении ею методологических основ механизма подготовки принятия решений.

Как показывает предыдущий типологический анализ (см.: параграф 3.2), конфликтная ситуация характеризуется ограничением реальных возможностей удовлетворения нужд, потребностей или интересов ее инициатора, т.е. отсутствием у него целостного рефлексивного механизма целеполагания. Признаками этой ситуации является борьба мотивов, альтернативных возможностей действия, столкновения целей. Экстремальная ситуация характеризуется неспособностью субъекта разработать стратегию достижения собственной цели, т.е. отсутствием у него целостного рефлексивного механизма решения проблем связи. Ее признаками являются так называемые “измы” в поведении субъекта. А ситуация неопределенности (пограничная для находящегося в ней субъекта) характеризуется в первую очередь неопределенностью результатов действий находящегося в ней субъекта. Что напрямую связано с отсутствием у него целостного рефлексивного механизма принятия решений. Признаки этой ситуации – перестраховка или авантюризм ее субъекта.

Из этого ясно, что в конфликтной ситуации, характеризующейся ограничением реальных возможностей того или иного субъекта, сам конфликт **используется** субъектом как средство удовлетворения своих нужд, потребностей, интересов. Конфликт же оказывается и способом целеполагания ее субъектов. Отсюда происходит борьба мотивов, альтернативных возможностей действия и столкновение целей в такой ситуации. Экстремальная ситуация определяется субъектом “необычными” методами **ликвидации** ее опасностей, а ситуация неопределенности – невозможностью без риска **предупредить** результаты своих действий. Связь основных частей рефлексивного механизма подготовки и принятия решений с основными типами критических ситуаций и способами практического действия находящегося в них субъекта при внутренней интерпретации представляется однозначной (табл. 9).

Таблица 9

Связь частей рефлексивного механизма подготовки и принятия решений с типами критических ситуаций и операциональными возможностями субъекта

Тип критической ситуации	Часть рефлексивного механизма подготовки и принятия решений	Рефлексивные способы практического действия, определяющие тип критической ситуации
Конфликтная ситуация	Целеполагание	Использование
Экстремальная ситуация	Решение проблем связи	Ликвидация
Ситуация неопределенности (пограничная)	Принятие решений	Предупреждение

3.4. Формирование рефлексивных стратегий управления критическими ситуациями

Данный параграф посвящен философской рефлексии над механизмом подготовки и принятия решений “чужой” управленческой деятельности, т.е. субъекта, находящегося в критической ситуации (которая является объектом внешнего рефлексивного управления).

Каждую критическую ситуацию можно рассматривать с разных точек зрения. Например, конфликтную ситуацию можно рассматривать как экстремальную и как ситуацию неопределенности. Задачей внешней интерпретации, как сказано выше, является определение основных операциональных возможностей субъекта, находящегося в конкретной критической ситуации, при ее рассмотрении с иных рефлексивных точек зрения, с иных рефлексивных позиций¹.

Преыдущий анализ показывает, что наличие у субъекта целостного рефлексивного механизма целеполагания, выражающегося в наличии реально достижимой цели, говорит о его возможности использовать объективные факторы конкретной критической ситуации для непосредственного удовлетворения своих нужд, потребностей или интересов. Наличие у него целостного механизма решения проблем связи, выражающегося в наличии стратегии действия, говорит о способности субъекта ликвидировать определенные опасности, угрозы обычными методами. А наличие у субъекта целостного рефлексивного механизма принятия решений, выражающегося в определенной установке, говорит о его возможности без особого риска предупредить определенные отрицательные или положительные последствия своих действий.

Единство и опосредствование внутренней и внешней интерпретации критической ситуации достигается в ее операциональной интерпретации. При этом создается ее модель, схема, картина или карта, которая дает наглядное изображение конкретной критической ситуации и является удобным инструментом внешнего управления [316, с. 142–143, 180–181].

Как показывает теория фазовых переходов, процесс превращения обычной ситуации в критическую и обратно является сложным и неоднозначным [361–363]. Ветвление и поливариантность такого процесса лучше всего отобразить с помощью специальной матрицы, учитывающей все многообразные сочетания элементов (частей) рефлексивного механизма подготовки и принятия решений (табл. 10).

¹ Позиция субъекта, определяющая тип критической ситуации, существенно отличается от иных его точек зрения в одной и той же ситуации. Основоположник транзакционного анализа Э. Берн аналогично отличает “позицию” и “роль”, которую может играть человек в общении с другими [360, с. 197–198].

Матрица сочетания элементов (частей) рефлексивного механизма подготовки и принятия решений

№	Целеполагание	Решение проблем	Принятие решений
1	+	+	+
2	–	+	+
3	+	–	+
4	+	+	–
5	–	–	+
6	–	+	–
7	+	–	–
8	–	–	–

Интерпретировать представленную матрицу сочетания элементов (частей) рефлексивного механизма подготовки и принятия решений по отношению к управленческой ситуации можно следующим образом.

В первой строке знаками “плюс” (+) обозначено наличие всех частей целостного рефлексивного механизма подготовки и принятия решений. Соответствующая этому случаю ситуация является “обычной”. В такой ситуации субъект сам справляется со своими проблемами. Здесь действует рефлексивный механизм самоуправления.

Во второй строке знаком “минус” (–) обозначено отсутствие целостного рефлексивного механизма целеполагания (отсутствие исчерпывающих ответов на вопрос что делать?). Этому случаю соответствует конфликтная ситуация. Субъект, потенциально или актуально находящийся в такой ситуации, использовать ее объективные факторы непосредственно не может. Однако наличие у субъекта рефлексивного механизма решения проблем связи и рефлексивного механизма принятия решений (знаки “плюс” в матрице) свидетельствует о том, что он понимает, как следует действовать в такой ситуации и для чего. Это значит, что он может предупредить ее возможности и опасности и/или ликвидировать ее опасности¹.

В третьей строке матрицы знак “минус” обозначает отсутствие целостного рефлексивного механизма решения проблем связи (отсутствие исчерпывающих ответов на вопрос как?). Такому случаю соответствует экстремальная ситуация. Субъект, потенциально или актуально находящийся в ней, не может обычными методами справиться с ее опасностями и угроза-

¹ Преднамеренное создание критических ситуаций, с целью дальнейшего их использования, очевидно, является предупреждением их возможностей.

ми. Однако наличие у субъекта рефлексивного механизма целеполагания и рефлексивного механизма принятия решений (знаки “плюс” в матрице) свидетельствует о его понимании, что делать в данной ситуации и для чего. Это значит, что он может предупредить опасности и возможности и / или использовать возможности экстремальной ситуации.

В четвертой строке знаком “минус” обозначается отсутствие целостного рефлексивного механизма принятия решений (отсутствие исчерпывающих ответов на вопросы для чего? или ради чего?). Этому случаю соответствует ситуация неопределенности. Субъект, находящийся в ней, воспринимает ее как пограничную ситуацию. В таком случае он сам не может без риска предупредить ни опасностей, ни возможностей данной критической ситуации. Однако наличие у субъекта рефлексивного механизма целеполагания и рефлексивного механизма решения проблем связи (знаки “плюс” в матрице) свидетельствует о его понимании, что и как делать в данной ситуации. Это означает, что он может ликвидировать ее наличные опасности и/или использовать ее наличные возможности.

В пятой строке два знака “минус” обозначают отсутствие и целостного рефлексивного механизма целеполагания, и целостного рефлексивного механизма решения проблем связи (отсутствие исчерпывающих ответов на вопросы что делать? и как?). Этот случай фиксирует совмещение конфликтной ситуации с экстремальной. Субъект, находящийся в такой сложной ситуации, не только не может непосредственно использовать ее возможности, но также не может обычными методами ликвидировать и ее опасности. Однако наличие у субъекта целостного рефлексивного механизма принятия решений (знак “плюс” в матрице) свидетельствует о его понимании, для чего или ради чего следует действовать в данной ситуации, т.е. о его субъективной готовности действовать. Это означает, что он может без особого риска предупредить и ее опасности, и ее возможности.

В шестой строке два знака “минус” обозначают отсутствие целостного рефлексивного механизма целеполагания и целостного рефлексивного механизма принятия решений (отсутствие исчерпывающих ответов на вопросы что делать? и для чего?). Этот случай фиксирует совмещение конфликтной ситуации с ситуацией неопределенности (представляющейся находящемуся в ней субъекту пограничной ситуацией). В такой сложной ситуации субъект не может без риска предупредить ни ее опасности, ни ее возможности и не может непосредственно использовать эти возможности. Однако наличие у субъекта целостного рефлексивного механизма решения проблем связи (знак “плюс” в матрице) свидетельствует о его понимании, как следует действовать в этой ситуации. Это означает, что он может обычными методами ликвидировать ее наличные опасности и угрозы.

В седьмой строке два знака “минус” обозначают отсутствие целостного рефлексивного механизма решения проблем связи и целостного рефлексивного механизма принятия решений (отсутствие исчерпывающих ответов на вопросы

как делать? и для чего?). Этот случай фиксирует совмещение экстремальной ситуации с ситуацией неопределенности (представляющейся находящемуся в ней субъекту пограничной ситуацией). В такой сложной ситуации субъект не может без риска предупредить ни ее возможности, ни ее опасности и не может обычными методами ликвидировать эти опасности. Однако наличие у субъекта целостного рефлексивного механизма целеполагания (знак “плюс” в матрице) свидетельствует о его понимании, что следует делать в этой ситуации. Это означает, что он может непосредственно использовать ее наличные возможности.

В восьмой строке знаками “минус” обозначено отсутствие всех частей целостного рефлексивного механизма подготовки и принятия решений (отсутствие исчерпывающих ответов на все три главных вопроса: что делать? как? и для чего?). Эта “необычная” ситуация является совершенно неопределенной не только для находящегося в ней субъекта, но и для внешнего управляющего. Причем в таком случае субъект внешнего рефлексивного управления сам находится в пограничной ситуации. Этот особый случай как раз и требует специальной философско-методологической рефлексии¹.

Очевидно, что для углубленного понимания операциональных возможностей, предлагаемых субъектом внешнего рефлексивного управления субъекту, находящемуся в той или иной критической ситуации, в качестве стратегий ее преодоления, необходимо дальнейшее раскрытие их прагматического смысла.

Стратегии соотносимы с реальными условиями жизнедеятельности субъекта и ими существенно определяются. Последние, в свою очередь, могут быть благоприятными или неблагоприятными. Объективно оценивая условия местонахождения своего объекта (социального субъекта), субъект внешнего рефлексивного управления интерпретирует их в понятиях “возможности” и “опасности”. При этом “под опасностью понимается способность причинить какой-либо вред, угроза жизни и здоровью человека, иным его ценностям” [250, с. 33], а под возможностью – противоположная способность.

Соотношение возможности и опасности в критических ситуациях оказывается диалектически противоречивым. Отсутствие опасности может представляться здесь как возможность. И наоборот, утрата возможности может выступать как опасность. Их диалектический синтез выражается категорией “безопасность”². Она отражает баланс предельных значений опасностей и возможностей, поэтому ее можно определить как сохранение нормальной жизнедеятельности субъекта в разных условиях или просто как сохранение его собственной целостности³.

¹ Смысл самой философско-методологической рефлексии заключается в том, чтобы опосредствовать эту “крайнюю” ситуацию и “обычную” ситуацию.

² Соотношение понятий “возможность – опасность – безопасность” аналогично соотношению понятий “жизнь – смерть – бессмертие”.

³ Понятие “безопасность” в отечественной литературе не подвергалось специальной философской рефлексии. Нередко оно совпадает с понятием “нулевой риск”.

Смысл основных рефлексивных стратегий действия субъекта, потенциально или актуально находящегося в какой-либо критической ситуации, таким образом, сводится:

- 1) к использованию **возможностей** критической ситуации;
- 2) к ликвидации **опасностей** критической ситуации;
- 3) к обеспечению собственной **безопасности**.

Причем использование возможностей и ликвидация опасностей всегда относится к актуальной ситуации, т.е. к ситуации, в которой уже находится субъект. А обеспечение безопасности относится к потенциальной ситуации, в которой он может находиться. Последнее может осуществляться лишь заблаговременно, путем предупреждения определенных опасностей и возможностей.

Взаимосвязь рефлексивных стратегий действия (основных операциональных возможностей) субъекта, потенциально или актуально находящегося в различных критических ситуациях, с реальными условиями его жизнедеятельности в них можно представить так (табл. 11).

Представленная таблица 11 позволяет понять условность прагматического смысла определенных рефлексивных стратегий. Она определяется не только главной позицией субъекта в конкретной критической ситуации, но и его ролью, которую он может играть, предупреждая, ликвидируя и используя ее главные переменные характеристики¹.

Таблица 11

**Взаимосвязь рефлексивных стратегий действия субъекта
с реальными условиями его деятельности
в различных критических ситуациях**

Рефлексивные стратегии (основные операциональные возможности)	Тип критической ситуации		
	конфликтная	экстремальная	неопределенная (пограничная)
Предупреждение	Безопасность	Безопасность	Безопасность
Ликвидация	Опасность	Опасность	Опасность
Использование	Возможность	Возможность	Возможность

¹ Смысл рефлексивных стратегий, определяющих тип критической ситуации, детерминируется условиями в выделенных клетках этой таблицы.

Глава 4. ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД СТРАТЕГИЯМИ УПРАВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКИМИ СИТУАЦИЯМИ

Философско-методологическая рефлексия выявляет прагматический смысл различных стратегий управления критическими ситуациями. Таким образом, она предопределяет идеалы деятельности субъекта в них попадающего. В типичных случаях для осмысления стратегий управления конфликтом наиболее адекватной оказывается полагающая рефлексия, для осмысления стратегий управления экстремальностью – внешняя рефлексия, для осмысления стратегий управления неопределенностью – определяющая рефлексия. Полагающая, внешняя и определяющая рефлексия здесь употребляются в гегелевском понимании и выражаются в соответствующей акцентировке внимания.

4.1. Полагающая рефлексия над стратегиями управления конфликтом

Предупреждение конфликтов. Наиболее эффективной стратегией рефлексивного управления конфликтными ситуациями является **стратегия предупреждения конфликтов**. Естественно, их можно предупреждать, осуществляя в целом эффективное управление социальной системой. Однако специальная деятельность в этом направлении связана с рефлексивным процессом принятия решений. У социального субъекта, как одного из инициаторов различных конфликтов, появляется возможность их своевременного предупреждения и, таким образом, обеспечения своей безопасности, если он следует логике рефлексивного механизма принятия решений. В этом случае социальный субъект специально занимает особую рефлексивную позицию по отношению к потенциальной конфликтной ситуации – позицию ее “очевидца”.

Логика рефлексивного механизма принятия решений, как показано ранее, предполагает:

- 1) предвидение (прогнозирование) результатов противоречивого социального взаимодействия, т.е. конфликтов;
- 2) оценку этих результатов, т.е. оценку конфликтов;
- 3) выбор способа конфликтного взаимодействия.

Каждая из этих стадий в предупреждении конфликтов является существенной.

В литературе нередко отмечается, что **предвидение** или **прогнозирование конфликтов** является основой их предупреждения. Однако механизм их возникновения представляется по-разному. С.М. Емельянов, вслед за В.П. Шейновым, приводит, например, три его формулы. Первая формула возникновения конфликта (КФ) схематично им выражается так:

$$\text{КФГ}_1 \rightarrow \text{КФГ}_2 \rightarrow \text{КФГ}_3 \rightarrow \dots \rightarrow \text{КФ},$$

где КФГ₁ – первый конфликтоген; КФГ₂ – второй конфликтоген, ответный на первый; КФГ₃ – третий конфликтоген, ответный на второй, и т.д. Под конфликтогенами же понимаются слова, действия (или отсутствие действий), которые могут привести к конфликту.

При этом С.М. Емельянов отмечает, что по наблюдениям специалистов 80% конфликтов возникает по такой формуле.

Вторая формула отражает зависимость конфликта (КФ) от конфликтной ситуации (КС) и инцидента (И) и выражается следующим образом:

$$\text{КС} + \text{И} = \text{КФ}^1.$$

Третья формула отражает зависимость конфликта (КФ) от нескольких ситуаций (КС). Ее выражение таково:

$$\text{КС}_1 + \text{КС}_2 + \dots + \text{КС}_n = \text{КФ}, \text{ при этом } n \geq 2 \text{ [364, с. 45–47].}$$

В практике прогнозирования межличностных конфликтов широкую популярность приобрела теория транзакционного анализа, разработанная в 60-х годах XX века американским психотерапевтом Эриком Берном. Он заметил, что в различных ситуациях люди занимают различные позиции по отношению друг к другу, и это находит свое выражение в их взаимодействиях (транзакциях). Основными позициями, по его мнению, являются три. Э. Берн условно назвал их: **Родитель, Взрослый, Ребенок (Дитя)**. Их поведенческие характеристики существенно различаются [365].

Анализ результатов межличностного взаимодействия, согласно теории Э. Берна, осуществляется по следующему алгоритму:

1. Составляется матрица, представляющая двух субъектов межличностного взаимодействия с их возможными позициями.
2. Из субъектов выделяется “инициатор” (S_И) и “мишень” (S_М).
3. Определяется позиция каждого из субъектов: Родитель (Р), Взрослый (В), Дитя (Д).
4. Согласно занимаемой позиции выясняется направленность транзакции каждого субъекта.
5. Определяется сумма расхождений в позициях.
6. Делается вывод:

¹ Иногда эту формулу конкретизируют: конфликт = участники + объект + конфликтная ситуация + инцидент.

а) если сумма расхождений по матрице равна нулю, то ситуация бесконфликтная;

б) если сумма расхождений по матрице от одного до четырех, то это свидетельствует о наличии конфликтной ситуации (рис. 8).

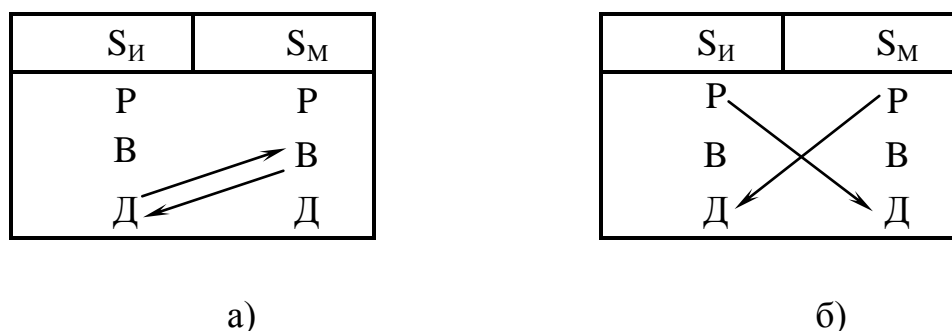

Рис. 8. Матрицы результатов транзакционного анализа согласно Э. Берну: а) отсутствие конфликтной ситуации; б) наличие конфликтной ситуации [364, с. 49–50]

Вполне очевидно, что алгоритм транзакционного анализа, определяющий конкретный механизм возникновения конфликтной ситуации, вписывается во все ранее приведенные общие формулы.

Вместе с тем обращает на себя внимание разнообразие наименований ролевых позиций в транзакционном анализе. В треугольнике власти, например, они обозначаются как “Мучитель”, “Жертва” и “Спаситель”; в треугольнике самопознания как “Учитель”, “Ученик” и “Посредник” [366, с. 85–90]. В действительности же, распределение ролей, где два субъекта находятся между собой в оппозиции, а третий оказывается посредником, встречается в различных ситуациях повсеместно [367, с. 108–110; 194, с. 300; 368, с. 234–256 и др]. Причем эти субъекты могут представлять совершенно разный уровень социальной организации¹. Все это дает основание предельно широкому толкованию приведенного алгоритма и его использованию в практике прогнозирования конфликтных ситуаций разного типа на уровне философско-методологической рефлексии.

Используя (вместо символов “Родитель”, “Взрослый”, “Дитя”) ранее принятые обозначения **реальных позиций** субъекта в различных критических ситуациях (“Инициатор”, “Очевидец”, “Жертва”), можно построить матрицу любых социальных взаимодействий, в которой, однако, все участники будут находиться на рефлексивных **ролевых позициях**. Причем при необходимости каждая из этих позиций может расчленяться, таким образом, многократно.

¹ Посредником в урегулировании военного конфликта может быть, например, государство.

В общем случае рефлексивный механизм прогнозирования конфликтов любым из его субъектов оказывается достаточно простым: любая реакция другого субъекта, не совпадающая с собственными ожиданиями (не адекватная собственной точке зрения), воспринимается первым субъектом как возможность конфликта. При повторении таких реакций эта возможность перерастает в конфликт.

Три общие рефлексивные ролевые позиции, присущие каждому субъекту социального взаимодействия, определяют и способы их взаимных реакций. Из девяти теоретически возможных вариантов конфликтного поведения Р. Блэйк и Дж. Моутон в “решетке менеджмента” выделили пять основных. Впоследствии К. Томас и Р. Киллменн их обозначили как: 1) уклонение, 2) приспособление; 3) соперничество; 4) сотрудничество; 5) компромисс. Вначале эти способы относились к межличностным конфликтам, затем начали распространяться на все их типы¹. Во всех случаях выбор способа поведения каждым субъектом связывался с предварительной оценкой конфликта.

Для оценки конфликтного взаимодействия К. Томас и Р. Киллменн определили два основных критерия: **напористость** (степень настойчивости в достижении своих целей) и **кооперативность** (степень готовности учитывать цели партнеров). В соответствии с этими критериями они классифицировали основные способы поведения субъектов конфликта таким образом (рис. 9).

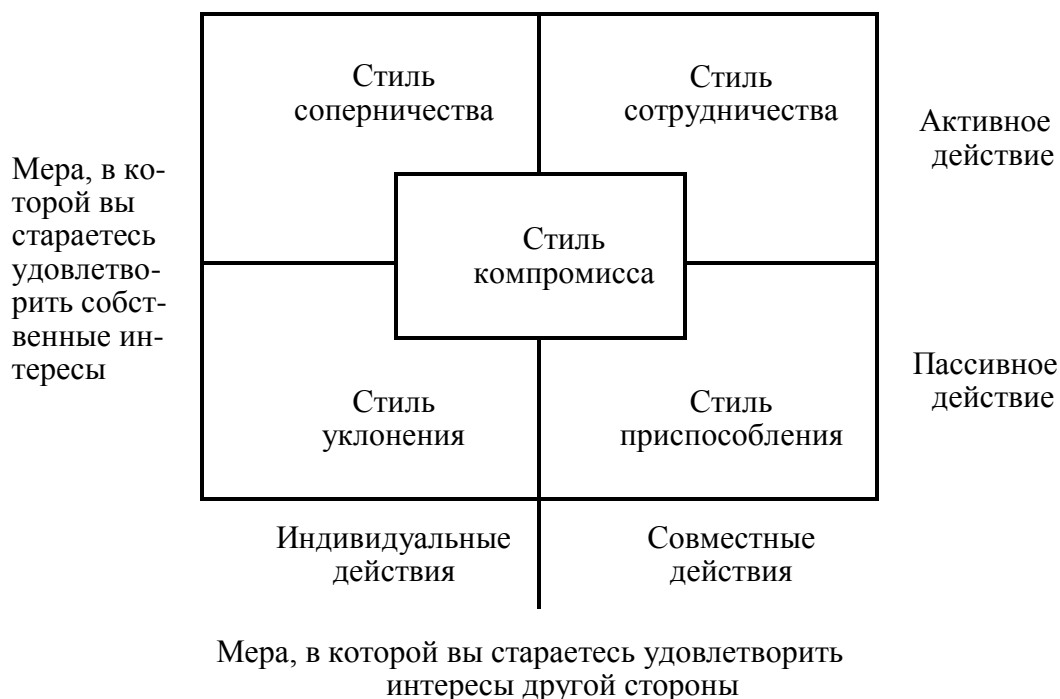

Рис. 9. Сетка Томаса – Киллменна

¹ В настоящее время эти способы конфликтного поведения называются по-разному: стилями, стратегиями, тактиками, способами разрешения конфликта и т.д.

В 1980 году американские ученые Т. Глэдвин и И. Уолтер показали, что напористость и кооперативность зависят от четырех факторов:

- “размера ставки”, которую можно выиграть (или проиграть) в результате столкновения;
- **относительной силы** (возможности влияния одного участника конфликта на другого);
- наличия **взаимозависимых интересов**;
- **характера** сложившихся **отношений**.

С учетом этих детерминант сетка Томаса – Киллменна у них обрела такой вид (рис. 10). Таким образом, оценка конфликтного взаимодействия конкретизировалась и стала более практичной.

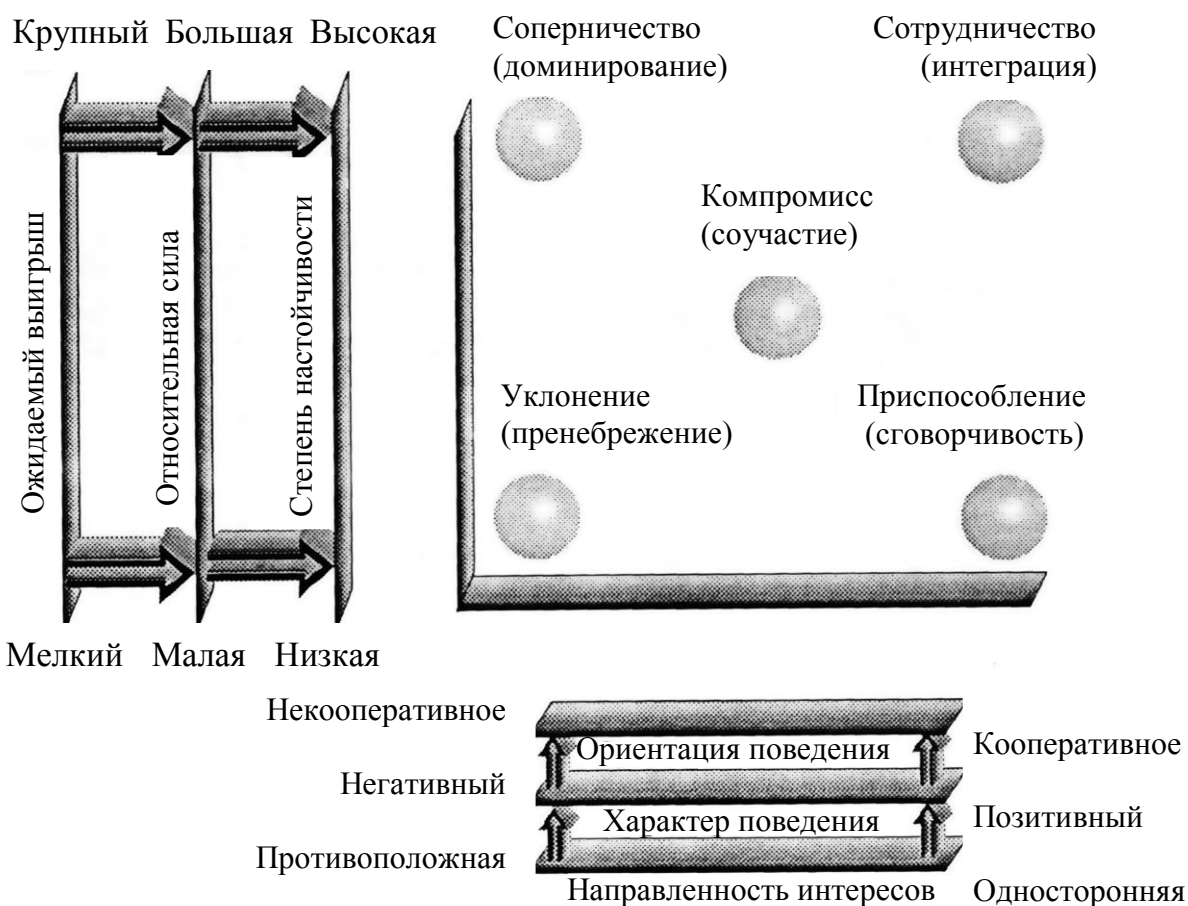

Рис. 10. Детерминанты стилей поведения в конфликтных ситуациях по Т. Глэдвину и И. Уолтеру [по: 369, с. 101]

Однако метод оценки конфликтов, предложенный К. Томасом и Р. Киллменном, несмотря на усовершенствование изначально является ограниченным. Его ограниченность заключается в **двусторонности**, не по-

зволяющей учесть природу всех основных противоречий, являющихся сутью конфликтов. В действительности противоречия возникают не только между качественно тождественными, но и между качественно противоположными сторонами (элементами) социального взаимодействия. На эту сторону дела обратил внимание еще К. Маркс при исследовании влияния конкуренции на цену товара. В работе “Наемный труд и капитал” он писал:

“Чем определяется *цена* товара?”

Конкуренцией между покупателями и продавцами, отношением спроса к предложению, предложения к спросу. Конкуренция, при посредстве которой определяется цена товара, является *трехсторонней*.

Один и тот же товар предлагается различными продавцами. Кто продает товары одного и того же качества дешевле всех, тот наверняка одержит верх над остальными продавцами и обеспечит себе наибольший сбыт. Таким образом, продавцы ведут между собой борьбу за сбыт, за рынок. Каждый из них хочет продавать, продавать как можно больше, хочет по возможности продавать один, устранив остальных продавцов. Поэтому один продает дешевле другого. Стало быть, происходит *конкуренция между продавцами*, которая *понижает* цену предлагаемого товара.

Но происходит также *конкуренция между покупателями*, которая, со своей стороны, *повышает* цены предлагаемых товаров.

Наконец, существует *конкуренция между покупателями и продавцами*; одни хотят возможно дешевле купить, другие – возможно дороже продать. Результат этой конкуренции между покупателями и продавцами зависит от того, каково соотношение обеих указанных выше конкурирующих сторон, т.е. от того, где конкуренция сильнее, в лагере покупателей или в лагере продавцов... Победу над противником одерживает та армия, в рядах которой меньше драки” [370, с. 435].

Известный современный американский бизнесмен Х. Маккей приводит конкретные характеристики “сражения между продавцами и покупателями” [371, с. 78].

Отсюда становится ясно, что оценка возникающего социального противоречия, т.е. возможного конфликта, должна осуществляться рефлексивно как минимум **с трех точек зрения**. В общем плане – с трех определенных ролевых позиций – “инициатора”, “жертвы” и “очевидца”. Позицию “инициатора” в примере рыночной конкуренции занимает потребитель (покупатель), который желает максимизировать свою выгоду. С этой точки зрения конфликт оценивается в плане возможности и опасности, т.е. выигрыша или проигрыша. Позицию “жертвы” здесь занимает производитель (продавец), который желает минимизировать затраты. С этой точки зрения определяется степень общности интересов: их кооперативность или некооперативность. Позиция “очевидца” оказывается в данном случае центральной. С этой точки зрения определяется сам характер любого конфликта, ко-

торый может быть либо антагонистическим, либо неантагонистическим; либо деструктивным, либо конструктивным. Все это и выражается в реальном ценообразовании: повышении или понижении цены товара¹.

Трехсторонняя оценка любого конфликтного взаимодействия может осуществляться по следующей схеме (рис. 11).

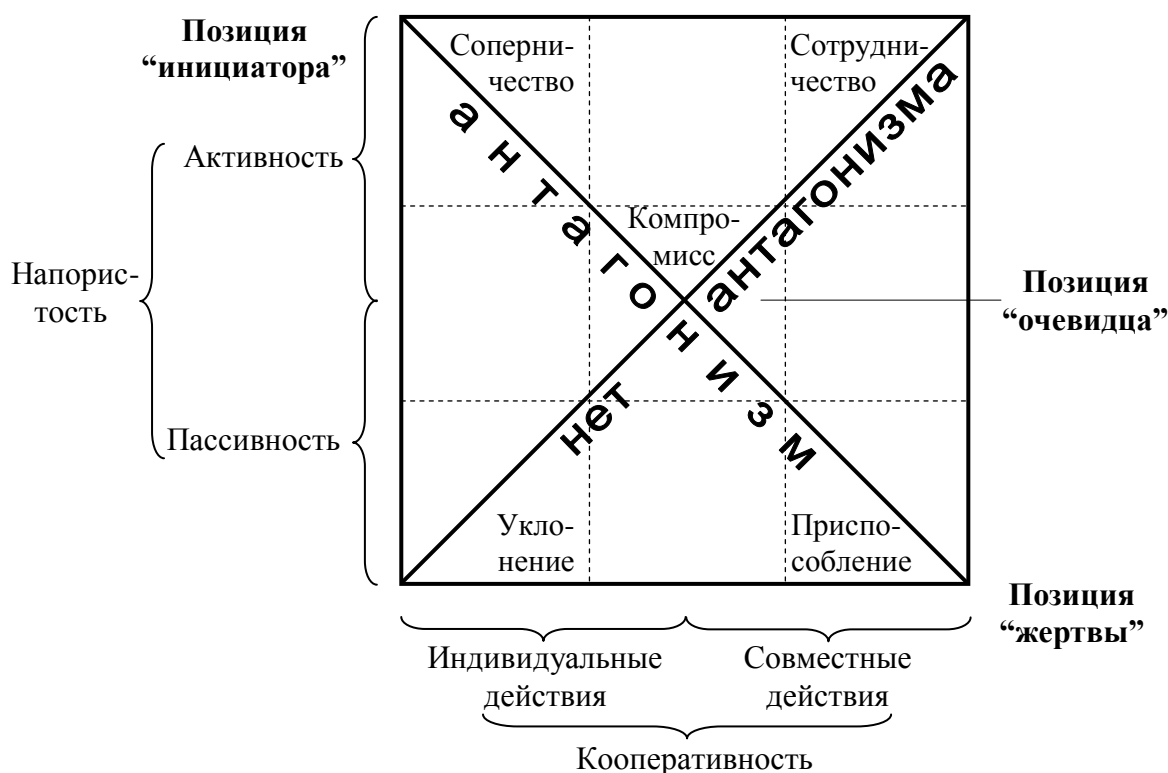

Рис. 11. Схема трехсторонней рефлексивной оценки способов конфликтного поведения

Выбор необходимого способа действия завершает процесс принятия решения субъектом относительно потенциальной конфликтной ситуации. Таким образом, у него формируются особые, целевые установки [364, с. 108], означающие его готовность действовать в определенном направлении, которые реализуются в различных предупредительных (превентивных) мерах.

¹ При внимательном рассмотрении классификации способов конфликтного поведения К. Томасом и Р. Киллменном (сетки Томаса – Киллменна) обнаруживается, что в ее основе лежит перевернутый на бок “логический квадрат”, обладающий известными свойствами. Причем критерий “напористость” соответствует “контрарности” в этом квадрате, а критерий “кооперативность” – “подчинению”. Различию между антагонистическими и неантагонистическими конфликтами соответствуют различные “контрадикторные” отношения, т.е. диагонали квадрата. В сетке Томаса – Киллменна диагональю “соперничество – приспособление” выражается антагонизм сторон, диагональю “уклонение – сотрудничество” – неантагонистический характер конфликта. “Компромисс”, находящийся на пересечении диагоналей, соответствует точке зрения “очевидца”.

Предупредительные меры субъекта относительно потенциальной конфликтной ситуации можно разделить на три группы:

- 1) стимулирующие конфликт;
- 2) предотвращающие конфликт;
- 3) изменяющие отношение субъекта к другому субъекту конфликта¹.

Очевидно, что субъект стимулирует возникновение и развитие конфликта, если конфликт **представляет** субъекту возможность получить какую-то выгоду, пользу, возможность удовлетворить какие-то потребности. Если же сам конфликт **представляет** какую-либо опасность, субъект стремится как можно раньше его предотвратить.

Изменение отношения субъекта к другому субъекту конфликта, т.е. к своему оппоненту, противнику, конкуренту, основано на взаимном превращении реальной возможности и опасности. Путем смены антагонистического отношения к другому субъекту на неантагонистическое или неантагонистического на антагонистическое осуществляется перевод направления развития конфликта из деструктивного в конструктивное русло или из конструктивного в деструктивное. Для предупреждения конфликтов этот процесс, как видно, имеет особое значение.

В актуальной ситуации конфликт, естественно, обостряется: он **реально** становится либо опасным для субъекта, либо заключает в себе какие-то возможности. В первом случае его требуется ликвидировать; во втором – его можно использовать. В соответствии с этими общими стратегиями поляризуются и способы конфликтного поведения субъектов.

Ликвидация конфликтов. В актуальной конфликтной ситуации, реально угрожающей интересам субъекта, он стремится ликвидировать возникший конфликт. Устранение конфликта осуществляется субъектом путем минимизации своих затрат, издержек, потерь. В этом случае он специально занимает позицию “жертвы” и действует по логике механизма решения проблем связи, единства.

Стадии рефлексивного процесса решения проблем связи здесь предполагают:

- 1) описание конфликтной ситуации;
- 2) объяснение конфликтной ситуации;
- 3) предвидение способов ликвидации конфликта.

Успех в ликвидации конфликта определяется на каждой из них.

Описание конфликтной ситуации заключается в том, чтобы представить конфликт как проблему, которая должна быть решена [372, с. 8–9]. Для этого требуется сформулировать его субъективные (внутренние) и объективные (внешние) признаки в терминах “потребности” и “опасности”. При этом здесь следует учитывать наиболее важные потребности и опасности и той и другой стороны конфликта, всех его главных участников. Объек-

¹ Об изменении отношения как способе разрешения конфликтов пишет, например, В.А. Светлов [230, с. 337–402].

тивность описания ситуации также предполагает различие подлинных и мнимых потребностей и опасностей: потребности и опасности могут быть кажущимися и могут специально скрываться от оппонента конфликта.

Для объективного и всестороннего описания конфликтной ситуации Х. Корнелиус и Ш. Фэйр предлагают составлять своеобразную карту конфликта. В процессе картографии конфликта они выделяют три следующих этапа:

- 1) определение проблемы заявлением общего характера;
- 2) опознание и название главных участников;
- 3) определение нужд и опасений каждого участника или группы.

Ценность карты конфликта, по их мнению, заключается в упорядоченном, систематическом подходе к проблеме [366, с. 142–156].

Объяснение конфликтной ситуации, нередко называемое также ее диагнозом, – это аналитическая стадия процесса решения конфликтных проблем. Здесь главное – определить их причины. В общем они подразделяются на субъективные и объективные. Как правило, в основе антагонистических конфликтов лежат субъективные причины; в основе неантагонистических конфликтов – объективные¹.

В антагонистических конфликтах главное внимание уделяется различию или взаимному исключению нужд, потребностей, интересов субъектов. При этом выигрыш одного из них воспринимается ими как проигрыш другого. И наоборот, проигрыш первого – как выигрыш второго. Вследствие чего антагонистические конфликты сопровождаются взаимными нападками его субъектов друг на друга, вплоть до полного уничтожения противодействующей стороны.

В динамике антагонистического взаимодействия позиции субъектов меняются. Проигравший субъект стремится компенсировать свои потери и переходит от обороны к нападению. Победивший субъект, наоборот, стремится защитить свой выигрыш и переходит от нападения к обороне. Равновесие в этом противоречии является временным.

В неантагонистических конфликтах главное внимание уделяется их объекту – дефициту наличных ресурсов, средств. Сущность таких конфликтов можно выразить формулой: либо оба субъекта удовлетворяют свои интересы, либо оба не удовлетворяют; либо оба выигрывают, либо оба проигрывают. При взаимосвязанных или совпадающих интересах здесь возникает различие в способах их удовлетворения. Как следствие, неантагонистические конфликты сопровождаются борьбой по существу дела, по способам решения деловых проблем. Равновесие в этом противоречии также является временным.

¹ Р. Фишер и У. Юри их различают как “спор по поводу позиций” и “спор по существу дела”. См. по: [373, с. 13–79].

Субъективные и объективные причины конфликтов, естественно, неразрывны, взаимно определяют друг друга и переходят друг в друга. Таким образом, разные типы конфликтов оказываются диалектически связанными. Однако в любом случае их ликвидация требует устранения и тех и других причин.

Предвидение способов ликвидации неантагонистических и антагонистических конфликтов – это синтетическая (конструктивная) стадия рефлексивного процесса решения конфликтных проблем. На этой стадии выдвигаются идеи, гипотезы и предложения, определяющие путь достижения намеченной цели. Наиболее целесообразными здесь оказываются три варианта общей стратегии ликвидации конфликтов:

- 1) уклонение;
- 2) приспособление;
- 3) компромисс¹.

Уклонение является целесообразным способом ликвидации неантагонистического конфликта, когда возникает опасность обоюдного проигрыша, например, из-за опасения конфронтации. В этом случае его субъект не делает никаких попыток, чтобы удовлетворить свои собственные интересы или интересы другого субъекта. Наоборот, он прерывает взаимодействие с оппонентом. Однако само уклонение также лишает его и возможности принять участие в дальнейшем развитии ситуации, что ведет его к собственному и/или обоюдному проигрышу.

Уклонение проявляется в многообразных формах. Они определяются конкретными факторами ситуации.

Приспособление является целесообразным способом ликвидации антагонистического конфликта, когда возникает опасность одностороннего проигрыша, в частности из-за опасения потерять все. Уступая, соглашаясь или жертвуя своими интересами в пользу другого субъекта, его оппонент смягчает конфликтную ситуацию и восстанавливает гармонию отношений. Таким же путем он может выиграть время для того, чтобы потом добиться желаемого результата. Однако при чрезмерных уступках другому приспособление оказывается неприемлемым.

Формы приспособления также многообразны.

Компромисс можно рассматривать как форму превращения антагонистического конфликта в неантагонистический. В этом смысле он также является способом ликвидации антагонистического конфликта.

Компромисс возможен лишь при взаимных уступках. Он предполагает частичное удовлетворение своих интересов и частичное удовлетворение интересов другого. Таким образом, субъектами конфликта достигается более или менее справедливый дележ дефицитных ресурсов. Этот способ

¹ Эти способы конфликтного поведения достаточно хорошо описаны в литературе. Однако в качестве вариантов стратегии ликвидации конфликтов они пока не рассматривались.

конфликтного поведения целесообразен в ситуации взаимоисключающих интересов при (хотя бы приблизительном) равенстве сил.

Использование конфликтов. Конфликт актуализируется тогда, когда он является реальным и единственным способом удовлетворения нужд, потребностей или интересов субъекта. “Инициатор” использует его для получения собственной выгоды. Поскольку конфликт оказывается способом удовлетворения нужд, потребностей и интересов, т.е. дает возможность получения выгоды, его “инициатор” действует по рефлексивной логике целеполагания.

Однако целостность механизма целеполагания в этом случае нарушается социальным противоречием. Что и является существенным признаком данной критической ситуации. Следовательно, действие “инициатора” здесь подчиняется логике механизма конфликтного целеполагания.

В отличие от обычной в конфликтной ситуации на первый план выступают ее субъективные характеристики. Как сказано ранее, в переживании обычной ситуации главную роль играет борьба положительных и отрицательных мотивов деятельности; в понимании – борьба ее возможностей и опасностей; в процессе видения целей – противопоставление должного существу. В конфликтной ситуации, наоборот, определенные стадии целеполагания отражают прежде всего: борьбу внутренних (для себя) и внешних (для других) мотивов деятельности; борьбу внутренних (для себя) и внешних (для других) возможностей действия; борьбу внутренних (для себя) и внешних (для других) целей.

Стадии механизма конфликтного целеполагания наиболее адекватно выражаются в трех основных аспектах общения¹. Причем уровню переживания ситуации соответствует аффективно-перцептивный аспект; уровню понимания ситуации – коммуникативно-информационный аспект, а уровню видения целей (осуществляющегося путем выбора) – интерактивный аспект общения². Конфликтность процесса целеполагания обнаруживается в каждом из них.

Разрушение целостного механизма целеполагания, характерного для обычной ситуации, в конфликтной ситуации осуществляется по принципу раздвоения “тезиса” на “тезис” и “антитезис”. В качестве “тезиса” здесь выступают разные аспекты “нормального” человеческого общения. Им противопоставляются своеобразные антиподы. Логика такой дихотомии выглядит следующим образом.

Аффективно-перцептивный уровень “нормального” человеческого общения по поводу чего-либо выражает естественную потребность людей во взаимной эмпатии: сопереживании, сочувствии, сострадании [364,

¹ Общение в данном случае рассматривается как “своя”, диалектическая противоположность конфликту.

² Б.Ф. Ломов называет их аффективно-коммуникативной, информационно-коммуникативной и регуляционно-коммуникативной стороной общения. См. по: [352, с. 244].

с. 108]. Соответственно неудовлетворительность общением проявляется в их антипатии друг к другу – в недружелюбии, агрессивности и злобе по отношению друг к другу. Таким эмоциональным образом каждый субъект “ненормального” общения (конфликта) подразделяет всех остальных людей на “своих” и “чужих”, “хороших” и “плохих”, “правых” и “виноватых”, “друзей” и “врагов” и т.д. Для первых из них он открыт, для вторых – закрыт¹.

Коммуникативно-информационный уровень “нормального” человеческого общения предполагает взаимный обмен информацией и ее осмысление каждым субъектом². Таким образом, достигается их взаимное понимание, понимание сути дела и положения вещей.

В процессе взаимопонимания путем взаимной рефлексии обнаруживается единство позиций и соответствующих точек зрения. При совпадении точек зрения в сознании его субъектов формируется единый (одинаковый) смысловой образ конкретной ситуации. Однако условием адекватного понимания ситуации здесь является единство “слова” и “дела”, способа мышления и способа действия каждого субъекта общения³. Оно проявляется, в частности, в соответствии между отмеченными способами конфликтного поведения (они же являются и трансакциями общения) и определенными способами философского мышления:

– скептицизму	здесь соответствует	уклонение;
– догматизму	–	приспособление;
– эклектике	–	компромисс;
– критицизму	–	соперничество;
– диалектике	–	сотрудничество.

Несоответствие способа мышления и способа действия влечет за собой потерю обратной связи в общении и, как следствие, нарушение взаимного понимания и понимания ситуации. В нарушенном, “ненормальном” общении единство позиций отсутствует. Его субъекты интерпретируют ситуацию с разных точек зрения. Разные точки зрения, представляющие не соответствующие друг другу позиции, выражаются в неожиданных для другого, пересекающихся трансакциях субъектов конфликта.

Барьеры взаимопонимания могут быть разными: объективными (социальные, экономические, политические, профессиональные, культурные, языковые и т.д.) и субъективными. Субъективные барьеры могут также

¹ Аффективно-перцептивная сторона общения, естественно, является более сложной. Особую роль здесь играют и невербальные средства общения, и “первое впечатление” от другого субъекта, и способ самоподачи и т.д. В конфликтном целепологании они также играют особую роль.

² К элементам процесса коммуникации относятся: отправитель, сообщение (информация, закодированная с помощью символов), канал передачи информации, получатель. См.: [169, с. 171–175]. О понимании и взаимопонимании в процессе общения см.: [216, с. 150–154].

³ Иначе любой из них теряет обратную связь [216, с. 128, 196].

подразделяться на непреднамеренные (неразвитость мышления) и преднамеренные (сознательные манипуляции, создание иллюзий и ошибочных мнений у своего оппонента). Последние нередко возникают как средство самозащиты от источника коммуникации [374, с. 31–33].

На интерактивном уровне поляризация человеческого общения на “нормальное” и “ненормальное” происходит в процессе выбора способа конфликтного поведения. Здесь выделяются два противоположных варианта стратегии использования конфликтов – соперничество и сотрудничество, а также промежуточный между ними вариант компромисса¹.

Использование определенных вариантов стратегии субъектом одновременно является и процессом формирования его собственных целей². В частности, использование стратегии сотрудничества ему представляется процессом формирования согласованных – внутренних и внешних – целей, т.е. процессом формирования норм, нормотворчеством. А использование стратегии соперничества, наоборот, представляется процессом формирования разных целей. Первые (нормы) ориентированы на двухсторонний выигрыш, вторые – на односторонний.

Соперничество как способ использования конфликта реализуется тогда, когда у его субъектов возникает реальная возможность только одностороннего выигрыша. Таким образом, каждый из них стремится удовлетворить в первую очередь свои собственные интересы в ущерб интересам другого. При этом активную роль играют их волевые качества, власть, авторитет и т.д. Однако при недостатке сил соперничество может обернуться для каждого отрицательными результатами. Как правило, соперничество вызывает антагонизм, разобщенность и отчуждение людей друг от друга.

Формы соперничества многообразны. В рыночной экономике, например, это различные проявления конкуренции.

Сотрудничество как способ использования конфликта реализуется тогда, когда у его субъектов возникает реальная возможность обоюдного выигрыша. Этот способ предполагает удовлетворение интересов обеих сторон. Он является дружеским, партнерским подходом друг к другу. Однако его реализация требует определенных усилий, на что обе стороны должны затратить определенное время. Они должны уметь объяснить свои желания, выразить свои нужды, выслушать друг друга и найти взаимопонимание.

Многообразные формы сотрудничества реализуются в неантагонистических играх, в дискуссиях, в коллективном творчестве.

¹ Эти способы конфликтного поведения также достаточно хорошо описаны в литературе. Но в качестве вариантов стратегии использования конфликтов они тоже пока не рассматривались.

² Сферу должного, естественно, формируют стратегии, представляющие определенные возможности для субъекта.

Компромисс можно рассматривать и как форму превращения неантагонистического конфликта в антагонистический. В таком случае компромисс является способом обострения неантагонистических конфликтов.

При превращении неантагонистического конфликта в антагонистический особое внимание уделяется моментам двойственности, половинчатости в компромиссе. Такой подход побуждает к соперничеству, стимулирует активность субъектов в поиске новых способов удовлетворения своих собственных интересов.

4.2. Внешняя рефлексия над стратегиями управления экстремальностью

Предупреждение экстремальностей¹ является самой эффективной стратегией в управлении разнообразными экстремальными ситуациями. Это доказывается опытом из самых разных областей человеческой деятельности. Оно обеспечивает устойчивость развития любого субъекта.

Стратегия предупреждения экстремальных ситуаций основана на гибком, нелинейном, творческом мышлении и предполагает соответствующее поведение. Такой подход реализуется в управлении “по слабым сигналам”. В последние годы все более ясно осознается необходимость специализации предупреждающей деятельности.

Специальная деятельность по предупреждению экстремальных ситуаций связана в первую очередь с процессом принятия решений. У субъекта, как потенциальной жертвы такой ситуации, появляется возможность своевременно обеспечить свою безопасность, если он предварительно, рефлексивно заняв позицию ее “очевидца”, следует логике механизма принятия решений.

Логика рефлексивного механизма принятия решений в этом случае предполагает:

- 1) предвидение (прогнозирование) экстремальностей противоречивого взаимодействия между выделенным субъектом объектом и его средой;
- 2) оценку этих экстремальностей;
- 3) выбор способа упреждающего действия.

В упреждающем управлении экстремальными ситуациями каждая из отмеченных стадий играет особую роль и является важной.

Предупреждение любых экстремальных ситуаций базируется **на предвидении (прогнозировании) экстремальностей**. В математике оно определяется поиском максимумов и минимумов [375], в исследовании систем управления – прогнозными экстремальными исследованиями [376, с. 61, 65–66, 245]. Встречающееся в литературе отождествление процесса пред-

¹ То есть предельных значений, характеризующих наибольшую остроту противоречивого взаимодействия между выделенным субъектом объектом и его средой.

видения экстремальностей с определением риска возникновения той или иной экстремальной ситуации [377, с. 233–234, 241–242] свидетельствует, кроме прочего, о слабой разработанности соответствующей методологии.

Действительно, методология предвидения (прогнозирования) различных экстремальностей до сих пор является преимущественно феноменологической. Ее основные положения таковы:

1. Предполагается, что развитие любой системы (объекта) осуществляется по спирали, т.е. циклическим образом.

2. Выделяются и характеризуются особые точки и/или фазы циклического развития определенной системы (объекта). Среди них же указываются экстремальные.

3. Определяется исходное положение системы (объекта) на этой траектории.

4. Соответственно определенным характеристикам фаз осуществляется прогноз развития системы (объекта) и, в частности, прогноз прохождения фазы ее экстремальных значений.

Пример разработки и реализации такой методологии предвидения (прогнозирования) кризисов представляют исследования Ю.В. Яковца [340]. Вслед за А.А. Богдановым он толкует понятие кризиса предельно широко. Но существенные недостатки в теории деформируют и его методологию.

Ю.В. Яковец, в частности, пишет: “Теоретические положения, характеризующие место кризисов в ритме циклического развития, их структуру, систему, взаимодействие и исход, позволяют выработать научные подходы к методологии и технологии прогнозирования кризисов и путей выхода из них” [340, с. 297]. А на рисунке пятифазной структуры циклов общественного воспроизводства место кризисов он указывает между фазой стабильного развития экономической системы и фазой ее депрессии таким образом (рис. 12).

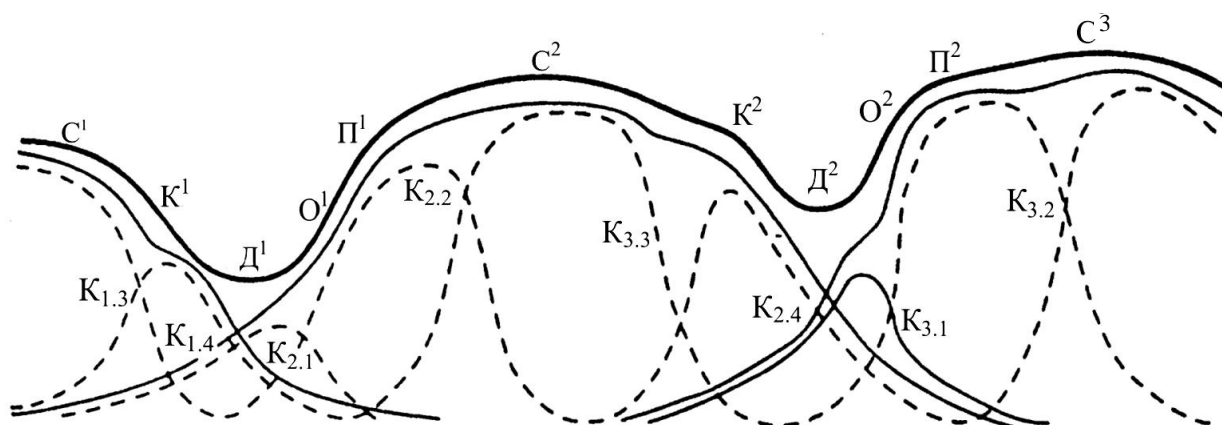

Рис. 12. Фазы кризисов в структуре циклов по Ю.В. Яковцу: K_1, K_2 – кризисы в долгосрочных циклах подсистем; $K_{1.3}, K_{1.4}, K_{2.1} \dots K_{3.2}$ – кризисы в среднесрочных циклах систем; C^1, C^2, C^3 – фазы стабильной динамики надсистемы; K^1, K^2 – фазы кризисов в динамике надсистемы; D^1, D^2 – фазы депрессии; O^1, O^2 – фазы оживления; Π^1, Π^2 – фазы подъема [343, с. 287]

Однако такое местоположение кризиса не соответствует его местоположению в экономической теории. “В экономическом цикле, – пишет Дж. М. Кейнс, – есть и еще одна характерная черта, которую наша теория должна объяснить, если она правильна, а именно явление *кризиса*, т.е. внезапную и резкую, как правило, смену повышательной тенденции понижающей, тогда как при обратном процессе такого резкого поворота зачастую не бывает” [378, с. 290]. В данном высказывании кризис явно фиксируется в верхней точке циклического движения экономической системы, т.е. в точке ее максимального развития.

Если же следовать теории А.А. Богданова, то место кризиса в каждом цикле развития необходимо указывать дважды: в верхнем экстремуме и в нижнем экстремуме, учитывая, что это разные кризисы – кризис роста и кризис распада¹.

Существенной составляющей методологии предвидения (прогнозирования) экстремальностей, согласно теории, должно быть, как видно, объяснение самого механизма их возникновения. Попытки представить такой механизм в литературе встречаются. Однако и они в основном имеют аспектный или частный характер. Например, говорят лишь об экономическом механизме возникновения кризисного состояния производственной системы [379, с. 38–78]. Общетеоретического его представления пока нет.

Представляя вышесказанное на философском уровне, можно вновь обратиться к уже упомянутой ранее схеме логического квадрата. В его диагоналях контрадикторными отношениями как раз зафиксированы предельно обостренные противоречия между понятиями. Модификация этой схемы соответственно определению экстремальной ситуации может выглядеть так (рис. 13).

Комментарий представленной на рис. 13 схемы: во взаимодействии объекта с окружающей средой осуществляется естественный обмен веществом, энергией, информацией. Если он получает и отдает то же самое, его нормальное функционирование возможно и при минимальной и при максимальной активности среды. Обострение объективных противоречий происходит тогда, когда количественные изменения (во взаимодействии) пересекаются с изменениями качественными. В этом случае нарушается мера взаимодействия в системе “объект – среда”.

В тенденции таких сложных изменений предвидится два альтернативных исхода:

1. Объект максимум получает, но минимум отдает. Это экстремальности его роста. Они означают верхний предел обострения объективного противоречия.

2. Объект максимум отдает, но минимум получает. Это экстремальности его разрушения. Они означают нижний предел обострения объективного противоречия.

¹ А.А. Богданов выделял два типа кризисов: соединительные и разделительные [254, с. 214–217].

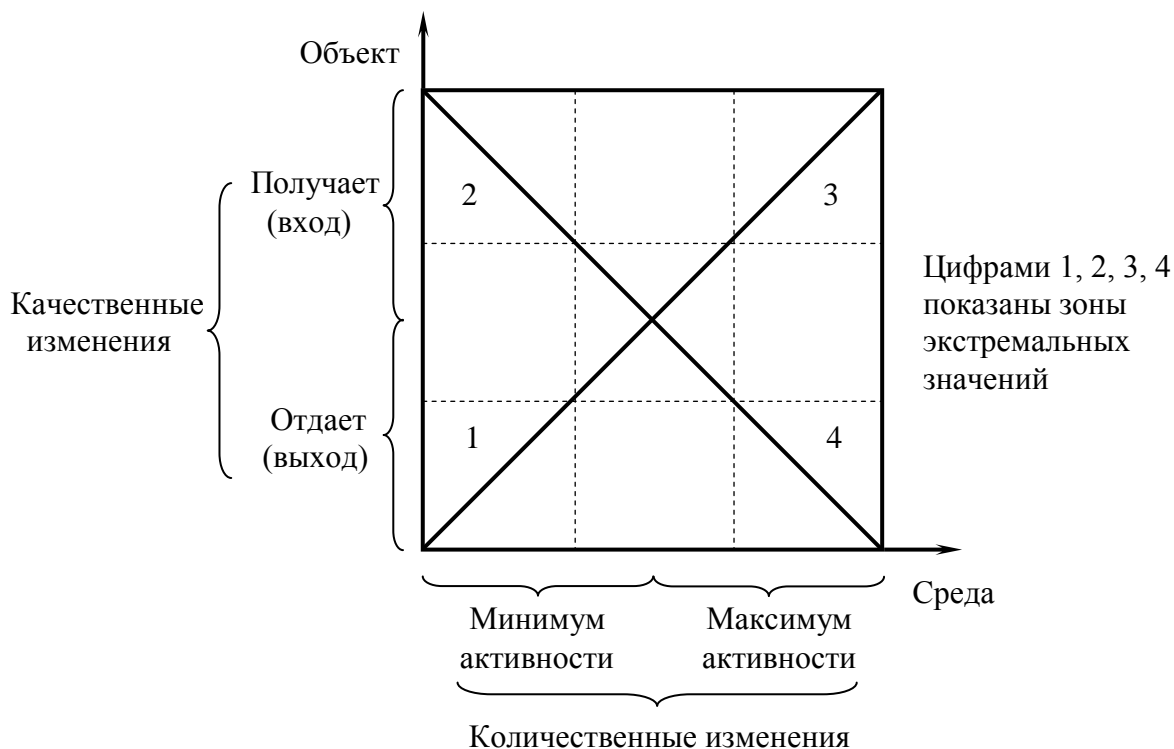

Рис. 13. Схема общего механизма возникновения экстремальностей

Промежуточные значения между этими альтернативами характеризуют волнообразную траекторию обострения и угасания объективных противоречий¹.

Такой механизм является общим. Он объясняет возникновение любых экстремальностей и экстремальных ситуаций.

В потенциальных экстремальных ситуациях определяются объективные – внутренние и внешние – условия существования субъекта. Поэтому они требуют его **субъективной оценки**. Поскольку объект потенциального экстремального взаимодействия может быть природным, социальным или техническим (искусственным), его (взаимодействия) оценка также является трехсторонней. В общем она осуществляется с точек зрения “жертвы”, “инициатора” и “очевидца”, представляющих внутреннюю цель, внешнюю цель и норму. Причем норма выступает интегральным критерием, позволяющим определить наиболее важные значения экстремальных взаимодействий в любой ситуации.

Более того, соответствие норме здесь означает отсутствие самих экстремальностей, т.е. то, что возможная ситуация будет обычной, нормальной. В ней субъект будет находиться в относительной безопасности. Однако возможные отклонения от нормы указывают на гипотетические трудности,

¹ Предэкстремальная и постэкстремальная стадия в развитии объективных противоречий могут быть также изображены прямоугольниками.

связанные с возникновением экстремальной ситуации, на определенную потерю субъектом своей безопасности.

Несоответствие внутренней или внешней цели здесь означает, что складывается неблагоприятная ситуация, что ее экстремальности будут опасными для субъекта. Угрозы для собственного существования привлекают его внимание в первую очередь. Поэтому управление такими ситуациями часто сводится только к борьбе с опасностями [377, с. 237–238].

Однако экстремальные закономерности могут также и соответствовать целям субъекта. Любой человек, коллектив или общество в целом являются частью реального мира и их совпадение не случайно. В таком случае возникающая экстремальная ситуация оказывается благоприятной для субъекта и он может использовать ее потенциал.

Процесс принятия решения завершается здесь **выбором способа упреждающего действия** относительно возможной экстремальной ситуации. Таким образом, у него формируются особые, операциональные установки относительно ее внутренних и внешних условий. Эти установки реализуются в различных предупредительных (превентивных) мерах.

Предупредительные меры субъекта относительно потенциальной экстремальной ситуации связываются:

- 1) с нормализацией, т.е. восстановлением обычной ситуации;
- 2) с ликвидацией возникающих опасностей;
- 3) с использованием возникающих возможностей.

Соответственно их также можно подразделить на три группы.

Нормализация или восстановление обычной ситуации осуществляется с помощью различных профилактических мер. К ним относятся: мониторинг, контроль ситуации, соблюдение правил техники безопасности, страхование разных видов и т.д. Таким образом, предотвращаются различные отклонения от нормы, происходит сглаживание, например, экономического цикла.

Ликвидация возникающих опасностей может осуществляться двумя способами: недопущением субъектом действий, вызывающих источник опасности и преобразование (перепрофилированием) потенциально опасного объекта [250, с. 61].

Превентивные меры, связанные с использованием потенциала экстремальных ситуаций, могут осуществляться также двумя способами. Первый – это подготовка субъекта к действиям в экстремальной ситуации: специальное планирование, разработка альтернативных сценариев действия, выработка соответствующих навыков и умений и т.д. Ко второму способу относятся различные провокационные действия по отношению к объекту, искусственно обостряющие ситуацию. Преднамеренное создание экстремальных ситуаций (например, в экстремальном эксперименте) осуществляется с целью выявления новых возможностей. Оно сознательно контролируется субъектом.

Если экстремальную ситуацию предупредить не удастся и она выходит из-под контроля субъекта, то он непосредственно сталкивается с ее опасностями. В таком случае субъекту срочно требуется ликвидировать экстремальности, представляющие опасности.

Ликвидация экстремальностей. Экстремальная ситуация актуализируется для субъекта тогда, когда он действительно (объективно) оказывается ее “жертвой”. В этом случае ему всегда катастрофически не хватает средств для удовлетворения разнообразных требований окружающей среды. В такой неблагоприятной для себя обстановке субъект осуществляет все возможные действия, чтобы ликвидировать опасные экстремальности. При этом механизм решения обычных проблем связи, единства им разрушается. Его адаптация к “необычным” условиям подчиняется логике механизма решения экстремальных проблем.

Логика рефлексивного механизма решения экстремальных проблем на всех стадиях существенно отличается от логики рефлексивного механизма решения обычных проблем связи. В экстремальных ситуациях объективные противоречия обретают наибольшую остроту и обнаруживаются субъектом непосредственно. Однако их проявления многообразны и также противоречивы.

Описание экстремальной ситуации заключается в констатации существенных отклонений ее субъектных (внутренних) и объектных (внешних) факторов от нормы: переохлаждение, перегрев, перенаселение, перепроизводство и т.д.¹. Таким образом, отражается предельно обостренное объективное противоречие между внутренними и внешними условиями существования субъекта, между тем, что он получает извне и тем, что он отдает, между его реальными возможностями и требованиями окружающей среды.

Описание экстремальной ситуации предполагает не только количественные, но и качественные характеристики ее факторов². Для субъекта существенно важны различия не только между минимумами и максимумами того, что он **отдает**, и того, что он **получает**. Для него также важны различия между тем, **что** он отдает, и получает (например, отдает (платит) деньги или отдает (продает) товар).

Адекватность описания экстремальной ситуации нарушается либо из-за недостатка достоверной, объективной информации, либо из-за желания субъекта уменьшить значение неординарного события, вызывающего данную ситуацию.

Объяснение (диагноз) экстремальной ситуации имеет свои специфические особенности, отличающие его от объяснения обычной проблемной ситуации.

¹ В этом отношении все экстремальные ситуации выступают как аномальные. Обычные, нормальные ситуации характеризуются целым рядом нормативных показателей, стандартов, параметров взаимодействия системы: “объект – среда”.

² Различные качественные характеристики, например личностного кризиса, приводит Д. Фонтана [316, с. 159], чрезвычайных ситуаций – Б.Н. Порфирьев [250, с. 34–36].

Объяснение всегда предполагает **раскрытие** сущности различных проявлений объекта в его взаимодействии со средой. В научном познании оно осуществляется путем анализа объекта в системе его связей, отношений и зависимостей с соответствующими условиями, факторами и т.п. [380, с. 438]. Однако в экстремальной ситуации сущность явлений сама **обнаруживается** непосредственно. “В условиях кризиса, – пишет по этому поводу О.С. Разумовский, – в условиях обострения противоречий в обществе (т.е. в экстремумах) раскрывается реальная расстановка политических сил, обнаруживаются скрытые пружины общественных явлений, выявляется истинное лицо политических деятелей и партий, смысл интересов и целей социальных групп и классов, глубокая сущность общественных явлений вообще” [257, с. 40–41]. В таком случае специальное объяснение ситуации вроде бы не требуется.

Вместе с тем также давно отмечается, что многие экстремальные ситуации, включая кризисы, не имеют видимых причин. Они вызываются обычными явлениями. Их запускающим фактором становится не какое-то особое событие, а “последняя капля” [316, с. 157]. В таких случаях объяснение экстремальных ситуаций оказывается необходимым.

Различие экстремальных ситуаций, требующих и не требующих специального объяснения, видимо, относительно и обуславливается природой скачка, осуществляемого объектом (системой) при нарушении меры (нормы). Он может вызываться либо качественными изменениями (особыми, неординарными событиями), либо количественными. Последние – однородные, постепенные и поэтому не являются очевидными. Суть же самого скачка в любом случае оказывается противоречивой, поскольку он выражает собой нарушение единства количественных и качественных изменений. Таким образом, объяснение экстремальной ситуации сводится к определению непосредственного проявления этой противоречивой сущности, т.е. к определению источника или причин скачка.

Методология системного анализа позволяет определить основные источники и причины скачков, осуществляющихся в различных экстремальных ситуациях. Они выделяются здесь как аспекты объективных диалектических противоречий. Причем непосредственное проявление противоречивой сущности конкретной экстремальной ситуации выражается в **отсутствии**:

- 1) структурного единства;
- 2) функционального единства или
- 3) генетического единства

между внутренними и внешними условиями **существования** субъекта¹.

Внутренние и внешние условия существования субъекта определяют здесь **направление** противоположных сил и тенденций в системе “объект – среда”. Различие между ними является относительным и зависит от точ-

¹ М. Хайдеггер определяет существование как присутствие [381, с. 392].

ки зрения. Соответственно являются относительными структурные и функциональные характеристики объекта [382, с. 31–32]. Однако в одном и том же отношении они образуют диалектическое противоречие.

Отсутствие структурного единства в данном случае означает разрыв структурных связей или отсутствие дополненности между факторами ситуации, отсутствие у них своей собственной противоположности, “своего иного”. Это отсутствие выражается в разных отношениях как отрицание их качественных характеристик: неустойчивость, неожиданность, неравномерность, неуправляемость, неплатежеспособность и т.д.¹.

Отсутствие функционального единства здесь означает неравенство сил во взаимодействии объекта и среды, т.е. динамическое неравновесие между факторами ситуации, выражающееся в количественных характеристиках, в диспропорциях. Диспропорция здесь понимается не просто как отсутствие пропорции, а как обратная пропорция. Отсутствие функционального единства в математике выражается парадоксальным образом – тождеством максимума и минимума. В действительности это тождество является временным, поскольку характеризует неустойчивое равновесие. В нем каждая противоположность превращается в “свое иное”: субъект (объект) максимум отдает = минимум получает, или наоборот².

Отсутствие генетического единства в этом случае означает отсутствие сохранения собственной меры вещей по отношению к определенным преобразованиям их внутренних или внешних связей³. Это прерыв непрерывного развития: потеря преемственности, наследственности, накоплений и т.д. Отсутствие генетического единства интегрирует структурные и функциональные недостатки и является их общим источником.

Выделенные источники (причины) скачков могут быть основанием объяснения всех экстремальных ситуаций, начиная от естественных землетрясений и заканчивая “искусственными” кризисами.

Предвидение способов ликвидации экстремальностей – стадия решения экстремальных проблем, т.е. определения возможных путей выхода из данной критической ситуации. Выход здесь представляется субъектом нормализацией ситуации посредством адаптации к ее внешним условиям.

Разработка конкретных стратегий решения экстремальных проблем субъекту не представляется возможной. Все они связываются им с какими-то экстраординарными, кардинальными или чрезвычайными мерами. Так,

¹ С помощью понятия “структура” выражаются качественные характеристики объектов [383, с. 282–283].

² В экономике, например, это равенство предельных доходов и предельных издержек, характеризующее конкурентное равновесие.

³ В определенном смысле генетическое единство выражается принципом инвариантности. Общую формулировку принципа инвариантности см.: [384, с. 99].

на основе предшествующего объяснения экстремальной ситуации определяются принципы его адаптации к внешним условиям:

- 1) самосохранение;
- 2) гармонизация;
- 3) адекватная реакция.

Самосохранение, называемое чаще спасением, выживанием, предполагает возвращение к истокам, к своим историческим корням, к природе. Оно может происходить даже за счет отказа от достижений культуры и цивилизации. Конкретные формы реализации этого принципа в чрезвычайной ситуации – эвакуационные действия, спасательные работы, избегание (уход от) опасностей и т.д.

Гармонизация предполагает восстановление пропорции, равновесия сил, их согласованности, обеспечивает баланс противоположностей в одном или в разных отношениях. Гармонизация может осуществляться путем изменения характера жизнедеятельности субъекта в данных условиях. В общем – это пассивная защита.

Адекватная реакция субъекта на воздействие внешних факторов – это активная защита, сопровождающаяся перестройкой его структуры и отношения с внешней средой. Суть ее заключается в сведении большего – к меньшему, сложного – к простому, трудного – к легкому и т.д. Таким образом, например, осуществляется локализация источника распространения криминала, дезорганизация организованной преступности и т.д.

Очевидно, что все эти экстраординарные меры осуществляются за счет внутренних возможностей субъекта и требуют больших затрат (жертв), быстро истощая его ресурсы. Таким образом, даже при правильных действиях положение субъекта становится все более тяжелым, усугубляется. Это порождает новую экстремальную ситуацию и т.д. по спирали. Такой мультипликативный эффект неизбежно ведет к катастрофе. Выход из этого тупика один. Он заключается в использовании субъектом экстремальных факторов ситуации для пополнения своих ресурсов.

Использование экстремальностей. Если ликвидация экстремальностей связана с определением возможных **путей** выхода субъекта из данной критической ситуации, то использование экстремальностей предполагает переопределение самого этого **выхода**. Нахождение другого выхода, т.е. другого направления деятельности, другого ее ориентира, осуществляется путем целеполагания, требующего рефлексивного перехода субъекта на другую позицию – на позицию “инициатора”¹ и переоценки всех факторов ситуации.

Переоценка экстремальной ситуации осуществляется субъектом на всех трех стадиях рефлексивного процесса целеполагания:

¹ На особую роль активной позиции субъекта в поиске выхода из экстремальной ситуации обращают внимание В. Франкл, Д. Фонтана, Ф.Е. Василюк и др.

- 1) на стадии ее переживания;
- 2) на стадии ее понимания;
- 3) на стадии видения целей.

На каждой из них она играет особую роль.

Возможны разные **переживания** одной и той же критической ситуации [289, с. 105]. Позиция “жертвы” в ней сопряжена с гаммой сильных отрицательных эмоций, таких, как стресс, тревога, страх, боль, страдание, горе, обида, депрессия и т.п. Рефлексивный переход на позицию “инициатора” означает отрицание всего неблагоприятного в ситуации. Он снимает психологическую напряженность и освобождает от негативных переживаний.

Отрицательная реакция (ответ) “жертвы” на воздействие экстремальных факторов ситуации может быть выражена фразой: “Мне ничего не нужно”. Рефлексивный переход на позицию “инициатора” актуализируется вопросом: “Что нужно сделать?” Он оказывается жизненно важным здесь для любого субъекта.

Вопрос “Что нужно сделать?”, как сказано ранее (см.: параграф 2.2), включает в себя два подвопроса: 1) что нужно сделать для себя? 2) что нужно сделать для других? Предметное определение нужд, потребностей и интересов в переживании обычной ситуации является поиском ответов на эти вопросы. Таким же образом определяются внутренние мотивы и внешние стимулы активизации деятельности субъекта и в экстремальной ситуации.

Понимание реального положения “жертвы” той или иной экстремальной ситуации не выдерживает критики. Эта ситуация представляется ей бессмысленной. Адекватность картины мира реальности у нее нарушается, вместо истинных образов возникают иллюзии.

Рефлексивный переход на позицию “инициатора” позволяет субъекту более объективно оценить свое положение. Объективная “переоценка ценностей” (переинтерпретация) представляет ему многие опасности экстремальной ситуации как новые возможности¹. Причем ответ на вопрос: “Что можно сделать?” раскрывает ему смысл своей собственной активности.

Вопрос “Что можно сделать?” также подразделяется на два подвопроса: 1) что можно сделать для себя? 2) что можно сделать для других? Ответ на первый из них определяет внешние возможности и опасности, ответ на второй – внутренние.

В качестве специфических внутренних возможностей (опасностей) данной критической ситуации выступают экстремальные свойства и закономерности,

¹ Л.Г. Ионин замечает, что с другой точки зрения критическая (проблемная) ситуация интерпретируется не как опасная [262, с. 48–49, 53–57]. Дополняя его, следует отметить, что с другой точки зрения наибольшая опасность нередко представляется наибольшей возможностью.

проявляющиеся в различных “эффектах” деятельности субъекта. В экономике к ним относятся: эффект масштаба, эффект мультипликатора, эффект рычага и др. Они оказывают существенное влияние на рост прибыли.

Специфические возможности (опасности) для субъекта порождают и внешние экстремальные условия его деятельности. Такими важными источниками прибыли бывают: сфера бизнеса (во время войны богатеют оружейники, во время эпидемии болезни богатеют врачи и т.д.), структура рынка (антагонизм в лагере конкурентов можно использовать для приобретения среди них временных союзников, для укрепления своих позиций), конъюнктура (неожиданный рост цен), инфляция (во время инфляции оказывается выгодно жить в долг), государственное вмешательство (налоговые льготы, прорехи в законах и т.д.) и др.¹.

Переоценка всех факторов экстремальной ситуации завершается на стадии **видения целей**. Видение целей здесь определяется их оптимальным выбором, который духовно (идеально) воспроизводит рефлексивный механизм использования субъектом реальных возможностей данной критической ситуации. Таким образом, выделяются три его основных варианта:

1. Использование внутренних возможностей (сил) для удовлетворения внешних требований окружающей среды. Такой механизм целеполагания осуществляется при развитии собственного производства. Оптимизация выбора целей здесь может происходить по принципу минимакса. Он ориентирует на снижение затрат субъектом.

2. Использование внешних возможностей для удовлетворения своих собственных нужд, потребностей, интересов. Эта активная адаптация к внешним условиям осуществляется, например, в маркетинге. Оптимизация выбора целей в таком случае может происходить по принципу максимина². Он ориентирует субъекта на получение выгоды.

3. Использование и внутренних и внешних возможностей экстремальной ситуации для установления новых норм, новых цен, новых “правил игры”. Оптимизация этого процесса может осуществляться по правилу “рационального выбора”, требующему производить выбор должного при соблюдении равенства предельных доходов и предельных издержек [176, с. 44–47]³.

Использование экстремальностей как возможностей может осуществляться:

- 1) для оптимизации духовной и практической деятельности субъекта;
- 2) для оптимизации управленческой деятельности субъекта;

¹ Большую часть этих внутренних и внешних источников прибыли рассматривает А. Бабо [385, с. 39–86].

² В условиях неопределенности “минимакс” и “максимин” используются как критерии субъективной оценки результатов. В экстремальной ситуации они могут использоваться как принципы оптимального выбора целей.

³ Три выделенных целевых направления в предпринимательской деятельности констатирует Б. Карлоф [214, с. 46–47].

3) в предпринимательском управлении.

4.3. Определяющая рефлексия над стратегиями управления неопределенностью

Обеспечение безопасности осуществляется субъектом путем **предупреждения** возможных результатов своего взаимодействия с объектом [386]. Эти результаты формируют потенциально возможную ситуацию. Последняя **представляется** субъекту воображаемой, или гипотетической [387, с. 21; 388, с. 19–21]. Естественная для него позиция в этом случае – позиция “очевидца”.

Противоречивость взаимодействия субъекта с объектом выражается в неопределенности результатов, т.е. в наличии взаимоисключающих возможностей (выгод, приобретений) и опасностей (ущерба, потерь). Степень неопределенности характеризуется понятием “риск”. Риск означает потенциальную противоречивость возможностей и опасностей и имеет вероятностную определенность.

Процесс освоения субъектом объекта можно представить как вероятностное превращение неопределенности в определенность, возникновение определенности из неопределенности. В этой диалектике каждая противоположность содержит в себе “иную”. Определенностью в неопределенности является **тождество** взаимоисключающих противоположностей. С другой стороны, определенность объекта предполагает его тождественность **самому себе** и, следовательно, является внутренне **противоречивой**. Этим объясняется отсутствие в реальности так называемого “нулевого риска” и “полной неопределенности”. Природа риска также оказывается противоречивой. Поэтому его нельзя толковать либо только как объективное явление, либо только как субъективное [289, с. 25–31].

Обычный подход к снятию неопределенности, как уже сказано ранее, осуществляется в рефлексивном процессе принятия решений. Своевременное и верное принятие решений позволяет предупредить возникновение различных критических ситуаций. Однако непринятие вовремя нужных решений ведет напрямую к риску [289, с. 49, 51]. Принятие в данный момент нерискованных решений может в перспективе оказаться рискованным [269, с. 50–51; 389, с. 74]. А принятие решений, содержащих необоснованный риск, свидетельствует о том, что субъект сам попадает в ситуацию риска, т.е. в ситуацию потенциальной неопределенности.

В ситуации потенциальной неопределенности субъект непосредственно сталкивается с ограниченностью своих ресурсов. Неопределенность результатов обуславливается здесь невозможностью опосредствовать желаемую цель. Барьеры, ограничения, возникающие перед ним, играют здесь роль,

“антисредств” и представляются опасностями¹. При наличии сильной мотивированности эта ситуация для субъекта становится критической. На границе между потенциальными возможностями и опасностями субъект ведет себя неестественно, противоречиво, в его поведении выражается агрессивность и безысходность, вследствие чего разрушается рефлексивный механизм принятия решений.

Разрушение рефлексивного механизма процесса принятия решений происходит на всех его стадиях. Изначально это проявляется в непредвиденности (непредсказуемости) результатов. На стадии субъективной оценки происходит либо переоценка своих возможностей при одновременной недооценке опасностей, либо, наоборот, переоценка опасностей при одновременной недооценке возможностей. Отсюда при выборе способа действия возникает авантюризм и перестраховка. Таким образом, обычным путем предупредить ситуацию неопределенности оказывается невозможно.

Предупреждение неопределенности и связанных с ней ситуаций становится реально возможным лишь путем специализации управленческой деятельности и выделения в ней особой области – управления риском². Этот процесс существенно отличается от управления бизнесом, хозяйственной деятельностью и т.д. в условиях риска и неопределенности. Принятие решений **по поводу самого риска** в экономике, политике..., самой управленческой деятельности также нетождественно принятию экономических, политических... или управленческих решений **с учетом риска**³. Логика рефлексивного механизма принятия рискованных решений в данном случае такова:

- 1) предвидение (прогнозирование) риска;
- 2) субъективная оценка риска;
- 3) выбор способа управленческого воздействия на риск⁴.

Каждый из этих этапов имеет свои специфические особенности.

Предвидение (прогнозирование) риска. Процесс определения неопределенности в предвидении возможных результатов взаимодействия субъекта с объектом в простейших ситуациях осуществляется посредством интуиции и личного опыта. Однако необходимость принятия оптимального решения в сложных ситуациях требует специальных методов прогнозирования риска. Число этих методов непрерывно возрастает. В системном анализе их подразделяют на качественные и количественные.

Стандартная методика рефлексивного прогнозирования риска, используемая в относительно стабильных ситуациях, изначально ориентирована на борьбу с ним. Риск представляется здесь объективно только в виде опасно-

¹ О роли барьеров в человеческой деятельности см.: [390].

² Предупредительская функция риска выделяется, например, Е. Смирновой [391, с. 4].

³ Это различие, естественно, является относительным.

⁴ Эти этапы выделяются многими исследователями управления риском. Однако их толкование неоднозначно.

сти. Прогнозирование риска основывается здесь на учете предметной информации о факторах ситуации, вызывающих по различным стратегиям какие-либо потери (качественный анализ). Последующий, количественный анализ информации заключается, по сути, в измерении риска, в определении его уровня или степени. При этом критериями прогностических оценок являются здесь вероятностные ожидания, предполагающие определенную повторяемость событий.

В различных критических ситуациях, отличающихся нестабильностью, обнаруживаются недостатки такой методики рефлексивного прогнозирования риска. Существенными из них являются два. Во-первых, в методике явно не учитывается тот факт, что при использовании определенной стратегии действия субъект сам может стать и нередко становится источником неопределенности и риска [392, с. 35]. Во-вторых, также не учитывается и объективная диалектика ситуации: одни и те же факторы в процессе ее развития могут вызывать и отрицательные, и положительные последствия.

Современные исследования в области прогнозирования риска сосредотачиваются на разработке нестандартной методики. Среди них выделяются два подхода: эмпирический и теоретический. В эмпирическом основные усилия исследователей направлены на уточнение списка рискообразующих факторов для конкретных видов риска, а также на разработку методики оценки влияния этих факторов на динамику соответствующих рисков. Таким образом, например, установлено, что рыночные риски являются производными от 50 до 1000 факторов риска, кредитные риски – от 50 до 200, а риски активов компаний – от 20 до 500 факторов [393, с. 10].

Следствием многообразия рискообразующих факторов являются здесь их различные классификации. Они подразделяются на:

- субъективные и объективные;
- внутренние и внешние;
- качественные и количественные;
- неформализуемые и формализуемые;
- уникальные и интегральные;
- и т.д.

Вместе с тем понятием “риск” все чаще обозначается не только опасность, но и возможность¹.

Главным недостатком эмпирического подхода к прогнозированию риска оказывается постоянная неполнота определенных факторов ситуации. Однако в действительности для этого определения всех факторов и не требуется, достаточно знания основных.

¹ В этой связи в экономической теории прежнее понимание риска только как опасности стало обозначаться как “чистый риск”.

В теоретических разработках нестандартной методики прогнозирования риска особое место занимает теория игр. По мнению С. Филина, она и есть “собственно наука о риске” [392, с. 33].

В теории рефлексивных игр, исходящей из собственного преобразования ситуации, основное внимание уделяется оперированию стратегиями ее игроками. Причем под операцией здесь понимается выбор стратегии из ряда альтернативных. Оптимальной считается та, при которой достигается равновесие выигрышей и проигрышей: максимина и минимакса. Это равновесие означает определенность потенциально возможной ситуации. Соответственно отклонение от него в ту или иную сторону здесь означает возникновение неопределенности в такой ситуации.

“В реальном секторе экономики, – пишет С. Филин, – методы теории игр применимы для принятия принципиально важных долгосрочных стратегических решений” [392, с. 34]. Эта высокая абстрактность, отвлеченность от конкретных ситуаций является и ее основным недостатком в области прогнозирования риска.

Эмпирия и теория, как известно, диалектически связаны и обогащают друг друга. Логично предположить, что разработка нестандартной методики прогнозирования риска и неопределенности должна также основываться на их диалектическом синтезе. Вопрос о форме такого синтеза в литературе пока не ставился. В общем, здесь можно руководствоваться пока лишь принципами диалектического метода¹.

Конкретный анализ конкретной ситуации в данном случае, видимо, должен основываться на непрерывном мониторинге, т.е. отслеживании основных тенденций развития ситуации при особом внимании к ее необычным явлениям. Типы ее основных “игроков” можно представить группами факторов, выраженных в классификационных категориях. В диалектике (игре) этих содержательных категорий взаимоисключающие группы факторов могут представлять результаты альтернативных вариантов прогноза риска.

Превращение объективного в субъективное в таком случае будет определять возможности (выгоды) субъекта. С другой стороны, переход субъективного в объективное будет определять его опасности (ущерб). При этом проникновение (максимизация) объективного в субъективное оказывается исключением (минимизацией) субъективного, и, наоборот, проникновение (максимизация) субъективного в объективное оказывается исключением (минимизацией) объективного. Другие пары категорий конкретизируют эту диалектику. Таким образом, риск здесь будет представляться многоаспектно – в многообразных вариантах различия максиминов и минимаксов.

Субъективная оценка риска иногда отождествляется с прогностической оценкой, определяющей его вероятность. Это не верно. Критерием прогностической оценки является ожидаемый объективный результат, а критерием субъективной оценки является цель. С другой стороны, сторонники субъективной позиции в понимании риска толкуют его как возможное

¹ О прогностических возможностях диалектического метода см.: [394].

отклонение от цели [395]. Это, видимо, согласуется с определением его ценности¹.

Многокритериальный подход при формировании субъективных оценок риска в принципе исходит из одной – главной цели. Эту цель в управлении риском выражает интегральный нормативный критерий безопасности. В соответствии с ним текущий уровень риска оценивается как “допустимый риск”², “чрезмерный риск” и “пренебрежимо малый риск” [396, с. 14–15].

Современное понимание безопасности основывается на балансе между ущербом и выгодой субъекта при каком-либо способе действия [386, с. 10–11]. Однако этот баланс не следует толковать в смысле “точки безубыточности” в экономике. Такое его понимание явно противоречит требованию “устойчивого развития” субъекта. Баланс, определяющий безопасность, должен выражать тождество предельных затрат и выгод. Он должен содержать два главных условия: 1) наличие максимальных возможностей при минимальных опасностях и 2) сохранение минимальных возможностей при максимальных опасностях. Соответствие такому критерию безопасности (допустимый риск) для субъекта означает тождество его потенциальных возможностей и опасностей, чрезмерный риск – превышение его потенциальных опасностей над потенциальными возможностями, а слишком малый риск – превышение его потенциальных возможностей над потенциальными опасностями. Последнее свидетельствует о наличии у субъекта дополнительных возможностей в ситуации. В этом случае риском ему пренебрегать нельзя.

Управление риском осуществляется с целью обеспечения безопасности как человека, так и окружающей его среды [386, с. 15]. Соответственно выделяется его внутренняя цель – внутренняя безопасность и внешняя цель – внешняя безопасность. Нормативный (общий) критерий безопасности в конкретной рискованной ситуации рефлексивно определяет позицию ее “очевидца”, критерий внутренней безопасности – позицию “жертвы”, а критерий внешней безопасности – позицию “инициатора”.

Уровень риска варьируется в разных областях. Его субъективная оценка требует учета конкретных экологических, экономических, социальных, психологических и других факторов.

Выбор способа управленческого воздействия на риск в ситуации потенциальной неопределенности осуществляется субъектом в рефлексивном акте принятия рискованных решений. Здесь возможны три основных варианта:

¹ Аксиологическая оценка риска специально выделяется А.П. Альгиным [269, с. 40–41]. В экономической теории ценность риска определяется как его полезность (см.: [219, с. 132–137]).

² Понятие “допустимый риск” многозначно. Его синонимами являются: “приемлемый риск”, “обоснованный риск”, “разумный риск”, “оправданный риск”, “правомерный риск” и др.

1) если текущий уровень риска оценивается как допустимый, то субъект должен принять решение по его нейтрализации;

2) если текущий уровень риска оценивается как чрезмерный, то субъект должен принять решение по его уменьшению;

3) если текущий уровень риска оценивается как слишком малый, то субъект должен принять решение по его увеличению.

При этом у субъекта возникают особые – ценностные (смысловые) установки, выражающие определенное отношение к риску. Они реализуются разными методами в различных предупредительных (превентивных) мерах.

Нейтрализация риска предполагает компенсацию, т.е. возмещение возможных убытков, потерь. Реализация этого метода осуществляется посредством самострахования и страхования. Уменьшение риска основывается на сокращении возможных убытков, потерь, что достигается путем уклонения от риска (отказ от рискованных проектов, отказ от ненадежных партнеров) или путем его перераспределения (перераспределение рисков между партнерами, распределение риска во времени, диверсификация инвестиций и видов деятельности). Увеличение риска основывается на надежде достигнуть успеха, получить выгоду, даже допуская убытки. Специальные методы его осуществления в литературе пока не выделялись.

Вместе с тем, однако, отмечено: “Решение, в результате принятия которого предполагается хозяйственное использование нового объекта, будь то технический замысел неапробированной на практике конструкции, нетрадиционная технология, новый товар, новая коммерческая схема или хозяйственная инициатива и т.п., сопряжено с повышенным уровнем риска, обусловленным прежде всего принципиальной недоступностью точного знания о будущем...”

Отказ от реализации новых идей и проектов – тупиковый путь, который рано или поздно заканчивается застоем, стагнацией” [397, с. 51].

Исходя из этого можно полагать, что методом увеличения риска является инновация. Локализацию рисков – в смысле создания венчурных предприятий, создания специальных структур для рискованных проектов [398, с. 17] – также можно считать таким методом.

При наступлении рискованного события субъект сталкивается с ситуацией неопределенности актуально. В этом случае перед ним возникают два альтернативных пути: либо ликвидировать неопределенность ситуации объективно, либо ее использовать для самоопределения.

Объективный подход к ликвидации (снятию) неопределенности в настоящее время называется информационным. “Я уже отмечал, – пишет К. Эрроу, – что экономическая роль информации заключается в снижении неопределенности и предотвращении убытков” [398, с. 100]. Дефицит объективной информации для субъекта означает опасность. Поэтому в данном

случае субъект является “жертвой”. Позиция “жертвы” внешняя (в смысле объективности) по отношению к ситуации неопределенности.

С внешней (объективной) точки зрения ситуация неопределенности представляется как проблемная. При остром дефиците информации эта проблемная ситуация выступает как критическая и проявляется в предельно общей форме. В онтологическом аспекте неопределенность здесь представляется дуализмом субъекта и объекта, внутренних и внешних условий или факторов ситуации. В гносеологическом аспекте критическое рассогласование сущего и должного выражается скептицизмом.

Информационный подход к ликвидации неопределенности специализируется в научных исследованиях. Наличие общего рефлексивного механизма решения проблем в данной ситуации означает последовательное выполнение следующих процедур:

- 1) описание ситуации неопределенности;
- 2) объяснение ситуации неопределенности;
- 3) предвидение способов ликвидации неопределенности.

В критических ситуациях речь идет о решении, таким образом, стратегических проблем, выражающих неопределенность.

Описание ситуации неопределенности представляется ее альтернативными характеристиками. Классический образец такого рода описаний продемонстрировала в XX веке физика в теоретическом выражении корпускулярно-волнового дуализма. Двойственность при описании неопределенности означает наличие противоположных (взаимоисключающих) точек зрения на один и тот же объект – внешней и внутренней. С одной точки зрения определяются его функциональные характеристики, с другой – структурные [382, с. 29–32].

В современной экономической теории наличие указанных точек зрения представляется различием макро- и микроподходов. Взгляд “извне” и взгляд “изнутри” выделяются и в исследованиях современного бизнеса [400]. Несомненно, они имеют аналогичные характеристики.

Объяснение ситуации неопределенности в данном случае заключается в выявлении ее источников (и причин). А.П. Альгин при исследовании риска среди них называет следующие: случайность, стихийность, спонтанность, противоборствующие тенденции, столкновения противоречивых интересов, вероятный характер научно-технического прогресса, недостаточность, разнородность и искаженность информации, ограниченность ресурсов при принятии и реализации решений, относительность процесса познания человеком окружающей действительности, невозможность однозначного познания объекта, относительную ограниченность сознательной деятельности человека и др. [269, с. 28–30]. Анализ основных источников возникновения неопределенности, по его мнению, позволяет выделить несколько взаимосвязанных факторов, порождающих неопределенность в обществен-

ных процессах. “Во-первых, это внутренние факторы, присущие обществу как социальному организму: многовариантный, вероятностный характер, противоречивость общественных явлений, элементы стихийности, случайности. Во-вторых, это факторы, связанные с неполнотой информации, сведений об объекте, явлении, процессе. В-третьих, это факторы, обусловленные воздействием субъекта (человек, группа, коллектив, организация, учреждение и т.д.) на общественную жизнь в целях реализации своих потребностей, интересов, целей. В-четвертых, это факторы, связанные с влиянием научно-технического прогресса на социальную, экономическую, политическую и духовную жизнь” [269, с. 30]. Однако такого рода выводы имеют индуктивный характер и являются в определенном смысле ограниченными.

На выявление фундаментальных источников неопределенности в познании, как известно, были направлены усилия еще древних философско-скептиков. Анализируя их учения, Д.В. Джохадзе выделил в качестве такового исходящую из общей противоречивости относительность. Эта относительность представлена в тропах скептиков, которые подразделяются на три основных: 1) тропы, относящиеся к субъекту; 2) тропы, относящиеся к объекту; 3) тропы, фиксирующие соотношение субъекта и объекта [401, с. 66–85].

Специальные исследования неопределенности в современной философии также указывают на то, что ее всеобщим источником является противоречивость [258].

На основании сказанного в качестве основных источников неопределенности, непосредственно проявляющейся в конкретной критической ситуации, можно назвать:

- 1) субъективную противоречивость, достигающую своей наибольшей остроты в конфликтных ситуациях;
- 2) объективную противоречивость, достигающую своей наибольшей остроты в экстремальных ситуациях;
- 3) субъект-объектную противоречивость, достигающую своей наибольшей остроты в пограничных ситуациях.

Причем субъект-объектная противоречивость оказывается здесь как бы главным ее источником, включающим оба первых.

Философский анализ субъект-объектной противоречивости как источника неопределенности представляет в своих трудах Дж. Сорос. В рефлексивной теории он специально выделяет противоречивость в противоположностях мышления и бытия. Рефлексивный цикл взаимодействия мышления и бытия, основанный на двойной обратной связи, проявляется, по его мнению, в истории, экономике, бизнесе, управленческой деятельности, любой человеческой деятельности [319, с. 34–105; 320, с. 15–68].

Предвидение способов ликвидации неопределенности. В зависимости от определенных фундаментальных источников неопределенности предвидятся и наиболее общие способы (стратегии) ее ликвидации. Это: 1) путь

получения информации о самом объекте; 2) путь получения информации о субъекте и 3) путь получения информации о взаимодействии субъекта с объектом. В научном познании они выражаются его подразделением на естественные, общественные и технико-технологические науки. В сфере современной экономики все три пути реализуются в научно-исследовательских и конструкторских разработках (НИОКР).

Анализируя основные источники прибыли, А. Бабо отмечает, что “открытие или инновация могут носить и экономический, и коммерческий, и организационно-управленческий характер” [385, с. 43]. По аналогии с теорией жизненного цикла товара эти стадии открытия и инновации он называет фазой исследования и фазой развития.

Субъективный подход к снятию актуальной неопределенности ситуации называется ценностным. Бабо предполагает **использование неопределенности** для самоопределения. Этот подход реализуется посредством целеполагания, в духовном творчестве. Результаты духовного творчества выражаются в различных ценностных представлениях, в целях и идеалах.

Предпосылкой реализации ценностного подхода в актуальной ситуации неопределенности является особая по отношению к ней рефлексивная позиция субъекта – позиция “инициатора”. С этой позиции (как и с позиции “очевидца”) она рассматривается “изнутри” и выглядит как пограничная.

В пограничной ситуации неопределенность выступает как граница на пути освоения субъектом объекта. Причем именно непреодолимость границы делает данную ситуацию критической. Барьеры-ограничения представляются в ней разнообразными объективными факторами и выражаются различными понятиями. Среди них называются такие: “небытие”, “смерть”, “опасность”, “случайность”, “хаос”, “открытость”, “нестабильность”, “неизвестность”, “непредсказуемость”, “новизна” и др. Чувственный образ такой границы трудно уловим. П. Вейлл выражает его метафорами: “постоянно бурлящая вода”, “китайский бейсбол”, “шаги в темноту” [218, с. 15–17].

Использование неопределенности в пограничной ситуации осуществляется на всех трех стадиях рефлексивного процесса целеполагания:

- 1) на стадии ее переживания;
- 2) на стадии ее понимания;
- 3) на стадии видения целей.

Особенностью процесса целеполагания здесь является его преимущественно внутренняя направленность – на самосовершенствование субъекта.

В переживании пограничной ситуации неопределенность выступает как непреодолимая граница между тем, что субъекту нужно сделать, и тем, что не нужно. Столкновение с такой границей вызывает у него гамму сильных отрицательных эмоций и чувств, называемую в психологии фрустрацией. Реакцией на столкновение является отрицание всего того, что не нужно, сосредоточенность только на том, что нужно. Эмоционально такая реакция

выражается катарсисом, т.е. внутренним очищением души человека от всевозможных страданий¹.

Катарсис несет в себе положительные чувства, такие, как вдохновение, энтузиазм, азарт и т.д. Страсть к нарушению различных запретов, влечение к различным угрозам объясняются стремлением человека еще и еще раз пережить его [402].

“Мотивировка наших поступков в новых ситуациях, – пишет П. Вейлл, – все время колеблется между пылким рвением и полной растерянностью, по мере того как выявляются различные грани новой игры... Ведь порой трудно определить не только сами цели, но и наши мысли и чувства” [218, с. 36].

Понимание пограничной ситуации. Как непреодолимая граница между тем, что субъект может практически сделать, и тем, что не может, т.е. тем, что является для него опасным, неопределенность исключает понимание. При столкновении с такой границей его представления и образы ситуации обращаются в иллюзии². Однако в этом же столкновении рождается и саморефлексия субъекта, являющаяся источником его творческого мышления.

Развитие творческого мышления человека осуществляется, как известно, в двух противоположных направлениях. Одно из них представляется в художественной форме, другое – в теоретической. В художественном мышлении создаются искусственные “возможные миры”. В теоретическом мышлении они определяются как новые “онтологии”. Философская рефлексия путем критического переосмысливания исходных понятийных схем совмещает все “возможные миры” в сфере единого “жизненного мира” субъекта³.

Благодаря творческому мышлению субъекту удастся осмыслить конкретную пограничную ситуацию по-новому, взглянуть на нее с иных точек зрения. Многократная всесторонняя интерпретация и переинтерпретация раскрывает ее новые аспекты и уровни, моделирует новые комбинации ее факторов. Таким образом, рефлексия в пограничной ситуации существенно увеличивает степень свободы субъекта. Новые представления его возможного опыта сменяют устаревшие догмы и парадигмы.

Видение целей в пограничной ситуации осуществляется в рефлексивных актах экзистенциального выбора. Полагая образы должного, субъект утверждает в нем свое собственное существование. В таком самоопределении представляющая неопределенность граница в освоении субъектом объекта оказывается основанием и точкой отсчета его духовного самосовершенствования.

¹ Явление катарсиса описывается в медицине, психологии, эстетике, этике, религии. С ним, очевидно, связаны и основополагающие идеи философии буддизма.

² Принципы старой теории менеджмента, ограничивающие нашу способность понимать его мир, в настоящее время, по мнению П. Вейлла, являются мифами [218, с. 25–29].

³ “От современного менеджера-руководителя требуется столь высокая степень философского мышления, – пишет П. Вейлл, – что иной раз приводит в замешательство или даже возмущает людей практического, несколько приземленного склада ума, которые обычно занимали эти должности” [218, с. 33–34].

вания. Выбор своих целей и идеалов на этом основании становится свободным. Вместе с тем, в обостренной ситуации отсекаются второстепенные цели, в роли ценностных ориентиров остаются лишь главные – идеалы.

Образы должного выводят субъект за пределы наличной критической ситуации, устанавливая для нее новую границу, новый уровень притязаний. Этот выход обеспечивает рефлексивная смена целей и идеалов.

Как известно, в практической деятельности даже иллюзорные идеалы и цели обладают реальной побудительной силой. В критических ситуациях они способны доводить человека до героизма и фанатизма, до самопожертвования и преступления. Наличие целостного рефлексивного механизма целеполагания у субъекта, находящегося в пограничной ситуации, обеспечивает формирование истинных идеалов, способствующих его саморазвитию. Процветание компаний в стихии “постоянно бурлящей воды” также связано напрямую с их ориентацией на совершенство – на совершенные образы производства и управления [217, с. 26–27, 40–41, 64–71, 78–79, 86–89, 208–209].

* * *

Определив все возможные (основные) стратегии действия, субъект внешнего рефлексивного управления может предложить их для выбора в качестве идеала субъекту, находящемуся в той или иной критической ситуации. Однако последнему прагматический смысл стратегий действия раскрывается с другой стороны:

- смысл стратегии предупреждения потенциальной критической ситуации им обнаруживается при выборе между возможностью и опасностью, между добром и злом;
- смысл стратегии ликвидации актуальной критической ситуации им обнаруживается при выборе между большей и меньшей опасностью, т.е. при выборе наименьшего зла;
- смысл стратегии использования актуальной критической ситуации им обнаруживается при выборе между меньшей и большей возможностью, т.е. при выборе наибольшего блага.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии ставилась цель – выявить управленческие способности философской рефлексии в роли методологии человеческой деятельности, а также ее необходимость в самоуправлении и внешнем управлении критическими ситуациями. Реализация философской рефлексии определилась основополагающей функцией философии в процессах подготовки и принятия решений. Само же решение данной проблемы связывалось с возвращением к философским истокам понятия “рефлексия” в специальном методологическом исследовании ее творческой функции. Предложенная концепция рефлексивного управления направлена на поиск мировоззренческой целостности, в свете которой обретают вполне определенный смысл обособленные в концептуальном пространстве рефлексивного управления подходы, называемые авторами гуманитарным, системомыследеятельностным и натуралистическим. Эти подходы позиционируются философской рефлексией в более общую (фундаментальную) методологическую концепцию, где выступают как взаимосвязанные моменты. Причем их соответствующие ориентации на решение проблем выбора, связи и обратной связи представляются в естественной дополнительности.

Достигнутые результаты исследования резюмируются выполнением основных задач. Осуществленный под методологическим углом зрения анализ развития понятия рефлексии в истории философии позволил сделать ряд выводов, образовавших своего рода базис дальнейшей работы в избранном направлении. В методологическом смысле рефлексия предстала как способ творческого разрешения противоречий между субъектом и объектом, определяющим воспроизведение и производство оснований человеческой деятельности. Специфика философской рефлексии обозначилась в полагании ее предельных, мировоззренческих оснований, подразделяющихся, в свою очередь, на предметные, операциональные и ценностные. В опосредствовании отражения и действия между субъектом и объектом рефлексия обрела свой управленческий смысл.

В рефлексивном управлении уникальность философской рефлексии определяется ее универсальным методологическим смыслом. Управляя собой посредством собственной деятельности, человек управляет любым объектом. С другой стороны, в сферу действия рефлексивного управления попадают объекты, фактически также являющиеся субъектами. Так называемые “человекообразные” объекты отличаются особой сложностью – они наделяются человеческой психикой. Рефлексивное управление имеет потенциально неограниченную сферу применимости и в объективном, и в субъективном плане. В этом смысле рефлексивное управление утверждается как наиболее совершенный способ управленческой деятельности.

Философская концепция рефлексивного управления позволяет различить

два его основных типа: рефлексивное самоуправление и внешнее рефлексивное управление критическими ситуациями. В обычных управленческих ситуациях, отличающихся относительной стабильностью, философская рефлексия выступает как основа методологии самоуправления. В плане внешнего управления критическими ситуациями, среди социокультурных детерминант она представляется как его методологическая основа.

В качестве методологии управленческого самосознания философская рефлексия выявляет мировоззренческие основания управленческой деятельности. При этом производящая деятельность субъекта управления рефлексивно оборачивается и осознается им как воспроизводящая свои объективные основания. Таким образом, осуществляется самоутверждение человека в мире, выявление им универсального рефлексивного механизма управленческих решений, осознание своей управленческой позиции как объективной всеобщей основы самостоятельных управленческих решений.

В процессе подготовки и принятия решений философская рефлексия является методом самоуправления. Таким образом, она обретает прикладную направленность. Воспроизводящая деятельность субъекта управления здесь рефлексивно оборачивается и осознается им как производящая свои субъективные основания, как формирующая свой образ мышления и действия в конкретной управленческой ситуации. С помощью рефлексивного механизма как нормативного правила философская рефлексия формирует процесс подготовки и принятия управленческих решений, т.е. в категориях “цель”, “средство”, “результат” определяет их формы. В этих формах она полагает основания трех методологических концепций управления: “по результатам”, “по отклонениям” и “по целям”.

Философско-методологическая рефлексия, осуществляемая в диалоге по поводу рефлексивного механизма управленческих решений, позволяет управляющему субъекту распознать идеальный тип конкретной критической ситуации, адекватно понять положение управляемого субъекта, сформировать (в виде стратегий) его принципиальное отношение к условиям данной ситуации: предупредить, ликвидировать или использовать ее факторы.

Философско-методологическая рефлексия над стратегиями управления конфликтом, экстремальностью и неопределенностью выявляет их прагматический смысл, предопределяя тем самым идеалы деятельности субъекта в типичных критических ситуациях. Таким образом, рефлексия направляет деятельность субъекта на использование возможностей критических ситуаций, организует ее на ликвидацию опасностей и регулирует ее путем предупреждения безопасности.

Данная концепция рефлексивного управления позволяет реализовать в управлении методологический потенциал философской рефлексии, преодолеть “доморощенные” философские обоснования и методологические схемы, господствующие, например, в бизнес-дисциплинах. Она утверждает важную

роль и значение профессиональной философии в жизни. Научно-практическая значимость избранного направления ее рефлексии косвенно подтверждается и тем фактом, что во второй половине XX – начале XXI века исследования именно в области принятия решений были отмечены Нобелевскими премиями. В XX веке Нобелевскими лауреатами стали такие ученые, как К. Эрроу, Г. Саймон, Г. Беккер, Дж. Бьюкенен, Д. Норт, в XXI веке – Д. Канеман (2002 г.), Р. Ауманн, Т. Шеллинг (2005 г.) [406, с. 69].

Представляя определенный задел в обозначенной области, монографическое исследование, естественно, не решает всех ее насущных проблем. Перспективы дальнейшей философской рефлексии на этом пути видятся в контексте новых идей синергетики, в частности, ее представлений о развивающихся человекообразных системах; в контексте междисциплинарных исследований информационно-коммуникативной реальности; в свете новых подходов к проблеме искусственного интеллекта, различных психотехнологий и психотерапевтических практик, других феноменов постнеклассической науки.

ГЛОССАРИЙ

Внешнее рефлексивное управление – рефлексивное управление, в котором противоречия между субъектом и объектом разрешаются на объективной основе. Оно реализуется в управлении «человекоразмерными», в частности социальными, объектами. Специфика последних заключается в том, что они также являются субъектами человеческой деятельности.

Поскольку каждый субъект всегда находится в конкретной ситуации, посредством управления социальными объектами осуществляется и управление этими ситуациями.

Внешнее управление – управленческая деятельность, в которой противоречия между субъектом и объектом разрешаются на основе объекта.

Внутреннее рефлексивное управление – рефлексивное управление, в котором противоречия между субъектом и объектом разрешаются на субъективной основе. Субъективной основой внутреннего рефлексивного управления является самосознание субъекта. Оно определяет источник его управленческой активности, центр власти. Власть – это управленческий потенциал субъекта, заключающий в себе его мощь и силу.

Внутреннее рефлексивное управление проявляется в самоуправлении.

Диалоговое понимание – понимание, возникающее в реальном процессе диалога, в общении, в коммуникациях. Основано на взаимном ориентировании взглядов, позиций, точек зрения и т. д.

Идеальные типы критических ситуаций – идеализированные схемы типичных критических ситуаций, их категориальные модели. Выделяются три таких типа: 1) идеальный тип конфликтной ситуации, представляемый категориальной схемой: $S - O - S'$; 2) идеальный тип экстремальной ситуации, представляемый категориальной схемой: $O - S - O'$; 3) идеальный тип пограничной ситуации, представляемый категориальной схемой: $S - S' - O$.

Критическая ситуация – ситуация, в которой субъект теряет способность управления. Возникает при утрате контроля над ситуацией. Характеризуется нестабильностью.

Методология – имеет два значения: 1) учение о методе (методах); 2) сам метод (совокупность методов).

Обычная управленческая ситуация – ситуация повседневной управленческой деятельности, отличающаяся преобладанием рутинных ожиданий ее участников. Характеризуется относительной стабильностью.

Ответственное управленческое решение – управленческое решение, посредством которого субъект устанавливает положительную обратную связь.

Ответственность – способность субъекта устанавливать обратную связь. В отношении управленческих решений целесообразно также использовать понятие «методологическая ответственность».

Рефлексивная система – система, один из элементов которой выполняет функцию отображения целого (В. А. Лефевр).

Рефлексивное управление – управленческая деятельность, осуществляемая на основе рефлексии и посредством рефлексии; это управленческое воздействие обращающее назад – отражающее свое в иное, а иное в свое.

Рефлексивные стратегии управления – наиболее общие способы действий, предлагаемые в рефлексивном управлении критическими ситуациями. К ним относятся: стратегия предупреждения, стратегия ликвидации и стратегия использования.

Рефлексивный механизм управленческих решений – методологический инвариант рефлексивного процесса подготовки и принятия решений, его смысловая структура, представляющая систему универсалий: цель – средство – результат.

Рефлексия – отражение себя в ином, а иного в себе (производящая рефлексия) или иного в себе, а себя в ином (воспроизводящая рефлексия).

Саморефлексивная система – система, являющаяся одновременно рефлексивной и самоорганизующейся (В. А. Лефевр).

Самостоятельное управленческое решение – управленческое решение, основой детерминации которого являются внутренние для субъекта факторы, обеспечивающие его целостность.

Самостоятельность – свойство (форма) субстанциональной самодетерминации. Самостоятельность социального субъекта диалектически связана с ответственностью.

Самоуправление (внутреннее управление) – управленческая деятельность, в которой противоречия между субъектом и объектом разрешаются на основе субъекта. При этом объектом управления является сам субъект.

Поскольку сущностью управленческой деятельности является решение управленческих проблем, самоуправление можно определить как самостоятельное решение управленческих проблем.

Свобода – форма выражения универсальности бытия человека (субъекта).

Ситуация – случай, событие, локус, фрагмент бытия. Представляется соотношением, взаимодействием и развитием своих субъектных и объектных факторов, детерминант.

Творчество – социальная форма развития, основанная на рефлексивной парадоксальности. Отличается от развития социальной формы как таковой.

Управление – единство направления, организации и регуляции (регулирования) какого-либо процесса.

Управление как деятельность (управленческая деятельность) – специализированная человеческая деятельность, выражающаяся в планировании, реализации планов и контроле. Сущностью управленческой деятельности является осознанное разрешение противоречий, возникающих в процес-

се взаимодействия субъекта с объектом. Разрешение противоречий между субъектом и объектом управленческой деятельности может осуществляться как на объективной, так и на субъективной основе, как на основе объекта, так и на основе субъекта.

Управленческая ситуация – ситуация, содержащая управленческую проблему; требующая плана и контроля целенаправленного воздействия на объект.

Управленческие проблемы – формы осознания противоречий, возникающих в управленческой деятельности. Их можно подразделить на проблемы выбора, проблемы связи (единства) и проблемы обратной связи.

Управленческое решение – решение управленческой проблемы. Оно может выступать в трех основных формах: как цель, как средство, как результат.

Философско-методологическая рефлексия – философская рефлексия над методологическими основаниями духовной и практической деятельности.

Философская рефлексия – абстрактно определяется как рефлексия рефлексии; конкретно как: 1) способ индивидуального (Локк) и общественного (Гегель) самосознания; 2) способ мировоззренческого отражения бытия; 3) способ осознания предельных оснований познавательного, практического и ценностного отношения субъекта к объекту; 4) осмысление предельных оснований человеческого бытия и мышления. В аспекте социального развития (творчества) подразделяется на воспроизводящую и производящую.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гончарук, С.И. Искусству мыслить на уровне научного знания надо учиться / С.И. Гончарук // Вестн. Рос. филос. о-ва. – 2008. – 1(45). – С. 107–110.
2. Лефевр, В.А. Кибернетика второго порядка в Советском Союзе и на Западе / В.А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 96–103. – <http://www.reflection.ru>.
3. Лефевр, В.А. Конфликтующие структуры / В.А. Лефевр. – М.: Сов. радио, 1973. – 158 с.
4. Дружинин, В.В. Проблемы системологии (проблемы теории сложных систем) / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов. – М.: Сов. радио, 1976. – 296 с.
5. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1973. – 424 с.
6. Щедровицкий, Г.П. Рефлексия в деятельности / Г.П. Щедровицкий: предисл. А.А. Пузыря // Вопросы методологии: Архив номеров (1991–1995). – С. 157–188. – <http://www.circle.ru/archive/vm/nom>.
7. Огурцов, А.П. Рефлексия / А.П. Огурцов // Новая философская энциклопедия / В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 445–450.
8. Карпов, А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 424 с.
9. Розин, В.М. Рефлексия, мышление, квазирефлексивные структуры / В.М. Розин // Рефлексивные процессы и управление. – 2003. – Т. 3. – № 1. – С. 40–57. – <http://www.reflexion.ru>.
10. Платон. Хармид / Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 341–371.
11. Платон. Федр / Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 135–191.
12. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – Ростов н/Д.: Феникс, 1999. – 608 с. – (Сер. Выдающиеся мыслители).
13. Плотин. Эннеады / Плотин. – Киев: УЦИММ–ПРЕСС, 1995. – 392 с.
14. Августин, А. Исповедь / А. Августин. – М.: Канон+, 1997. – 464 с.
15. Аквинский, Ф. Сумма против язычников / Ф. Аквинский. – Долгопрудный: Вестком, 2000. – Кн. 1. – 463 с.
16. Аквинский, Ф. Сумма теологии I–II. / Ф. Аквинский // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 163–178. – (Вопрос 18: О благе и зле применительно к человеческим действиям вообще).
17. Боргош, Ю. Фома Аквинский / Ю. Боргош. – М.: Мысль, 1966. – 212 с.
18. Декарт, Р. Соч.: в 2 т. / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1994. – Т. 2. – 633 с.
19. Локк, Дж. Соч.: в 3 т. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – 621 с.
20. Лейбниц, Г. Соч.: в 4 т. / Г. Лейбниц. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – 686 с.

21. Лейбниц, Г. Соч.: в 4 т. / Г. Лейбниц. – М.: Мысль, 1982. – Т. 1. – 636 с.
22. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. Соч.: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 3. – 740 с.
23. Кант, И. Логика, 1800 / И. Кант. Соч.: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 8. – С. 266–398.
24. Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант. Соч.: в 8 т. – М.: ЧОРО, 1994. – Т. 5. – 414 с.
25. Фихте, И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии / И.Г. Фихте. Соч. Работы 1792–1801 гг. – М.: Науч.-изд. центр “Ламидор”, 1995. – С. 231–276.
26. Фихте, И.Г. Наукоучение 1801 года / И.Г. Фихте. – М.: Логос; Прогресс, 2000. – 192 с.
27. Шеллинг, Ф.В.Й. Соч.: в 2 т. / Ф.В.Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с.
28. Шеллинг, Ф.В.Й. Соч.: в 2 т. / Ф.В.Й. Шеллинг. – М.: Мысль, 1989. – Т. 2. – 636 с.
29. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
30. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. – 452 с.
31. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2002. – 800 с.
32. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1972. – Т. 3. – 371 с.
33. Гуссерль, Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – 752 с.
34. Хайдеггер, М. Основные понятия метафизики // Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 327–390.
35. Хайдеггер, М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – <http://elenakosilova.narod.ru/studia/prolegomena0.htm>.
36. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; пер. – М.: Политиздат, 1990. – С. 319–344.
37. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.П. Сартр. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
38. Ясперс, К. Введение в философию / К. Ясперс. – Минск: Пропилеи, 2000. – 192 с.
39. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Республика, 1994. – 527 с.

40. Рассказов, Ю. Приложение. Здравый смысл Науки: Систематизирующие замечания о теории Дьюи / Ю. Рассказов // Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. – М.: Совершенство, 1997. – С. 176–186.
41. Дьюи, Д. Психология и педагогика мышления / Д. Дьюи. – М.: Совершенство, 1997. – 203 с.
42. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
43. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 1995. – 800 с.
44. Кентавр: методол. и игротех. альманах. – 1990 – 2003. – Вып. 1–38. – <http://www.circle.ru/kentavr/nom>.
45. Вопросы методологии. Архив номеров (1991–1999). – <http://www.circle.ru/archive/vm/nom>.
46. Методология: вчера, сегодня, завтра / ред.-сост. Г.Г. Копылов, М.С. Хромченко. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 2005. – Т. 1. – 472 с.; Т. 2. – 504 с.; Т. 3. – 488 с.
47. Семенов, И.Н. Памяти Иосифа Семеновича Ладенко: методол. концепция рефлексивной интеллектики и философии образования И.С. Ладенко / И.Н. Семенов // Вопросы методологии: Архив номеров. – 1994. – № 1–2. – <http://www.circle.ru/archive/vm/nom>.
48. Ладенко, И.С. Библиография научных трудов (препр.) / И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т теплофизики, Сиб. отд-е РАН, 1994. – 40 с.
49. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т интеллект. инноваций и проблем консультирования, 1995. – Т. 1: Рефлексивное мышление и творчество. – Ч. 1: Теоретические проблемы рефлексии. – 228 с.
50. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т интеллект. инноваций и проблем консультирования, 1996. – Т. 1: Рефлексивное мышление и творчество. – Ч. 2: Проблемы рефлексии в решении творческих задач. – 182 с.
51. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т интеллект. инноваций и проблем консультирования, 1996. – Т. 2: Рефлексия в обучении и консультировании. – Ч. 1: Рефлексия в обучении. – 175 с.
52. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. И.С. Ладенко. – Новосибирск: Ин-т интеллект. инноваций и проблем консультирования, 1996. – Т. 2: Рефлексия в обучении и консультировании. – Ч. 2: Рефлексия в консультировании. – 177 с.
53. Мысли о мыслях: сб. науч. ст. / отв. ред. Л.П. Дедерер. – Новосибирск: Ин-т философии и права СО РАН, 1997. – Т. 3: Интеллектуальные системы: освоение и развитие. – Ч. 1: Структура и организация интеллектуальных систем. – 199 с.

54. Щедровицкий, Г.П. Рефлексия. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 1995. – С. 485–495.
55. Ладенко, И.С. Предисловие / И.С. Ладенко, О.А. Донских, Г.А. Антипов // Рефлексия в науке и обучении: сб. науч. тр. / отв. ред. И.С. Ладенко, О.А. Донских, Г.А. Антипов. – Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд-е; Ин-т истории, филологии и философии, 1989. – С. 5–6.
56. Ладенко, И.С. О роли рефлексии в самоорганизации интеллектуальных систем / И.С. Ладенко // Рефлексия в науке и обучении: сб. науч. тр. / отв. ред. И.С. Ладенко, О.А. Донских, Г.А. Антипов. – Новосибирск: АН СССР, Сиб. отд-е; Ин-т истории, филологии и философии, 1989. – С. 7–20.
57. Ладенко, И.С. Интеллектуальные системы и логика / И.С. Ладенко. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1973. – 170 с.
58. Ладенко, И.С. Интеллектуальная культура специалистов и средства ее формирования / И.С. Ладенко // Интеллектуальная культура специалиста: сб. науч. трудов. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1988. – С. 14–27.
59. Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание: коллективная монография / отв. ред. Е.Я. Режабек. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1983. – 240 с.
60. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 359 с.
61. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя: Введение в философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Лабиринт, 1996. – 431 с.
62. Мамардашвили, М.К. Кантианские вариации / М.К. Мамардашвили. – М.: Арграф, 1997. – 312 с.
63. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
64. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: Методологические проблемы современной науки: монография / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
65. Блауберг, И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
66. Щедровицкий, Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов / Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 1995. – С. 143–154.
67. Лепский, В.Е. От редактора / В.Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 4–5. – <http://www.reflexion.ru>.

68. Лепский, В.Е. Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России: матер. круглого стола, 5 марта 2001 г. / Ин-т психол. РАН; В.Е. Лепский, А.В. Брушлинский, В.И. Панов и др. // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 6–33. – <http://www.reflexion.ru>.
69. Лепский, В.Е. Становление стратегических субъектов: постановка проблемы / В.Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 5–23. – <http://www.reflexion.ru>.
70. Лефевр, В.А. Формула человека: Контуры фундаментальной психологии / В.А. Лефевр. – М.: Прогресс, 1991. – 108 с.
71. Шрейдер, Ю.А. Искусственный интеллект, рефлексивные структуры и антропный принцип / Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1995. – № 7. – С. 163–167.
72. Розов, М.А. От зерен фасоли к зернам истины / М.А. Розов // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 42–50.
73. Щедровицкий, Г.П. Проблемы методологии системного исследования. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 1995. – С. 155–196.
74. Щедровицкий, Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М.: Изд-во “Шк. культур. политики”, 1995. – С. 281–298.
75. Анисимов, О.С. Стратегическая форма рефлексивного управления в контексте ситуации в России / О.С. Анисимов // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 73–87. – <http://www.reflexion.ru>.
76. Розин, В. Онтологические, направляющие и организационные схематизмы мышления / В. Розин // Кентавр: методол. и игротех. альманах. – 1998. – Вып. 20. – <http://www.circle.ru/kentavr/nom>.
77. Красовский, Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы (на материале 120 российских компаний): практ. пособ. / Ю.Д. Красовский. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 368 с.
78. Степин, В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М.: Прогресс–Традиция, 2000. – 744 с.
79. Лаудан, Л. Главы из книги “Наука и ценности” / Л. Лаудан // Современная философия: хрестоматия / сост.; пер.; вступ. ст.; вводн. замечания; коммент. А.А. Печенкина. – М.: Наука, 1994. – С. 197–229.
80. Трубников, Н.Н. О категориях “цель”, “средство”, “результат” / Н.Н. Трубников. – М.: Высшая школа, 1986. – 148 с.
81. Швырев, В.С. Теория познания и методологический анализ науки // Гносеология в системе философского мировоззрения / отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1983. – С. 123–148.
82. Лойфман, И.Я. Мировоззренческие штудии: избр. работы / И.Я. Лойфман. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2002. – 100 с.

83. Mind and World-Order. Outline of a Theory of Knowledge by CILewis. – http://www.amazon.com/gr/product/1417908920/gid=1151640543/sr=22/ref=pd_bbs_b_2_2/002-6661974-5356026?s=books&v=glance&n=283155.
84. Мамчур, Е.А. Фундаментальные и прикладные исследования: проблема границ / Е.А. Мамчур // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире: сб. тр. / отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. – С. 434–452.
85. Пригожин, И. Дано ли нам будущее / И. Пригожин // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире: сб. тр. / отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. – С. 453–461.
86. Удумян, Н.К. Слово редактора / Н.К. Удумян // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире: сб. тр. / отв. ред. Н.К. Удумян. – М.: Наука, 2004. – С. 5–6.
87. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М.: ЭЛПИС, 2003. – 944 с.
88. Цоколов, С. Дискурс радикального конструктивизма / С. Цоколов. – 2006. – <http://www.circle.ru/biblio/lib/13/print>.
89. Цапок, В.А. Творчество (философский аспект проблемы) / В.А. Цапок. – Кишинев: Штиинца, 1989. – 150 с.
90. Швырев, В.С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки / В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1985. – № 6. – С. 44–56.
91. Лефевр, В.А. Рефлексия / В.А. Лефевр. – М.: Когито-Центр, 2003. – 496 с.
92. Управление по результатам / Т. Санталайнин, Э. Воутилайнен, П. Поренне, Й.Х. Ниссинен. – М.: Прогресс, 1993. – 320 с.
93. Ансофф, И. Стратегическое управление / И. Ансофф. – М.: Экономика, 1989. – 519 с.
94. Клиланд, Д. Системный анализ и целевое управление / Д. Клиланд, В. Кинг. – М.: Сов. радио, 1974. – 280 с.
95. Моррисей, Дж. Целевое управление организацией / Дж. Моррисей. – М.: Сов. радио, 1979. – 144 с.
96. Обэр-Крие, Дж. Управление предприятием / Дж. Обэр-Крис. – М.: Прогресс, 1973. – 304 с.
97. Драккер, П.Ф. Управление, нацеленное на результаты / П.Ф. Драккер. – М.: Технол. Шк. бизнеса, 1994. – 200 с.
98. Бокарев, В.А. Человеческая деятельность и диалектика развития понятия “управление” / В.А. Бокарев // Кибернетика и диалектика / отв. ред. А.Д. Урсул. – М.: Наука, 1978. – С. 64–82.
99. Рейльян, Я.Р. Аналитическая основа принятия управленческих решений / Я.Р. Рейльян. – М.: Финансы и статистика, 1989. – 205 с.

100. Нормативные и дескриптивные модели принятия решений: матер. сов.-амер. семинара / ред. кол. Б.Ф. Ломов, В.Ю. Крылов, Н.В. Крылова, Р.Д. Люс, В.К. Эстес. – М.: Наука, 1981. – 350 с.
101. Пирожков, В.А. Проблема оптимизации управленческих решений / В.А. Пирожков. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 168 с.
102. Попов, Е. Организационные рутины предприятия: к синтезу эволюционных и системно-интеграционных походов / Е. Попов, Н. Хмелькова // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – № 6. – С. 55–62.
103. Алексеев, Н. Рутин, время и неопределенность в стратегиях управления изменениями / Н. Алексеев // Проблемы теории и практики управления. – 2004. – № 6. – С. 63–68.
104. Сенге, П. Пятая дисциплина: искусство и практика самообучающейся организации / П. Сенге. – М.: Олимп-Бизнес, 1999. – 408 с.
105. Рубинштейн, М.Ф. Интеллектуальная организация. Привнеси будущее в настоящее и преврати творческие идеи в бизнес-решения / М.Ф. Рубинштейн, А.Р. Фирстенберг. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 192 с.
106. Хант, Р. Как создать Интеллектуальную организацию / Р. Хант, Т. Базан. – М.: ИНФРА-М, 2002. – 230 с.
107. Тарасов, В.Б. От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика / В.Б. Тарасов. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 352 с.
108. Лепский, В.Е. Рефлексивное предприятие XXI века / В.Е. Лепский, Г.И. Зорина // Рефлексивные процессы и управление. – 2005. – Т. 5. – № 2. – С. 21–40. – <http://www.reflexion.ru>.
109. Джонсон, Р. Системы и руководство / Р. Джонсон, Ф. Каст, Д. Розенцвейг. – М.: Советское радио, 1971. – 647 с.
110. Бочаров, М.К. Наука управления: новый подход (точка зрения ученого) / М.К. Бочаров. – М.: Экономика, 1990. – 62 с.
111. Никифоров, Г.С. Самоконтроль человека / Г.С. Никифоров. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 192 с.
112. Арлычев, А.Н. Саморегуляция, деятельность, сознание / А.Н. Арлычев. – СПб.: Наука, СПб. отд-е, 1992. – 148 с.
113. Синергетика и социальное управление / под общ. ред. В.С. Егорова. – М: РАГС, 1998. – 352 с.
114. Цоколов, С. Эпистемология замкнутости Хайнца фон Фёрстера // С. Цоколов. Дискурс радикального конструктивизма. – 2006. – <http://www.circle.ru/biblio/lib/13/print>.
115. Карпичев, В. Самоменеджмент (введение в проблему) / В. Карпичев // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – № 3. – С. 103–106.
116. Корнилов, А.П. Диагностика регулятивной функции самосознания / А.П. Корнилов // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 107–114.

117. Корнилова, Т.В. О функциональной регуляции принятия интеллектуальных решений / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 73–84.
118. Семенов, И.Н. Исследование рефлексивного аспекта принятия решения как фактора оптимизации мышления / И.Н. Семенов, Е.А. Сиротина, В.К. Зарецкий // Исследование процессов принятия решения / отв. ред. В.П. Зинченко. – М.: ВНИИ техн. эстетики, 1977. – С. 110–133.
119. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
120. Сокулер, З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна / З.А. Сокулер. – СПб.: РХГИ, 2001. – 240 с.
121. Гордеева, Н.Д. Роль рефлексий в построении предметного действия / Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 2. – С. 90–105. – <http://www.reflexion.ru>.
122. Шаров, А.С. Онтология рефлексии: природа, функции и механизмы / А.С. Шаров // Рефлексивные процессы и управление. – 2005. – Т. 5. – № 1. – С. 71–92. – <http://www.reflexion.ru>.
123. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела – М.: Прогресс–Традиция, 2001. – 224 с.
124. Луман, Н. Формы помощи в прогрессе изменения общественных условий / Н. Луман. – <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sjl-00lhm/html/>.
125. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман. – <http://www.sociologika.ru/luman/pdt>.
126. Луман, Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии / под ред. А.О. Бороноева. – СПб., 1994. – С. 25–42. – <http://studlib.ru/article/a-114.html>.
127. Шарден, П.Т. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
128. Лефевр, В.А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? / В.А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. – 2004. – Т. 4. – № 1. – С. 75–98. – <http://www.reflexion.ru>.
129. Лекторский, В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? / В.А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 56–65.
130. Леонтьев, А.Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – 320 с.
131. Анохин, П.К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
132. Швырев, В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномен человека» (попытка современной оценки) / В.С. Швырев // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 107–115.
133. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – 2-е изд., доп. / Э.В. Ильенков – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

134. Князева, Е.Н. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов / Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 3–20.
135. Плеснер, Х. Ступени органического и человека / Х. Плеснер // Проблема человека в западной философии: переводы / сост.; послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 96–151.
136. Лефевр, В.А. Закон саморефлексии: возможное общее объяснение трех различных психологических феноменов / В.А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. – 2003. – Т. 3. – № 1. – С. 64–73. – <http://www.reflexion.ru>.
137. Лефевр, В.А. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе / В.А. Лефевр, Дж. Адамс-Веббер // Рефлексивные процессы и управление. – 2001. – Т. 1. – № 1. – С. 34–46. – <http://www.reflexion.ru>.
138. Розов, М.А. От зерен фасоли к зернам истины / М.А. Розов // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 42–50.
139. Гальперин, П.Я. К анализу теории Ж. Пиаже о развитии детского мышления / П.Я. Гальперин, Д.Б. Эльконин // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 296–324.
140. Михайлов, Ф.Т. Общественное сознание и самосознание индивида / Ф.Т. Михайлов. – М.: Наука, 1990. – 222 с.
141. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – 2-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. – Т. 42. – С. 165.
142. Пиаже, Ж. Теория Пиаже / Ж. Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 106–157.
143. Пиаже, Ж. Роль действия в формировании мышления / Ж. Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 199–224.
144. Пиаже, Ж. О природе креативности / Ж. Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 243–252.
145. Дубровский, Д.И. Проблема идеального / Д.И. Дубровский. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.
146. Пиаже, Ж. Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное / Ж. Пиаже // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 252–261.

147. Давыдов, В.В. Жан Пиаже о роли действий в мышлении / В.В. Давыдов // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 333–352.
148. Ришар, Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений / Ж.Ф. Ришар. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 282 с.
149. П.Я. Гальперин и Ж. Пиаже: два подхода к проблеме психического развития ребенка // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 352–367.
150. Бурменская, Г.В. Неопиажизм: попытки интеграции теории Пиаже и информационного подхода в исследованиях Ж. Паскуаль-Леоне и Р. Кейса / Г.В. Бурменская // Жан Пиаже: теория, эксперименты, дискуссии: сб. ст. / сост. и общ. ред. Л.Ф. Обухова и Г.В. Бурменской; предисл. Л.Ф. Обухова. – М.: Гардарики, 2001. – С. 564–572.
151. Декарт, Р. Разыскание истины / Р. Декарт. – СПб.: Азбука, 2000. – 288 с.
152. Лекторский, В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
153. Тихомиров, О.К. Принятие решения как психологическая проблема / О.К. Тихомиров // Проблема принятия решения: сб. ст. – М.: Наука, 1976. – С. 77–82.
154. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
155. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность (лекции и интервью, апрель 1989 г., г. Москва) / Ю. Хабермас. – М.: Наука, 1992. – 176 с.
156. Рузавин, Г.И. Теория рационального выбора и границы её применения в социально-гуманитарном познании / Г.И. Рузавин // Вопросы философии. – 2003. – № 5. – С. 57–70.
157. Нейман, Дж. Теория игр и экономическое поведение / Дж. Нейман, О. Моргенштерн; пер. с англ.; под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 707 с.
158. Козелецкий, Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
159. Корнилова, Т.В. Психология риска и принятия решений: учеб. пособ. для вузов / Т.В. Корнилова. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – 286 с.
160. Жарова, Л.В. Учить самостоятельности: кн. для учителя: пособие для студ. педин-тов и учителей) / Л.В. Жарова. – М.: Просвещение, 1993. – 203 с.
161. Самченко, В.Н. Связь и свобода. Эволюция связи в природе и обществе: монография / В.Н. Самченко. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1995. – 151 с.

162. Дышлевый, П.И. Что такое общая картина мира / П.И. Дышлевый, Л.В. Яценко. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
163. Ильина, Е.В. Рефлексивное управление обучением учащихся общеобразовательной школы: дис. ... канд. пед. наук / Е.В. Ильина. – Барнаул, 1998. – 202 с.
164. Кимелев, Ю.А. Теория коммуникативного действия / Ю.А. Кимелев. Т. 2: Критика функционалистского разума // Современная западная теоретическая социология: реферат. сб. – Вып. 1: Юрген Хабермас / отв. ред. Н.Л. Полякова. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 80–101.
165. Зарецкий, В. Концептуальная схема самоопределения / В. Зарецкий, Р. Каменский // Кентавр: методол. и игротех. альманах. – 1995. – № 2. – Вып. 14. – <http://www.circle.ru/kentavr/nom>.
166. Барвайс, Дж. Ситуация и установки / Дж. Барвайс, Дж. Перри // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 264–292.
167. Дружинин, В.В. Идея, алгоритм, решение / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов. – М.: Воениздат, 1972. – 329 с.
168. Матюшкин, А.М. Классификация проблемных ситуаций / А.М. Матюшкин // Вопросы психологии. – 1970. – № 5. – С. 23–35.
169. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Дело, 1992. – 702 с.
170. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Сенсор, 2000. – 368 с.
171. Екатеринославский, Ю.Ю. Управленческие ситуации: анализ и решение / Ю.Ю. Екатеринославский. – М.: Экономика, 1988. – 191 с.
172. Росс, Л. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 429 с.
173. Красовский, Ю.Д. Личность руководителя в системе управленческих отношений: методологический аспект / Ю.Д. Красовский // Философские науки. – 1986. – № 4. – С. 11–19.
174. Лефевр, В.А. О самоорганизующихся и саморефлексивных системах / В.А. Лефевр // Рефлексивные процессы и управление. – 2005. – Т. 5. – № 1. – С. 29–34. – <http://www.reflexion.ru>.
175. Степанов, С.Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций / С.Ю. Степанов. – М.: Наука, 2000. – 174 с.
176. Цлаф, В.М. Управленческие проблемы: их сущность и логическая структура / В.М. Цлаф // Вопросы методологии: Архив номеров 1998 г. – <http://www.circle.ru/archive/vm/nom>.
177. Эклунд, К. Эффективная экономика – шведская модель / К. Эклунд. – М.: Экономика, 1991. – 349 с.
178. Швери, Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический империализм / Р. Швери // Российский экономический журнал. – 1997. – № 7. – С. 35–51.

179. Дюзинг, К. Силлогистика и диалектика в сискулятивной логике Гегеля / К. Дюзинг // *Философия Гегеля: проблемы диалектики*. – М.: Наука, 1987. – С. 199–223.
180. Планкетт, Л. Выработка и принятие управленческих решений / Л. Планкетт, Г. Хейл. – М.: Экономика, 1984. – 167 с.
181. Лойфман, И.Я. Отражение как высший принцип марксистско-ленинской гносеологии / И.Я. Лойфман. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 116 с.
182. Sadler, G.B. Responsibility and moral philosophy as a project in Derrida's later works / G.B. Sadler // *Minerva – An Internet Journal of Philosophy*. – 2004. – Vol. 8. – <http://www.ul.ie/~philos/vol8/derrida.html>.
183. Дидье, Ж. Философский словарь / Ж. Дидье. – М.: Межд. отношения, 2000. – 544 с.
184. Муздыбаев, К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983. – 240 с.
185. Томашев, В.В. Структура социальной ответственности и ее трактовка в современном идеализме / В.В. Томашев // *Методол. и практ. значение категорий свобода, ответственность, демократия: межвуз. темат. сб.* / под ред. Б.П. Шубнякова. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1979. – С. 89–97.
186. Ответственность в управлении: коллективная монография / отв. ред. А.Е. Лунев, Б.М. Лазарев. – М.: Наука, 1985. – 303 с.
187. Ролстон, Ш.Х. Существует ли экологическая этика? / Ш.Х. Ролстон // *Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и франц.* / сост. Л.И. Василенко и Ермолаевой; ввод. ст. Ю.А. Шрейдера. – М.: Прогресс, 1990. – С. 258–288.
188. Косолапов, Р.И. Свобода и ответственность / Р.И. Косолапов, В.С. Марков. – М.: Политиздат, 1969. – 95 с.
189. Белоусов, Р.А. Ответственность – ключевой элемент системы управления / Р.А. Белоусов, В.И. Павлюченко // *Ответственность в системе управления (вопросы теории и практики): переводы* / общ. ред. Р.А. Белоусова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 8–32.
190. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // *Избр. произведения: пер. с нем.* / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.
191. Ленк, Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники / Х. Ленк // *Философия техники в ФРГ: пер. с нем. и англ.* / сост. и предисл. Ц.Г. Арзаканяна и В.Г. Горохова. – М.: Прогресс, 1995. – С. 372–392.
192. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 183 с.
193. Митчем, К. Что такое философия техники? / К. Митчем. – М.: Аспект-Пресс, 1995. – 149 с.

194. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сб. / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
195. Атфилд, Р. Этика экологической ответственности (главы из книги) / Р. Атфилд // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: пер. с англ. и франц. / сост. Л.И. Василенко и В.Е. Ермолаевой; введ. ст. Ю.А. Шрейдера. – М.: Прогресс, 1990. – С. 203–257.
196. Апресян, Р.Г. Ответственность / Р.Г. Апресян // Новая философская энциклопедия / В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – С. 171–173.
197. Сорина, Г.В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: монография / Г.В. Сорина. – М.: Гардарики, 2005. – 253 с.
198. Лефевр, В.А. Алгебра совести / В.А. Лефевр. – М.: Когнито-Центр, – 2003. – 426 с.
199. Никитаев, В. Методология и власть: Кант / В. Никитаев // Кентавр: методол. и игротех. альманах. – 2003. – Вып. 31. – <http://www.circle.ru/kentavr/nom>.
200. Лепский, В.Е. Лефевр и рефлексия / В.Е. Лепский // Рефлексивные процессы и управление. – 2006. – Т. 6. – № 1. – С. 26–37. – <http://www.reflexion.ru>.
201. Савельзон, О. Культура принятия решений как фактор прогресса России / О. Савельзон // Вопросы философии. – 2003. – № 10. – С. 31–45.
202. Кравец, А.С. Мироззрение: структура и функции в системе общественного сознания / А.С. Кравец // Ежегодник филос. о-ва СССР, 1985 г. / отв. ред. Ф.В. Константинов. – М.: Наука, 1986. – С. 26–45.
203. Хайдеггер, М. Послесловие к “Что такое метафизика?” / М. Хайдеггер // Время и бытие: ст. и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 36–41.
204. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 322 с.
205. Ломов, Б.Ф. Вопросы общей, педагогической и инженерной психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Педагогика, 1991. – 295 с.
206. Психология эмоций: тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 287 с.
207. Симонов, П.В. Информационная теория эмоций / П.В. Симонов // Психология эмоций: тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 178–185.
208. Шредер, Г.А. Руководить сообразно ситуации / Г.А. Шредер. – М.: СП “Интерэксперт”, 1994. – 158 с.
209. Философский энциклопедический словарь / ред. коллегия: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – М.: Сов. энцикл., 1989. – 815 с.
210. Загадка человеческого понимания / под общ. ред. А.А. Яковлева. – М.: Политиздат, 1991. – 352 с.
211. Никифоров, В.Е. Проблемная ситуация и проблема: генезис, структура, функции / В.Е. Никифоров. – Рига: Зинатне, 1998. – 183 с.

212. Хамидов, А.А. Историзм категориальных форм мышления. Категории в истории коллективного человеческого познания / А.А. Хамидов // Теория познания: в 4 т. / под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1993. – Т. 3: Познание как исторический процесс. – С. 13–36.
213. Растрингин, Л.А. Современные принципы управления сложными объектами / Л.А. Растрингин. – М.: Сов. радио, 1980. – 232 с.
214. Карлоф, Б. Деловая стратегия / Б. Карлоф. – М.: Экономика, 1991. – 238 с.
215. Стэк, Дж. Большая игра в бизнесе / Дж. Стэк. – М.: Деловая лига, 1994. – 216 с.
216. Зигерт, В. Руководить без конфликтов / В. Зигерт, Л. Ланг. – М.: Экономика, 1990. – 334 с.
217. Рюттингер, Р. Культура предпринимательства / Р. Рюттингер. – М.: ЭКОМ, 1992. – 237 с.
218. Вейлл, П. Искусство менеджмента / П. Вейлл. – М.: Финпресс, 1993. – 256 с.
219. Пиндайк, Р. Микроэкономика / Р. Пиндайк, Д. Рубинфельд. – М.: Экономика: Дело, 1992. – 509 с.
220. Современный бизнес: учебник: в 2 т. / Д.Дж. Речмен, М.Х. Мескон, К.Л. Боуви, Дж. Тилл. – М.: Республика, 1995. – Т. 2. – 479 с.
221. Друри, К. Введение в управленческий и производственный учет / К. Друри. – М.: ЮНИТИ, 1994. – 557 с.
222. Основы предпринимательского дела. Благородный бизнес / под ред. Ю.М. Осипова. – М.: Ассоциация “Гуманитарное знание”; МП “Трифон”, 1992. – 430 с.
223. Эванс, Д.Р. Маркетинг / Д.Р. Эванс, Б. Берман. – М.: Экономика, 1990. – 351 с.
224. Парфенов, П. Кейс-метод: учитесь задавать вопросы / П. Парфенов // Бизнес, 1992. – № 6. – С. 18–20; № 7. – С. 15–17; № 8. – С. 20–22.
225. Жандаров, А.М. Решения в проблемных ситуациях: учеб. пособие / А.М. Жандаров, И.К. Ужинский. – М.: Наука, 1985. – 123 с.
226. Ивлев, Ю.В. Логика / Ю.В. Ивлев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 270 с.
227. Марков, Ю.Г. Функциональный подход в современном научном познании / Ю.Г. Марков. – Новосибирск: Наука, 1982. – 255 с.
228. Воробьев, Н.Н. Теория игр для экономистов-кибернетиков / Н.Н. Воробьев. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
229. Либшер, Х. Математические модели конфликтных ситуаций и понятие диалектического противоречия / Х. Либшер // Кибернетика и диалектика. – М.: Наука, 1987. – С. 141–161.
230. Светлов, В.А. Практическая логика / В.А. Светлов. – СПб.: Дом “МиМ”, 1997. – 575 с.

231. Бестужев-Лада, И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Наука, 1987. – 212 с.
232. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – М.: Прогресс, 1990. – 733 с.
233. Хейне, П. Экономический образ мышления / П. Хейне. – М.: Дело, 1993. – 701 с.
234. Блейк, Р.Р. Научные методы управления / Р.Р. Блейк, Д.С. Моутон. – Киев: Наук. думка, 1990. – 274 с.
235. Розен, В.В. Цель – оптимальность – решение (математические модели принятия оптимальных решений) / В.В. Розен. – М.: Радио и связь, 1982. – 169 с.
236. Бестужев-Лада, И.В. Поисковое социальное прогнозирование: перспективные проблемы общества: Опыт систематизации / И.В. Бестужев-Лада. – М.: Наука, 1984. – 271 с.
237. Холт, Р.Н. Планирование инвестиций / Р.Н. Холт, С.Б. Барнес. – М.: Дело ЛТД, 1994. – 116 с.
238. Хохлов, Н.В. Управление риском: учеб. пособие для вузов / Н.В. Хохлов. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 1999. – 239 с.
239. Старр, М. Управление производством / М. Старр. – М.: Прогресс, 1968. – 398 с.
240. Карась, Л. Принятие управленческих решений с учетом риска / Л. Карась // Проблемы теории и практики управления. – 1993. – № 3. – С. 69–72.
241. Абчук, З.А. Директорский “хлеб”: Занимательно об управлении / З.А. Абчук. – Л.: Лениздат, 1991. – 208 с.
242. Корнилова, Т.В. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером / Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 192 с.
243. Иванников, В.А. Психологические механизмы волевой регуляции / В.А. Иванников. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 140 с.
244. Юксвярав, Р.К. Управленческое консультирование: теория и практика / Р.К. Юксвярав, М.Я. Хабакук, Я.А. Лейман. – М.: Экономика, 1988. – 239 с.
245. Абчук, В.А. 7 : 1 в нашу пользу / В.А. Абчук. – М.: Радио и связь, 1982. – 176 с.
246. Юнг, К.Г. Психологические типы. – М.: Университетская книга; АСТ, 1996. – 515 с.
247. Соколова, Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е.Т. Соколова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 213 с.

248. Ласкорин, Б.Н. Предисловие / Б.Н. Ласкорин // Порфирьев Б.Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях: Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф. – М.: Знание, 1989. – С. 3–7.
249. Резанов, И.А. Великие катастрофы в истории Земли / И.А. Резанов. – М.: Наука, 1980. – 175 с.
250. Порфирьев, Б.Н. Государственное управление в чрезвычайных ситуациях: анализ методологии и проблемы организации / Б.Н. Порфирьев. – М.: Наука, 1991. – 135 с.
251. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. – М.: Пресс-академия, 1992. – 256 с.
252. Шабага, А.В. Цивилизации и изменения природной среды / А.В. Шабага, Г.М. Зараковский, Л.В. Попов // Человек. – 1994. – № 5. – С. 47–59.
253. Гаджиев, К.С. О природе конфликтов и войн в современном мире / К.С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1997. – № 6. – С. 3–23.
254. Богданов, А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 кн. / А.А. Богданов. – М.: Экономика, 1989. – Кн. 1. – 342 с.
255. Рудашевский, В.Д. Риск, конфликт и неопределенность в процессе принятия решений и их моделирование / В.Д. Рудашевский // Вопросы психологии. – 1974. – № 2. – С. 84–94.
256. Тохтабиев, С.А. Экстремальные ситуации и их отражение в научном познании / С.А. Тохтабиев // Философские науки. – 1984. – № 2. – С. 68–75.
257. Разумовский, О.С. Экстремальные закономерности: Категории наибольшего и наименьшего / О.С. Разумовский. – Новосибирск: Наука, 1988. – 133 с.
258. Гречанова, В.А. Неопределенность и противоречивость в концепции детерминизма / В.А. Гречанова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 136 с.
259. Бабосов, Е.М. Катастрофы: социологический анализ / Е.М. Бабосов. – Минск: Навука і тэхніка, 1995. – 496 с.
260. Анцупов, А.Я. Проблемы конфликтологии / А.Я. Анцупов // Философские науки. – 1996. – № 1–4. – С. 75–81.
261. Мечитов, А.И. Социально-психологические проблемы восприятия риска / А.И. Мечитов, С.Б. Ребрик // Журнал Всесоюз. хим. о-ва им. Д.И. Менделеева. – 1991. – Т. 36. – № 5. – С. 623–628.
262. Ионин, Л.Г. Понимание и экспертиза / Л.Г. Ионин // Вопросы философии. – 1991. – № 10. – С. 48–57.
263. Левинтов, Н.Г. Социально-философское содержание категории “кризис” / Н.Г. Левинтов // Философские науки. – 1980. – № 1. – С. 39–49.
264. Бондарев, Г.И. Еще раз о понятии “кризис” / Г.И. Бондарев // Философские науки. – 1982. – № 3. – С. 138–140.

265. Бородкин, В.В. Проблемы противоречия в материалистической диалектике / В.В. Бородкин. – М.: Наука, 1982. – 255 с.
266. Слемнев, М.М. Диалектика спора / М.М. Слемнев, В.Н. Васильков. – Минск: Университетское, 1990. – 224 с.
267. Швырев, В.С. Как нам относиться к диалектике / В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1995. – № 1. – С. 152–158.
268. Якимова, Е.В. По лезвию бритвы: социально-психологический анализ преднамеренного риска / Е.В. Якимова, С. Линг // Рефер. жур. – 1993. – № 2. – С. 97–102. – (Сер. Социология).
269. Альгин, А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Альгин. – М.: Мысль, 1989. – 187 с.
270. Поливанова, К.Н. Психологический анализ кризисов возрастного развития / К.Н. Поливанова // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 61–69.
271. Смольков, В. Конфликт в социальном управлении / В. Смольков // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – № 5. – С. 119–120.
272. Китаев-Смык, Л.А. Психология стресса / Л.А. Китаев-Смык. – М.: Наука, 1983 – 386 с.
273. Донченко, Е.А. Личность: конфликт, гармония / Е.А. Донченко, Т.М. Титаренко. – Киев: Полит. изд-во Украины, 1987. – 156 с.
274. Тунг, Б.Х. Качество управления в условиях кризиса / Б.Х. Тунг // Проблемы теории и практики управления. – 1993. – № 1. – С. 117–122.
275. Бубер, М. “Я” и “Ты” / М. Бубер. – М.: Высш. шк., 1993. – 173 с.
276. Волович, В.Г. Человек в экстремальных условиях природной среды / В.Г. Волович. – М.: Мысль, 1983. – 223 с.
277. Лиханов, А.А. Драматическая педагогика: Очерки конфликтных ситуаций / А.А. Лиханов. – М.: Педагогика, 1983 – 320 с.
278. Лебедев, В.И. Личность в экстремальных условиях / В.И. Лебедев. – М.: Политиздат., 1989. – 304 с.
279. Лупьян, Я.А. Барьеры общения, конфликты, стресс... / Я.А. Лупьян. – Минск: Высш. шк., 1988. – 223 с.
280. Стоянова, Е.С. Финансовый менеджмент в условиях инфляции / Е.С. Стоянова. – М.: Перспектива, 1994 – 61 с.
281. Фишер, Р. Путь к согласию, или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. – М.: Наука, 1990 – 155 с.
282. Кочетков, К.Е. Аварии и катастрофы: Предупреждение и ликвидация последствий / К.Е. Кочетков и др. – М.: Изд-во ассоциации строит. вузов, 1995. – 319 с.
283. Гостюшин, А.В. Энциклопедия экстремальных ситуаций / А.В. Гостюшин. – М.: Зеркало, 1995 – 165 с.
284. Дружинин, В.В. Введение в теорию конфликта / В.В. Дружинин, Д.С. Конторов, М.Д. Конторов. – М.: Радио и связь, 1989 – 286 с.

285. Мастенбрук, У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / У. Мастенбрук. – М.: ИНФРА-М, 1996 – 253 с.
286. Ступницкий, В. Управление персоналом социотехнических систем в экстремальных условиях / В. Ступницкий // Проблемы теории и практики управления. – 1995. – № 1. – С. 115–121.
287. Ноув, А. Какой должна быть экономическая теория переходного периода? / А. Ноув // Вопросы экономики. – 1993. – № 11. – С. 16–23.
288. Психологи о терроризме (круглый стол) // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – №4. – С. 37–48.
289. Василюк, Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 200 с.
290. Лапин, Н.И. Динамика ценностей населения реформируемой России / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, Н.Ф. Наумова и др. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 155 с.
291. Мухелишвили, Н.Л. Ценностная рефлексия и конфликты в разделенном обществе / Н.Л. Мухелишвили, В.М. Сергеев, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 3–22.
292. Беляев, С.Г. Теория и практика антикризисного управления: учебник для вузов / С.Г. Беляев. – М.: Закон и право; ЮНИТИ, 1996. – 469 с.
293. Базаров, Т.Ю. Технология центров оценки для государственных служащих: Проблемы конкурсного отбора: учеб. пособие / Т.Ю. Базаров. – М.: ИКП Госслужбы, 1995. – 141 с.
294. Василюк, Ф.Е. Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.
295. Василюк, Ф.Е. Типология переживания различных критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 5. – С. 104–114.
296. Авдеев, В.В. Психотехнология решения проблемных ситуаций / В.В. Авдеев. – М.: Феникс, 1992. – 126 с.
297. Мель, Ю. Социальная компетентность как цель психотерапии: проблемы образа Я в ситуации социального перелома / Ю. Мель // Вопросы психологии. – 1995. – № 5. – С. 61–68.
298. Корнилов, А.П. Саморегуляция человека в условиях социального перелома / А.П. Корнилов // Вопросы психологии. – 1995. – № 5. – С. 69–78.
299. Шапкин, С.А. Деятельность в особых условиях: компонентный анализ структуры и стратегий адаптации / С.А. Шапкин, Л.Г. Дикая // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 1. – С. 19–34.
300. Ребер, А. Большой толковый психологический словарь / А. Ребер. – М.: Вече; АСТ, 2000. – Т. 2. – 559 с.

301. Бердяев, Н. О самоубийстве (психологический этюд) / Н. Бердяев // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 90–94; №2. – С. 96–106.
302. Мильнер, Б. Кризис управления / Б. Мильнер // Вопросы экономики. – 1993. – № 1. – С. 79–91.
303. Кузнецова, Т. Кооперация и самоуправление: Россия и Германия от середины прошлого века до наших дней / Т. Кузнецова, Л. Овчинцева // Вопросы экономики. – 1995. – № 1. – С. 159–160.
304. Акопян, К.З. Самоубийство: проблемы мотивации (размышления в связи с психологическим этюдом Н.А. Бердяева “О самоубийстве”) / К.З. Акопян // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 3. – С. 153–157.
305. Магомед-Эминов, М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М.Ш. Магомед-Эминов // Вестн. Моск. гос. ун-та. – Сер. 14: Психология. – 1996. – № 4. – С. 26–35.
306. Гарсия-Исер, М. Критические ситуации на региональных рынках труда / М. Гарсия-Исер, О. Голодец, С. Смирнов // Вопросы экономики. – 1997. – № 2. – С. 114–124.
307. Лебедев, А.Н. Прогнозирование и профилактика межличностных производственных конфликтов в условиях нововведений / А.Н. Лебедев // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 6. – С. 71–79.
308. Перламутров, В. Еще раз о траектории кризисного развития / В. Перламутров // Российский экономический журнал. – 1994. – № 5–6. – С. 14–23.
309. Накамура, К. Вокруг толкования понятия зоны ближайшего развития / К. Накамура // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 4. – С. 20–31.
310. Мильнер, Б. Управление: пути преодоления кризиса / Б. Мильнер // Вопросы экономики. – 1997. – № 6. – С. 36–41.
311. Рузавин, Г. Самоорганизация и организация экономики и поиск новой парадигмы экономической науки / Г. Рузавин // Вопросы экономики. – 1993. – № 11. – С. 24–32.
312. Рузавин, Г. Самоорганизация и организация в развитии общества / Г. Рузавин // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 63–72.
313. Латфуллин, Г. Основные тенденции и концепции управления на стыке веков / Г. Латфуллин // Проблемы теории и практики управления. – 1996. – № 1. – С. 76–80.
314. Мильнер, Б. Управление промышленностью: проблемы и решения / Б. Мильнер // Вопросы экономики. – 1993. – № 9. – С. 30–32.
315. Калитеевская, Е.Р. Адаптация или развитие: выбор психотерапевтической стратегии / Е.Р. Калитеевская, В.И. Ильичева // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 115–121.

316. Фонтана, Д. Как справиться с кризисом / Д. Фонтана. – М.: Педагогика-пресс, 1995. – 351 с.
317. Томас, Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения / Т.Л. Томас // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 2. – № 1. – С. 71–89. – <http://www.reflexion.ru>.
318. Сорос, Дж. Советская система: к открытому обществу / Дж. Сорос. – М.: Политиздат, 1991. – 220 с.
319. Сорос, Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 416 с.
320. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности / Дж. Сорос. – М.: ИНФРА-М, 1999. – 262 с.
321. Рефлексивные процессы и управление: тез. V Междунар. симпозиума, 11–13 октября 2005 г., г. Москва / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Ин-т философии РАН, 2005. – 282 с. – <http://www.reflexion.ru>.
322. Рефлексивные процессы и управление: тез. IV Междунар. симпозиума, 7–9 октября 2003 г., г. Москва / под ред. В.Е. Лепского. – М.: Ин-т психологии РАН, 2003. – 172 с. – <http://www.reflexion.ru>.
323. Иванов, Ф.Е. Метод рефлексивного анализа причин авиационных происшествий и инцидентов (АП/АИ) как перспективный метод оценки человеческого фактора (ЧФ) при АП/АИ / Ф.Е. Иванов, Л.А. Терентьев, М.К. Яблоков / Рефлексивные процессы и творчество.– Новосибирск, 1990. – Ч. 2. – С. 23–26.
324. Жовтун, Д.Т. Философские основы управления / Д.Т. Жовтун, Ф.Д. Демидов // Синергетика и социальное управление / под общ. ред. В.С. Егорова. – М.: РАГС, 1998. – С. 100–109.
325. Семенов, И.Н. Рефлекси́ка критических ситуаций: Взаимодействие их рефлексивно-методологического анализа и рефлексивно-психологической экспертизы / И.Н. Семенов // Рефлексивные процессы и творчество. – Новосибирск, 1990. – Ч. 2. – С. 6–8.
326. Вергазов, С.М. Возможности рефлексивного анализа при оценке личностной и ситуативной предрасположенности к авариям / С.М. Вергазов, Ф.Е. Иванов, А.Н. Сапрыкин // Рефлексивные процессы и творчество. – Новосибирск, 1990. – Ч. 2. – С. 19–21.
327. Абалкин, Л. Экономическая теория на пути к новой парадигме / Л. Абалкин // Вопросы экономики. – 1993. – № 1. – С. 4–14.
328. Степин, В.С. Философия и образы будущего / В.С. Степин // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 10–21.
329. Розин, В.М. Философия и методология: традиция и современность / В.М. Розин // Вопросы философии. – 1996. – № 11. – С. 57–64.
330. Василюк, Ф.Е. Уровни построения переживания и методы психологической науки / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27–37.

331. Тевено, Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире / Л. Тевено // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 69–84.
332. Овчинников, В. Управление конфликтами в бизнесе / В. Овчинников, Н. Ракитянский // Проблемы теории и практики управления. – 1993. – № 5. – С. 84–88.
333. Коломинский, Я.Л. Социально-психологический анализ конфликтов между детьми в игровой деятельности / Я.Л. Коломинский, Б.П. Жизневский // Вопросы психологии. – 1990. – № 2. – С. 35–42.
334. Гостев, А.А. На путях становления отечественной конфликтологии / А.А. Гостев, В.А. Соснин, Е.И. Степанов // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 2. – С. 110–128.
335. Найн, А.Я. Культура делового общения / А.Я. Найн. – Челябинск: Версия, 1997. – 255 с.
336. Сулимова, Т. Социальный конфликт: возникновение и методы разрешения / Т. Сулимова // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – № 1. – С. 116–120.
337. Бородкин, Ф.М. Внимание: конфликт / Ф.М. Бородкин, Н.М. Коряк. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1989. – 177 с.
338. Леонтьев, Д.А. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования / Д.А. Леонтьев, Н.В. Пилипко // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 97–110.
339. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 46–52.
340. Яковец, Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю.В. Яковец. – М.: Наука, 1999. – 448 с.
341. Асеев, В.А. Эвристическая роль экстремальных принципов в оптимальном описании / В.А. Асеев // Эвристическая и методологическая функции философии в научном познании. – Л.: Изд-во ЛГУ, – 1980. – С. 66–73.
342. Вайзер, Г.А. Смысл жизни и “двойной кризис” в жизни человека / Г.А. Вайзер // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 3–14.
343. Задорожнюк, И.Е. Новое в теоретических разработках и практических приложениях теории деятельности / И.Е. Задорожнюк // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 3. – С. 161–166.
344. Моисеев, В.И. О разнообразии статусов существования и модальности предельных понятий / В.И. Моисеев, А.В. Чусов // Вестн. Моск. гос. ун-та. – Сер. 7: Философия. – 1997. – № 4. – С. 82–104.
345. Мудрагей, Н.С. Идеал – проблема выбора, или воля к разуму / Н.С. Мудрагей // Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 44–53.

346. Чудновский, В.Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от “внешнего” и “внутреннего” / В.Э. Чудновский // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 15–26.
347. Тыщенко, В.П. Единство практической цели и смысла жизни / В.П. Тыщенко // Социальные функции философии. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1981. – С. 80–90.
348. Гарифуллин, Р.Р. Иллюзионизм личности как новая философско-психологическая концепция. Психология обмана, манипуляций, кодирования / Р.Р. Гарифуллин. – Йошкар-Ола: Книга и К, 1997. – 403 с.
349. Леонтьев, Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.
350. Кожев, А. Тирания и мудрость / А. Кожев // Вопросы философии. – 1998. – № 6. – С. 92–119.
351. Рорти, Р. Философия и зеркало природы / Р. Рорти. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320.
352. Психология. Словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
353. Диалектика познания / под ред. А.С. Кармина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 298 с.
354. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1960. – Т. 23. – 907 с.
355. Хейлбронер, Р. Научный анализ и видение в истории современной экономической мысли / Р. Хейлбронер // Вопросы экономики. – 1993. – № 11. – С. 13–15.
356. Райл, Г. Дилеммы / Г. Райл // Вопросы философии. – 1996. – № 6. – С. 113–133.
357. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1994. – Т. 1.: Античность. – 320 с.
358. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 480 с.
359. Шестов, Л. Соч.: в 2 т. / Л. Шестов. – М.: Наука, 1993. – Т. 1. – 667 с.
360. Берн, Э. Трансакционный анализ и психотерапия / Э. Берн. – СПб.: Братство, 1994. – 223 с.
361. Бузгалин, А. Закономерности переходной экономики: теория и методология / А. Бузгалин // Вопросы экономики. – 1995. – № 2. – С. 40–50.
362. Моисеев, Н.Н. Текстология Богданова – современные перспективы / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 8–13.
363. Эзер, Э. Динамика теорий и фазовые переходы / Э. Эзер // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 37–44.
364. Емельянов, С.М. Практикум по конфликтологии / С.М. Емельянов. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.

365. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – СПб.; М.: Университетская книга; АСТ, 1998. – 397 с.
366. Корнелиус, Х. Выиграть может каждый: как разрешать конфликты / Х. Корнелиус, Ш. Фэйр. – М.: Стрингер, 1992. – 215 с.
367. Гориянов, В. Как обсуждение сделать творческим / В. Гориянов // “Кроссворды” для руководителей / сост. И.В. Липсиц. – М.: Дело, 1992. – С. 104–112.
368. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 412 с.
369. Сейнер, Р. Стили поведения менеджеров в конфликтных ситуациях: опыт Швейцарии / Р. Сейнер, Л. Ю // Проблемы теории и практики управления. – 1994. – № 3. – С. 98–102.
370. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Политиздат, 1957. – Т. 6. – 761 с.
371. Маккей, Х. Как уцелеть среди акул: опередить конкурентов в умении продавать, руководить, стимулировать, заключать сделки / Х. Маккей. – М.: Экономика, 1992. – 170 с.
372. Скотт, Д.Г. Конфликты, пути их преодоления / Д.Г. Скотт. – Киев: Внешторгиздат, 1991. – 224 с.
373. Тайна успеха / сост. В.В. Шарпило. – Минск: Парадокс, 1995. – 447 с.
374. Бороздина, Г.В. Психология делового общения: учеб. пособие / Г.В. Бороздина. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 293 с.
375. Тихомиров, В.М. Рассказы о максимумах и минимумах / В.М. Тихомиров. – М.: Наука, 1986. – 192 с.
376. Глущенко, В.В. Исследование систем управления: социологические, экономические, прогнозные, плановые, экспериментальные исследования / В.В. Глущенко, И.И. Глущенко. – Железнодорожный: ООО НПЦ “Крылья”, 2000. – 414 с.
377. Бабосов, Е.М. Социология управления: учеб. пособие для студентов вузов / Е.М. Бабосов. – Минск: ТетраСистемс, 2000. – 288 с.
378. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж.М. Кейнс. – М.: Гелиос АРВ, 1999. – 351 с.
379. Стратегия и тактика антикризисного управления фирмой / под общ. ред. А.П. Градова, Б.И. Кузина. – СПб.: Спец. лит-ра, 1996. – 510 с.
380. Тихомиров, О.К. Решение // Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 815 с.
381. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 445 с.
382. Берталанфи, Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования / Л. Берталанфи. – М.: Наука, 1973. – С. 20–37.

383. Материалистическая диалектика как общая теория развития / под ред. Л.Ф. Ильичева. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 496 с.
384. Лойфман, И.Я. Принципы физики и философские категории / И.Я. Лойфман. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1973. – 136 с.
385. Бабо, А. Прибыль / А. Бабо. – М.: Прогресс; Универс, 1993. – 174 с.
386. Амосова, Т.В. Объединенный Комитет по управлению риском ГНТП “Безопасность” и “Экологическая безопасность России”. Управление риском в социально-экономических системах: концепция и метод ее реализации / Т.В. Амосова, Р.Г. Азиев, Р.Л. Гуревич и др. // Проблемы безопасности при чрезвычайных ситуациях. – 1995. – № 11. – С. 12–13.
387. Солнцева, Г.Н. Определение неопределенности / Г.Н. Солнцева // Управление риском. – 1997. – № 2. – С. 21–26.
388. Кузнецов, В.В. Принятие ответственных решений в условиях риска и неопределенности: учеб. пособие / В.В. Кузнецов. – Саратов: Изд-во СГТУ, 1997. – 80 с.
389. Вархолова, Т. Возможности оценки предпринимательского риска: опыт Словакии / Т. Вархолова // Проблемы теории и практики управления. – 1996. – № 4. – С. 74–77.
390. Шакуров, Р.Х. Барьер как категория и его роль в деятельности / Р.Х. Шакуров // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 3–18.
391. Смирнова, Е. Производственный риск. Сущность и управление / Е. Смирнова // Управление риском. – 2001. – № 1. – С. 3–5.
392. Филин, С. Анализ и управление как основной фактор обеспечения экономической безопасности инновационной деятельности / С. Филин // Управление риском. – 2001. – № 3. – С. 30–36.
393. Романов, В. Рискообразующие факторы: характеристика и влияние на риски / В. Романов // Управление риском. – 2001. – № 3. – С. 10–12.
394. Усов, В.Н. Диалектика как метод духовной и практической деятельности / В.Н. Усов // Вестн. Юж-Урал. гос. ун-та. – Сер.: Социально-гуманитарные науки. – 2002. – Вып. 1.– № 1. – С. 121–125.
395. Корнилова, Т.В. О рубрике “Психология риска” / Т.В. Корнилова // Управление риском. – 1997. – № 1. – С. 3.
396. Акимов, В. Управление рисками катастроф как необходимое условие развития России / В. Акимов, И. Кузьмин // Управление риском. – 1997. – № 3. – С. 11–19.
397. Качалов, Р. Парадокс риска / Р. Качалов // Управление риском. – 1998. – № 2. – С. 50–55.
398. Кривов, В. Проблема рисков при принятии управленческих решений / В. Кривов // Управление риском. – 2000. – № 4. – С. 15–17.
399. Эрроу, К. Информация и экономическое поведение / К. Эрроу // Вопросы экономики. – 1995. – № 5. – С. 98–107.

400. Роджерс, Ф.Дж. ИБМ. Взгляд изнутри. Человек – фирма –маркетинг / Дж.Ф. Роджерс. – М.: Прогресс, 1990. – 278 с.
401. Джохадзе, Д.В. Диалектика эллинистического периода / Д.В. Джохадзе. – М.: Высшая школа, 1979. – 127 с.
402. Петровский, В. Неадаптивный риск: феноменология и опыт интерпретации / В. Петровский // Управление риском. – 1997. – № 3. – С. 29–34; № 4. – С. 13–15.
403. Ярмак, Ю.В. О востребованности философско-методологических знаний / Ю.В. Ярмак // Вестн. Рос. филос. о-ва. – 2008. – 1(45). – С. 68–70.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1	
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ	
1.1. Понятие рефлексии в истории философии и ее методологическое Значение.....	8
1.2. Философско-методологический смысл рефлексивного управления...28	
1.3. Системогенез категориальной модели рефлексивного механизма управленческих решений.....	43
1.4. Философская рефлексия как принцип самостоятельных управленческих решений.....	56
Глава 2	
ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ КАК МЕТОД САМОУПРАВЛЕНИЯ	
2.1. Обусловленность ответственных управленческих решений философской рефлексией.....	71
2.2. Предметная рефлексия в управлении процессом целеполагания.....	83
2.3. Операциональная рефлексия в управлении процессом решения Проблем.....	95
2.4. Ценностная рефлексия в управлении процессом принятия Решения.....	105
Глава 3	
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В УПРАВЛЕНИИ КРИТИЧЕСКИМИ СИТУАЦИЯМИ	
3.1. Критические ситуации и внешнее рефлексивное управление.....	117
3.2. Рефлексивная типология понимания критических ситуаций.....	123
3.3. Рефлексивное распознавание критических ситуаций.....	138
3.4. Формирование рефлексивных стратегий управления критическими ситуациями.....	146
Глава 4	
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ НАД СТРАТЕГИЯМИ УПРАВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКИМИ СИТУАЦИЯМИ	
4.1. Полагающая рефлексия над стратегиями управления конфликтом.....	151
4.2. Внешняя рефлексия над стратегиями управления экстремальностью.....	164
4.3. Определяющая рефлексия над стратегиями управления неопределенностью.....	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	186
ГЛОССАРИЙ.....	189
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	192

CONTENTS

INTRODUCTION.....	3
Chapter 1	
PHILOSOPHIC REFLECTION AS METHODOLOGY OF SELF- CONSCIENSE	
1.1. Notion of reflection and its methodological significance.....	8
1.2. Philosophic methodological sense of reflexive managing.....	28
1.3 Systematic genesis of categories' model for reflexive mechanism of ma- nagerial decisions.....	43
1.4. Philosophic reflection as principle of autonomous managerial decisions....	56
Chapter 2	
PHILOSOPHIC REFLECTION IN PROCESS OF DECISION-MAKING AS METHOD OF SELF-MANAGEMENT	
2.1. Conditioning of responsible managerial decisions by philosophic reflec- tion.....	71
2.2. Subject reflection in process of goal-affirmation.....	83
2.3. Operational reflection in managing the process of problem-solving.....	95
2.4. Axiological reflection in managing the process of decision-making.....	105
Chapter 3	
PHILOSOPHIC METHODOLOGICAL REFLECTION IN MANAGING CRIT- ICAL SITUATIONS	
3.1. Critical situations and external reflexive managing.....	117
3.2. Reflexive typology for comprehending critical situations.....	123
3.3. Reflexive differentiating of critical situations.....	138
3.4. Moldering of reflexive strategies for managing critical situations.....	146
Chapter 4	
PHILOSOPHIC METHODOLOGICAL REFLECTION OF STRATEGIES FOR MANAGING CRITICAL SITUATIONS	
4.1. Affirmative reflection of strategies for managing a conflict.....	151
4.2. External reflection of strategies for managing the extremes.....	164
4.3. Definitive reflection of managerial strategies for uncertainties.....	175
CONCLUSION.....	186
GLOSSARY.....	189
BIBLIOGRAPHY.....	192

Usov V.N.

Reflexive managing: philosophic-methodological aspect: monograph / V.N. Usov. – Chelyabinsk: Publishing center SUSU, 2010. – 220 p.

Monograph by doctor of philosophy Usov V.N. is devoted to methodological functioning of philosophic reflection in the sphere of reflexive managing. Reflection is a foundation for methodology of self-managing in ordinary managing situations which are relatively stable. While in external managing of critical situations and amongst its socio-cultural factors the reflection is the methodological basis as such.

The book is addressed to professional philosophers, theoreticians and practitioners of reflexive managing, to all who are interested in philosophical problems of managing.

SUMMARY

Monograph is devoted to methodological aspects of reflexive managing. Basic premise of the study consists in methodological link between philosophical reflection and self-managing as such. Strategy of reflexive managing is grounded in it's own intellectual and pragmatic calls and responses. The author is seeking philosophical reevaluation of frames and principles generating different interpretations of reflexive managing as well as it's practical applications.

Chapter One clears the notion of reflection and its' methodological status. Subject matter of philosophic reflection is quite adequately represented in reflexive managing. However, the system of methodological categories for reflexive managing is still not developed. Meanwhile, autonomous managerial decisions serve as final pragmatic criteria for any valid methodological schemes.

Chapter Two comprises theoretical analysis of gain and decision-making process. The core problem includes the relation of operational and axiological reflection. Author comes to an original definition of self-management as theoretical and applied philosophic method.

Chapter Three presents the instruments of philosophic reflection in managing critical situations. Reflexive typology and reflexive strategies for managing critical situations are grounded on a wider comprehension of such situation than it is taken for granted in modern management.

Chapter Four includes the polemic foundation for methodological strategies in managing critical situations. Author reevaluates external and internal aspects of uncertainty, conflicts and extremes.

Basic results of investigation are summarized in Glossary. Some terms are rather philosophical to the sphere of social technologies. All in all the book is opening a new perspective for interpreting philosophy's mission as a methodology of managing.